

Эта книга – настоящий подарок для всех фанатов серии FarCry. Она позволяет узнать предысторию тех событий, с которыми им предстоит встретиться непосредственно в игре.

Жанна Горанская,
руководитель платформы Рамблер/игры

FARCRY®

★ ★ ★ ★ ★ ПРОЩЕНИЕ

A man with a beard and glasses, shirtless and wearing jeans, sits on a wooden bench in a church. Behind him is a large American flag. The church has wooden pews, a wooden floor, and a wooden ceiling. There are some graffiti-like markings on the walls, such as "who thirst address will be filled" on the left and "Arise Sh your HOS" on the right. The lighting is warm and golden, suggesting a sunset or sunrise.

УРБАН УЭЙТ

FARCRY 5. ПРЕДЫСТОРИЯ

FARCRY®

ПРОЩЕНИЕ

УРБАН УЭЙТ

FARCRY 5. ПРЕДЫСТОРИЯ

БОМБОРА™

Москва 2018

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-44
У97

Far Cry Absolution

URBAN WAITE

© 2018 Ubisoft Entertainment. All Rights Reserved. Far Cry, Ubisoft, and the Ubisoft logo are trademarks of Ubisoft Entertainment in the U.S. and/or other countries.

Перевод *Я.Б. Сорокиной*

Издание опубликовано ООО «Издательство «Эксмо»

Уэйт, Урбан.

У97 Far Cry. Прощение / Урбан Уэйт ; [пер. с англ. Я.Б. Сорокиной]. — Москва : Эксмо, 2018. — 256 с.

ISBN 978-5-04-091403-6

Округ Хоуп, штат Монтана. Прибежище фанатиков культа Судного дня. Мэри Мэй Фэйргрейв, владелица местного бара, лишилась практически всего, что было ей дорого в жизни. Ее родители умерли при загадочных обстоятельствах, а брат исчез, привлеченный словами харизматичного лидера культа. Против умелого и опасного противника у Мэри Мэй практически нет шансов, но неожиданное вмешательство охотника Уильяма Бойда изменит все.

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-091403-6

*Поклонникам, благодаря которым
это стало реальностью*

ПРОЛОГ

Жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы.

Евангелие от Матфея 13: 39

ериф вошел и устроился в кресле. Он снял шляпу, закинул ноги на стол и наградил девушку тяжелым взглядом:

— К чему все это?

— Ты знаешь к чему, — откликнулась Мэри Мэй. — И мне интересно, что ты с этим будешь делать?

Шериф поковырял ногтем поля шляпы, подцепил невидимую соринку и отшвырнул прочь. Когда-то он был наездником на быке. Мэри Мэй помнила его с детства. Па и ма брали ее с братом на родео. Там она видела этого человека. Тогда он был поджарым и молодым. Она стояла прямо на досках ограждения и смотрела, как он выезжает из ворот. Все кричали, пока он лишь каким-то чудом держался на беснующемся быке и грязь летела во все стороны из-под копыт. В тот момент он казался бесстрашным, выглядел настоящим героем. Совсем не то, что сейчас.

УРБАН УЭЙТ

В итоге оставив шляпу в покое, шериф выпрямился и взглянул ей прямо в глаза:

— Дьявол тебя подери, Мэри Мэй, ты же прекрасно знаешь, что я ничего не могу сделать. Знаешь, что это был всего лишь несчастный случай. А если и нет, то все равно черта с два в моей власти хоть что-то.

— Несчастный случай? Па отправился туда за Дрю. Он сорок лет крутил баранку. Что свой грузовик, что рабочий — ни разу и царапинки не было. И ты мне говоришь про несчастный случай?

— Я соболезную твоей потере, но ничего не поделать.

В глазах шерифа читалось искреннее сочувствие, и Мэри Мэй даже стало его жаль. Она знала, что он говорит правду.

— Думаешь, они и тебя так же подтолкнут? Так, что ты слетишь с обрыва?

— О чем это ты?

Но она лишь улыбнулась в ответ, обвела взглядом комнатушку, а затем уставилась на шляпу, так и лежащую на столе между ними. Девушке еще не было и тридцати, а она уже потеряла почти всех, кто был ей дорог. И ощущение было таким, будто все они ушли в одночасье. Ей остались лишь бар и ярость, постепенно зреющая в груди.

— Дрю все еще где-то там, — помолчав, проговорила она. — Я собираюсь забрать его. Или хотя бы рассказать, что па больше нет. Вот о чем я.

Оттолкнувшись ладонями от стола, она поднялась и нервно одернула край футболки поверх джинсов. На шее, под собранными в хвост русыми волосами чуть ниже плеч, неистово билась жилка, но у Мэри Мэй не было ни сил, ни желания успокаиваться.

Она почти дошла до двери, когда голос шерифа заставил ее остановиться:

— Я был там однажды. — Мэри Мэй сдавила ладонью дверную ручку и посмотрела на него через отражение в стекле; нанесенные буквы не мешали видеть, что мужчина тоже поднялся на ноги. — Меня пригласили... Пригласили присутствовать на одной из служб.

Она медленно обернулась.

— Мне приходилось иметь дело с придурками, планирующими выжить после конца света или же сдохнуть во время него. — Шериф вышел из-за стола. — С семьями, живущими в холмах без воды или электричества. Только представь: бабка с внуками ютилась на койке, пока мать с папашей заделывали очередного выродка. С оружейными психами. Бункерами и закрытыми зонами. Вольнодумцами, анархистами, нигилистами, демократами и одному богу известно кем еще. Но поверь на слово, я никогда не сталкивался ни с чем, подобным тому, что увидел во «Вратах Эдема». Та убежденность, та сила, которую они придают словам своего Отца, — это зараза, и она буквально заползает под кожу. Они веруют, понимаешь? Каждый из них. Не хотелось бы наговаривать или ставить под сомнение их убеждения, но, честно признаюсь, ничего более жуткого мне не встречалось. И ничего мне с этим не поделать, потому что, сама понимаешь, все совершенно законно.

— Долго репетировал? — только и спросила Мэри Мэй.

— Каждый вечер повторяю перед сном.

Девушка шагнула обратно к двери и открыла ее, бросив через плечо перед уходом:

УРБАН УЭЙТ

— Там мой брат. И кроме него у меня никого не осталось.

Мэри Мэй была уже на полпути к горам, когда заметила белый церковный пикап в зеркале заднего вида. Следующие пять миль он неотступно двигался за ней. На каждом повороте, на каждом перекрестке она бросала взгляд на остающуюся позади дорогу, пустую до самого горизонта, и каждый раз машина преследователя вновь возникала в поле зрения. Можно было подумать, что ее красный «Форд» и белый пикап сцеплены невидимым тросом — настолько очевидным было преследование.

Еще милою спустя она съехала на обочину и заглушила мотор, а затем вытащила из бардачка старый хромированный отцовский револьвер и положила на приборную панель перед собой. Ей совсем некого было попросить о помощи... Во всем округе Хоуп не было ни одного человека, к которому можно было бы обратиться, так что она просто ждала, пока пикап вынырнет из-за ближайшего поворота.

Когда пикап затормозил рядом, Мэри Мэй узнала мужчину за рулем. Это был Иоанн Сид. Она знала его полжизни и почти все это время считала самым обычным человеком и не более того. Но оказалось, что он представлял опасность и для нее, и для любого, кто рискнул бы встать у него на пути. Вместе с братом он управлял «Вратами Эдема», а потому, если кто и знал, что произошло с ее отцом или как найти ее брата, так это Иоанн Сид.

Глядя в зеркало, она наблюдала, как мужчина открыл дверь и вышел из машины. Он был лет на десять старше нее, выше среднего роста, с темными волосами и густой

каштановой бородой. Она поймала его взгляд, прежде чем он вновь склонился к машине и вытащил что-то. Мэри Мэй подумалось, что это мог быть пистолет, но уверенности не было; потом он спрятал предмет под рубашу и не спеша направился к «Форду». Когда он приблизился, девушка припустила боковое стекло.

— Боишься? — спросил Иоанн вместо приветствия.

— А стоит? — ответила она вопросом на вопрос, глядя ему прямо в глаза.

Он помолчал пару секунд, а потом вытащил руку из кармана и медленно провел пальцами по краю окна.

— У тебя есть лицензия на эту игрушку? — движением руки и легким кивком он указал на револьвер.

Мэри Мэй невольно проследила за его движением, а когда спохватилась, Иоанн уже отступил на шаг, как будто предполагая, что она может пустить оружие в ход. С легким удивлением она ответила:

— Это отцовский.

Он вновь помолчал, как будто прикидывая, что на это сказать.

— То, что с ним произошло, печально, — наконец проговорил он, и это прозвучало почти искренне.

— Он ехал сюда, чтобы забрать Дрю, когда это случилось.

— Вот, значит, как?

— Теперь я хочу увидеть брата и попросить его вернуться домой.

— Об этом мне тоже известно.

— Надо же.

— Конечно, — Иоанн медленно кивнул. — Мне многое рассказывают. Например, я слышал, что ты продолжаешь

УРБАН УЭЙТ

продавать алкоголь в своем баре, хотя мы просили тебя прекратить. И это лишь один из примеров.

Мэри Мэй посмотрела на собеседника как на идиота, хотя прекрасно знала, что он никак не глуп:

— А как мне держать бар без спиртного?

— Никак.

Это было сказано как нечто само собой разумеющееся, но Мэри Мэй прекрасно поняла, что кроется за этим словом. Впрочем, сейчас ее занимали более насущные вопросы:

— Вы знаете, где мой брат?

— Знаю. Он с нами.

— Он знает, что произошло с па?

— Знает.

— Вы отпустите его?

— Он волен уйти, когда пожелает. Я не тюремщик.

— Разве?

— Это все, что я могу тебе сказать.

Не глядя Мэри Мэй опустила руку, нащупала ключ зажигания и повернула его. Двигатель машины послушно заурчал. Девушка выпрямилась и устроила руки поверх руля. Блестящий револьвер по-прежнему лежал на приборной панели и едва слышно дребезжал от вибрации.

— Что ты собираешься делать?

— Забрать своего брата.

— Подумай, — медленно проговорил Иоанн. — Ты же умная девочка.

Это прозвучало так, будто он знал что-то, чего не знала она, и Мэри Мэй буквально возненавидела его в этот момент. Иоанн приблизился на шаг, и девушка подалась вперед, как будто уже была готова схватиться за револьвер.

— Не стоит усложнять. — Мужчина остановился. — Почему бы тебе не развернуться и не отправиться обратно в долину, пока не случилось непоправимое?

Вместо ответа Мэри Мэй надавила на газ, и машина послушно рванулась вперед по дороге. В зеркало заднего вида девушка увидела, как Иоанн вытащил то, что прежде прятал под рубашкой. Когда он поднял предмет к губам, девушка сообразила, что это рация. И вряд ли то, что он сейчас говорил, сулило что-то хорошее.

Добрая миля осталась позади, прежде чем Мэри Мэй переложила револьвер с панели на сиденье рядом с собой и прижала бедром, чтобы не свалился на очередном повороте. Дорога петляла и поднималась все выше в горы, и девушка постоянно всматривалась в зеркало заднего вида, уверенная, что Иоанн будет ее преследовать.

И вот за очередным поворотом она увидела перекресток, а на нем — два пикапа и четверых мужчин рядом с ними. Все были вооружены, но издалека Мэри Мэй не могла разглядеть, винтовками или автоматами. Девушка резко нажала на тормоз и остановилась. Она вытащила револьвер и проверила барабан. Здравый смысл требовал развернуться и поехать прочь, но она прекрасно понимала, что в этом случае подведет брата. Отступить сейчас значило предать его, предать все, предать всю семью, предать то, за что так яро боролся отец.

Она включила заднюю передачу, обернулась, перекинув руку через спинку сиденья, и нажала на газ. Шины «Форда» послушно закрутились, и машина двинулась назад по дороге. Поднимаясь сюда, Мэри Мэй успела приметить небольшую проселочную дорогу, отходящую от основного пути, и теперь хотела добраться до нее, пока еще была

УРБАН УЭЙТ

возможность. Но стоило свернуть на повороте, как она заметила и плакал Иоанна.

Наверное, с ее отцом было то же самое. Мэри Мэй вспомнила, как они его нашли. Вывернутые колеса, разбитое лобовое стекло, огромный грузовик, покореженный и изуродованный. И ни одного свидетеля. Ни одной улики. Никакого намека на то, что случилось. Он был мертв, и она теперь шла по его следам отчаянно стремясь вернуть брата. Ей вспомнились слова Иоанна. То, что он сказал, то, что читалось между строк. Сомнений практически не осталось: смерть ее отца не была несчастным случаем.

Она и не подумала тормозить. До машины Иоанна оставалось совсем немного, когда она, наоборот, вдавила газ в пол, так что двигатель оглушительно взревел, и крутанула руль влево, стоило только заметить вождеденный съезд. «Форд» затрясло на гравии, и теперь она гнала вверх по склону, по-прежнему продолжая движение задом наперед. Шины скрипели, мелкие камушки барабанили по бокам и днищу, но одного беглого взгляда в лобовое стекло было достаточно, чтобы понять, что дела плохи. Иоанн следовал за ней сквозь облако пыли, а дальше по дороге два плакапа тоже снялись с места и бросились в погоню.

Стрелка спидометра перевалила за сорок миль в час, а Мэри Мэй так и продолжала двигаться задним ходом. На узкой дороге не стоило и думать о том, чтобы развернуться. Нога на педали, рука на спинке, взгляд на дороге — все сейчас зависело только от этого. Гравий закончился, и теперь под колесами простиралась обычная лесная грязь. Периодически машина попадала в яму, и тогда вверх взлетали комья земли и темной жижи, кляксами оседающей на стеклах. В эти моменты задняя часть «Форда» выглядела

FAR CRY. ПРОЩЕНИЕ

будто корма лодки, попавшей в бушующий шторм. Грязь постепенно облепляла машину, мешая видеть, что происходит.

В момент столкновения — с камнем ли, с упавшей ли веткой дерева — машина так и ехала с той же скоростью. Этого вполне хватило, чтобы потерять управление. Мэри Мэй нажала на тормоз и вывернула руль, что-то затрещало... машину подбросило в воздух, она тяжело ударилась об обочину дороги и отлетела в глубину леса.

I

Тот, кто поднимет руку на нас, кто попытается сломить нас, кто дерзнет отвергнуть нас в час нужды... Того рука будет отсечена столько же легко, сколь умелый фермер срезает сноп спелой пшеницы.

— Отец, «Врата Эдема»
Округ Хоуп, Монтана

НЕДЕЛЕЙ РАНЕЕ...

Это был гризли. Огромный канадский гризли. Уилла Бойда разбудил раскат грома, и он вышел на крыльцо, чтобы посмотреть на разгулявшуюся непогоду. Царила ночь, и на севере силуэт скал темной громадой выделялся на фоне чуть более светлых облаков. Оттуда-то и шла гроза. Весь день ее приближение чувствовалось в воздухе, который с каждым часом становился плотнее и тяжелее. Но это ощущение исчезло ровно в тот миг, как хлынул дождь, а небо раскололось, будто лед на замерзшем озере.

В шести-семи милях в сторону предгорий уже стояла стена дождя. Со склона холма Уилл видел, как об нее бьется ветер. Вокруг простирался лес. Красные сосны перемежались канадскими елями, а в ложбинке между холмами у опушки то и дело вспыхивала молния, освещающая поле тонконога.

За последние двенадцать лет Уилл бесчисленное число раз ходил через это поле. Он в мельчайших подробностях помнил, как оно выглядит весной, все усыпанное лиловыми

УРБАН УЭЙТ

колокольчиками и голубыми звездочками льна. Летом поле становилось золотисто-зеленым, а к осени — темно-коричневым. Наконец, зимой его засыпал снег, и по полгода поле выглядело как белоснежная пустыня. Уилл ходил через него и в лютый мороз, и под палящим солнцем — от домика, где ему позволили жить, до церковных земель, за которыми он должен был приглядывать. Иногда по пути можно было заметить лося или оленя. Порой мимо пролетал ястреб или же в небесах, широко раскинув крылья, парил орел.

Вот и сейчас Уилл стоял над своим полем, кутаясь в прихваченное из дома шерстяное одеяло, и просто наблюдал, как ветер гоняет потоки дождя между горными отрогами, будто играя льющей с неба водой как чем-то цельным и осязаемым. Первый раскат грома стал причиной его пробуждения, и вот теперь он стоял здесь, глядя на далекие горы. Вновь сверкнула молния, а затем послышался рокот. Окружающие горы и холмы на миг окрасились белым и голубым. Уилл плотнее запахнул одеяло и сделал небольшой шаг вперед. Его словно влекла далекая вспышка. Молния вновь прорезала небо, меняя направление и разветвляясь. Теперь ее можно было увидеть, даже закрыв глаза, как будто электрический разряд отпечатался на самой сетчатке.

В этот момент Уилл заметил оленя. Это был молодой сильный самец, только начавший отращивать рога. Когда молния в очередной раз осветила поле, он был уже в его центре. Резкий яркий свет запечатлел сильное тело, подогнутые передние копыта и мощные задние ноги, вытянутые после толчка. Олень будто парил над травой. Но стоило свету погаснуть, как он исчез из поля зрения. Гром

прокатился по небу тяжелым раскатом, а дождь стал ощутимо ближе. Подножье холма уже было не разглядеть за его пеленой.

Уилл вновь невольно сдвинулся вперед, пытаясь разглядеть оленя, и стоило отчаяться в этой затее, как тот показался сам, продолжая свой стремительный полет.

А затем Уилл увидел медведя — мощного гризли, настоящую гору мышц, которые бугрились под плотной бурой шкурой. Уши зверя были плотно прижаты к голове, и он неся через поле быстро и целеустремленно. Картина, открывшаяся при очередной вспышке молнии, была вполне достойна какого-нибудь музея — так грозен и огромен был зверь.

Но молния погасла, гром утих, а гризли остался на поле. До него долетели первые капли дождя, и медведь принялся, повернув морду в сторону далеких деревьев и неуклонно приближающейся стихии. А еще мгновение спустя он поднялся на задние лапы и повернулся в сторону дождя. Уилл не мог поверить своим глазам. Зверь был огромен. Он напоминал о древних чудовищах, полулюдях-полумонстрах, что в давние времена властвовали на Земле.

Медведь продолжал стоять, будто дожидаясь, что ветер подгонит дождь прямо к нему, и стихия не стала его разочаровывать. Плотный поток воды одно за другим поглощал горы, предгорья, лес, а следом исчезло вообще все. Когда дошел черед до гризли, казалось, что его и не было вовсе. Уилл не сразу мог сдвинуться с места, наблюдая, как дождь теперь направляется к нему. Прошло совсем немного времени, а вокруг остались только вода, ветер и обломанные ветки. Ни поля, ни леса не было больше видно. Одеждо начало жадно впитывать воду, и это заставило

УРБАН УЭЙТ

Уилла очнуться. Он быстро вернулся в домик и захлопнул за собой дверь.

Лишь час спустя, когда стук дождя по жестяной крыше немного утих, а стекла перестали звенеть от порывов ветра, Уилл вновь распахнул дверь и уставился в ночь. На небо вернулась Луна, и большие капли на длинных травинках отливали серебром. Вдали мерно мигали навигационные огни пролетающего самолета — как будто пришельца из какого-то другого мира.

Прошло три дня, прежде чем Уилл вновь наткнулся на следы гризли.

Первым признаком присутствия гризли стал след в грязи, который Уилл обнаружил у ручья в миле к востоку от своего дома. Он долго простоял рядом, рассматривая четкий отпечаток, а затем поднял взгляд и внимательно изучил заросли на противоположном берегу — густые, зеленые, практически непроницаемые.

Обычно он выходил к ручью ниже по течению у знакомой звериной тропы и там не видел ни одного признака присутствия медведя. В этом районе он расставлял ловушки, часть своего времени посвящая церкви, а часть — дикой природе. Три недели в месяц он проводил на охоте, а одну — во «Вратах Эдема». За минувшие с первого появления гризли три дня Уилл точно бы заметил хоть что-то: клочок шерсти, помет, следы когтей на земле или на коре сосен. Но ничего подобного не было.

В свои шестьдесят два года Уилл никогда не встречал медведя такого размера. Интересно, какого вообще занесло в долину? Впрочем, миграция животных не была чем-то необычным. Они во множестве снимались с насиженных

мест, спасаясь от охотников или просто от людей, осваивающих долину. Уиллу приходилось забираться все дальше и дальше в поисках привычной дичи: оленей, лосей, индеек, бобров или кроликов.

Несмотря на возраст, Уилл был еще весьма силен. Ежедневные хождения вверх и вниз по холмам укрепляли его тело, и кожа на лице, не скрытая густой бородой или большими полями засаленной старой шляпы, была темной от загара. Сейчас он полностью погрузился в изучение местности. Цепкий взгляд обшаривал лес от высоких стволов до бурелома вдоль ручья. Ничего не заметив, Уилл вновь уставился на отпечаток в грязи. Подумав, он опустился на колени и приложил растопыренную пятерню к следу, второй рукой аккуратно придерживая старенький «Ремингтон».

Отпечаток был больше его руки минимум на дюйм во все стороны. Уилл прикинул, что это, должно быть, правая передняя лапа. На месте пальцев виднелись глубокие метки от когтей, уходящие в почву на пару дюймов.

Уилл вновь выпрямился и двинулся вдоль ручья в направлении, куда, вероятно, ушел зверь. Через примерно четверть мили он нашел бобровую дамбу. За ней упитанные зверьки плескались в запруде.

Примерно в центре пруда красовалась бобровая хатка. Прямо на глазах Уилла один из зверьков выскочил из воды и принялся лапами и зубами приспособливать очередную ветку к свежей дыре. Даже слепой заметил бы следы медвежьих когтей на старых бревнах.

Других следов гризли обнаружить не удалось. Уилл пошел дальше вдоль ручейка, сбегаящего с гор и успокаивающегося по мере того, как местность становилась более

УРБАН УЭЙТ

пологой. Здесь он расставлял силки на кроликов и, проверив их, обнаружил в трех из шести добычу.

Годы практики научили его сворачивать зверькам головы быстро и без лишней суеты. Его отец, а прежде его дед занимались тем же. Собрав добычу, Уилл вновь насторожил ловушки и вернулся с кроликами к ручью, где принялся свежевать их, промывая тушки в холодной воде, у своего любимого места, где большой плоский камень далеко выдавался в поток.

Уилл бессчетное число раз купался здесь, стирал одежду и сушил ее на солнце, пока сам голышом плавал в импровизированном бассейне за камнем. Весной и летом загар покрывал его лицо и руки, но остальное тело оставалось молочно-белым и как будто светилось в потоках талой горной воды. Выделялся лишь узел застарелых шрамов на груди, в том месте, где некогда была татуировка.

Сейчас же он опустился на колени около воды и принялся избавлять кроликов от внутренностей, пока не остался доволен результатом. В заводи течение было медленнее, и струйки крови расплывались в воде, будто клубы дыма, становясь практически незаметными к моменту, когда попадали в основной поток.

Подняв голову, Уилл увидел медведя. Гризли стоял на опушке и смотрел прямо на него тусклыми черными глазами. Мышцы бугрились на его плечах, мощные лапы упирались в берег, а словно обрубленная морда была повернута в сторону человека. Влажный кончик носа поблескивал, а за когти зацепились клочки травы. Уилл не шевелился. Его винтовка, старый добрый «Ремингтон-700», осталась в пяти футах, на камне вместе с силками,

в то время как он сам стоял, сгорбившись, у воды, с тушками кроликов в одной руке и охотничьим ножом в другой.

Он видел, как медведь принялся, прежде чем повернуться и пройти по берегу до того места, где ручей превращался в заводь. Уилл принялся медленно и осторожно отступать к своим вещам и винтовке. Медведь замер, а потом поднялся на задние лапы и оглушительно заревел, прежде чем подойти к воде. На счастье Уилла, их разделял ручей. Гризли попытался ступить в воду передней лапой, не почувствовал дна и вновь отступил. Его длинные когти нетерпеливо разрывали влажную почву берега. Только глубина заводи и нерешительность удерживали гризли на расстоянии.

Уиллу удалось добраться до вещей. Он перекинул сумку через плечо и поднял винтовку. Медведь оставался на месте, разве что стал принахиваться чаще. Даже вид оружия его не испугал: гризли лишь зарычал и оскалил желтые клыки. С челюсти капала слюна, а пасть была такого размера, что Уилл не сомневался — зверюга мог без проблем откусить ему голову.

Не отводя взгляда от медведя, Уилл поднял оставшихся кроликов. Он вытер лезвие ножа об их шкуру, сунул клинок в ножны на поясе и вернулся к воде. Там он отделил одну тушку от остальных, размахнулся и швырнул ее через воду на другой берег, где она приземлилась в кустарник в паре футов от гризли.

К тому моменту, как медведь нашел подношение, Уилл уже отступил за камень и в кустарник, который обрамлял ручей с обеих сторон. Как только ветви сомкнулись за его спиной, он оглянулся, а затем прибавил шаг, как можно

УРБАН УЭЙТ

быстрее удаляясь от воды. Впрочем, лес наполнился только привычным журчанием воды. Даже пройдя еще сотню ярдов, постоянно оглядываясь, Уилл так и не услышал ничего нового. Около минуты он простоял на одном месте. Справа донесся крик большеголового сорокопута — птица спорхнула с ветки и полетела меж деревьями к прогалине.

Уилл проследовал за птицей и вскоре уже шел через траву, поминутно оглядываясь на оставшийся позади лес. И только добравшись до домика, уложив кроликов, сняв сумку с плеча и вновь внимательно оглядев территорию вплоть до гор на севере, он позволил себе расслабиться. Но лишь на минуту.

Взяв в руки «Ремингтон», он вновь осмотрел местность через прицел до дальнего края леса, где, как он знал, ручей продолжает свой бег еще около полумили. Ветер трепал верхушки деревьев и венчики тонконога на поле внизу, делая его похожим на огромное золотое озеро.

Даже опустив винтовку, он продолжил рассматривать лес, поле и далекие горы, а затем пробурчал себе под нос: «Если ты его не видишь, еще не значит, что его нет».

Уиллу вспомнился олень, которого он видел во время грозы. Вспомнилась бобровая хатка и огромная дыра в ней. Он знал, что именно ищет медведь. Знал, почему он сюда заявился.

Три часа спустя Уилл закончил свежевать кроликов, засолил мясо и убрал его в погреб. Небо темнело, на нем начали появлялись первые звезды, а из-за деревьев поднималась убывающая луна. Поужинав, Уилл продолжил работу. Кроликов и другую дичь, которую удавалось добыть, он

отдавал тем, кому было нужнее, тем, на кого он работал, тем, кто подарил ему цель в жизни, когда все остальное рухнуло.

Шкурами он торговал, основную прибыль отдавая в пользу церкви, но кое-что оставлял себе на покупку силков, патронов для винтовки, масла, муки и всего того, что не мог дать ему лес. Он всегда был необыкновенно аккуратен, знал каждый предмет в своем домике и погребе и точно понимал, зачем то или иное ему нужно. Помимо прочего, все на крайний случай было тщательно переписано.

Маленький лагерь и дом, смотрителем которого он стал в первые годы во «Вратах Эдема», легко было окинуть взглядом. В небольшом костре, на котором он недавно готовил себе ужин, до сих пор тлели угли. Ночь окончательно вступила в свои права, и Уилл подошел к костру, чтобы поворошить серый пепел и подбросить свежих веток.

Около часа он просидел рядом с костром, думая о медведе. О том, насколько легко тот мог его сегодня убить.

Два дня спустя, возвращаясь с охоты, Уилл обратил внимание на белый пикап. Вылазка была успешной, и сейчас охотник тащил за собой самодельные волокуши, на которых лежала туша оленя. Потроша ее, уже пришлось изрядно попотеть. К счастью, хотя бы после того, как Уилл соорудил волокуши, связав два тонких ствола осины ветками и прочной бечевкой, транспортировка стала заметно легче. И все равно протащить убитое животное почти две мили было делом непростым.

Уилл остановился и пригляделся к пикапу, а потом внимательно осмотрел прогалину, на которой стоял его

УРБАН УЭЙТ

дом. Ничего не изменилось, и следов водителя тоже не было видно. Крякнув от усилия, мужчина преодолел последние шаги и опустил свою ношу около остывшего кострища. Рога лежащего на земле оленя напоминали терновый венец, а остекленевшие черные глаза как будто продолжали смотреть на убийцу. Уилл замешкался, не решив, приступать ли сразу к свежеванию или поискать владельца пикапа.

Правда, он успел только снять с плеча винтовку и опустить ее на землю, как из погреба с кроликами наперевес появился Лонни. Неожиданный гость подошел к пикапу, закинул мясо в холодильник и лишь после этого обратил внимание на Уилла.

— Похоже, ты тут времени зря не терял. — Он выразительно глянул на холодильник, а затем направился к охотнику.

На голове Лонни красовалась бейсболка. Он был так же бородат, как и все прочие в церкви. Из-под коротких рукавов футболки по плечам и предплечьям вились две татуированные змеи, чьи головы украшали тыльные стороны его кистей.

— Я ждал тебя завтра. — Уилл будто невзначай окинул взглядом прогалину, прикидывая, приехал Лонни один или нет.

— Кое-что случилось.

— И что именно?

— Кое-что, что заставило меня вспомнить о тебе.

Лонни криво усмехнулся и подошел ближе.

— Небольшая работа, которую ты можешь для нас выполнить.

— Меня устраивает моя нынешняя работа.

Лонни резко изменил направление и остановился так, чтобы видеть тушу оленя. Он со свистом втянул воздух, а потом прицокнул языком:

— Хорош.

— Будет около 75 фунтов чистого мяса, когда я его освещую и вытащу кости.

— Голову сохранишь?

— Планировал сделать чучело.

Лонни вновь пристально посмотрел на него, медленно облизнул верхнюю губу, а потом скривился, очевидно, выковыривая что-то из зубов:

— Это может стать отличным подарком Иоанну или Отцу.

— Я убил его выстрелом в сердце. Мясо должно быть хорошим. Его нужно лишь поднять на крюк и обработать.

— Неплохо у тебя тут все устроено. — Он усмехнулся. — Не думай только, что мы об этом забыли.

Уилл наградил Лонни тяжелым взглядом. Гость был с ним почти одного роста, около шести футов, только более худощавый. Его обвитые татуировками руки походили на переплетение мышц и сухожилий. Уилл слышал, что Лонни хорош в драке, хотя сам ни разу не был этому свидетелем. Поговаривали, что он умеет бить столь же стремительно, как гремучая змея — жалить.

— Мне нужно минут двадцать на то, чтобы ободрать шкуру, а затем еще около часа на разделку. Будешь ждать?

— Просто обдери его и хватит. Во «Вратах Эдема» в досталь тех, кто сможет сделать остальное. И голову сохрани.

Уилл достал флягу и прошел в дом. Опустив емкость в баклагу с водой, он подождал пока все пузырьки воздуха

УРБАН УЭЙТ

вырвутся на поверхность, потом напился и вновь наполнил флягу под завязку. Когда он вернулся к оленю и Лонни, тот разглядывал винтовку.

— Какой калибр?

— 308.

— Из нее можно убить гризли?

Уилл сделал вид, что не услышал вопроса. Ему совсем не нравилось то, как поворачивался разговор. Лонни вытащил кисет и принялся сворачивать сигарку из табака и папиросной бумаги.

— У нас появилась проблема. И, я думаю, именно тебе под силу ее решить. — Закончив, он сунул самокрутку в зубы. — Хочешь?

Уилл отрицательно мотнул головой, подошел к туше и принялся распутывать бечевку, которой та была связана. Он услышал, как щелкнула зажигалка, а затем потянуло дымом. К тому времени, как он закончил со шнуром и вытянул его из-под оленя, запах был уже повсюду.

— Ты знаешь Кершо?

— Знаю. Они живут в двадцати милях отсюда. — Уилл опустился на колени, вытащил из-за пояса нож и сделал небольшие надрезы на каждой ноге оленя, перерубая сухожилия. После этого он взял крюк и поднял тушу, устранив ее на распорке перед собой. — Они так и разводят коров?

— Ты бы знал ответ на этот вопрос, если бы был на воскресной проповеди. Ты так редко посещаешь нас. Должно быть, думаешь, что никто не замечает твое отсутствие. Но я замечаю. И видимо, именно мне стоит сообщить тебе, что церковь кое-что пересмотрела за последние недели.

— Пересмотрела?

— Усовершенствовала. — Лонни затаился, отошел в сторону, разглядывая поле внизу, а затем вернулся на прежнее место. — Я хочу, чтобы ты нашел и убил гризли, который вчера задрал корову.

Уилл прекратил сдирать шкуру с оленя и посмотрел в упор на Лонни:

— Ты просишь, чтобы я пошел против закона.

— А разве ты уже этим не занимаешься? Думаешь, если мы определили тебя на церковные земли, это дает тебе право привередничать?

Уиллу не нравилось, когда с ним так говорили, но в сказанном была и доля правды. Быть может, он слишком привык к хорошей жизни. В любом случае, проблемы с Лонни не были ему нужны.

— Ты что-то задумал?

— И поэтому я здесь.

— Гризли — падальщики, — принялся объяснять охотник. — Они быстро приспосабливаются. Нельзя предсказать их действия. Нельзя их предусмотреть. Они могут охотиться и убивать даже собственный молодняк, если появляется такая необходимость. Они готовы выживать любой ценой. Медведь, которого ты просишь убить, вероятно, просто шел мимо. Он увидел корову, и все. Сейчас он уже может быть очень далеко отсюда.

— А если нет?

— Нас могут посадить за это. Ты же понимаешь?

— То, что происходит на наших землях, касается только нас.

Уилл прикусил щеку. Окровавленный нож замер в его руке, и он обвел взглядом прогалину, на которой стоял дом. Ситуация складывалась безвыходная.

УРБАН УЭЙТ

— Когда я был во Вьетнаме, около нашего лагеря объявился тигр. Он охотился на людей и убивал их. Мы все испробовали, чтобы избавиться от него. Но он всегда возвращался. Словно призрак. Его никто не видел. Мы видели следы, видели пятна крови, но никогда — самого зверя.

— Но ты убил его?

— Нет, — мотнул головой Уилл. — Как можно убить того, кого не видишь?

Лонни докурил и швырнул бычок в кострище:

— Хочешь сказать, это какой-то волшебный медведь? Кара Господня или типа того? Отцу бы такое понравилось. Прямо по Писанию.

— Нет, — отрицательно мотнул головой Уилл. — Я хочу сказать, что ни черта не знаю. И что не могу помочь тебе.

— Вот знаешь, Уилл, это совсем не то, что я хотел бы от тебя услышать. — Лонни вытащил небольшую флягу, взболтал содержимое, а затем сделал глоток, все это время ни на секунду не отводя взгляда от охотника. — Хочешь глоточек для храбрости?

— Нет.

Лонни вновь приложился к фляге, а затем присел на одно из бревен около кострища.

— Твоя жизнь может стать намного хуже. Ты слишком много времени проводишь здесь и не видел того, что видел я. Ты не представляешь, что они заставляют нас делать.

— Отец отправил меня сюда.

— Отец решил, что время пришло.

— Это так?

— Он сказал искать знамения. Сказал, что они ясны как божий день. Скверна идет с востока. Ее след тянется по всей стране. Она все ближе. Вот ты передо мной, Уилл,

и я вижу, что ты не веруешь так, как веруют те, кто приходит к нам сейчас. Но это изменится. Ты будешь с нами и тоже будешь спасен.

— Смотрю, у тебя запас веры всегда с собой. — Уилл выразительно покосился на флягу в руке Лонни.

— От старых привычек нелегко избавиться.

— Воистину так.

Лонни сделал еще один глоток и задумчиво повернулся в сторону гор. Рой мелких насекомых танцевал в лучах заходящего солнца.

— Что случилось с тигром? — вдруг спросил он.

— Власти в итоге обратились к местным жителям. Те предложили вырыть яму. Враг использовал такие против нас. Жуткая мясорубка. Может, слышал о таких? Яма, в ней острые колья, сверху сетка из веток и маскировка. Дальше дело за силой тяжести. — Уилл вернулся к работе и вспорол шкуру до передних ног, а потом принялся отделять ее ножом от мышц.

— Так вы и разделались с тигром?

— Нет. Он затаился. Задирал не больше одного человека за раз. Он скрывался в джунглях, наблюдал за нами и точно знал, как и когда мы хотим его убить. У нас не было шансов.

— Вот же дерьмо, — Лонни вновь выпил из фляги, — так какого хрена ты мне все это рассказываешь?

— Чтобы ты понял: не всегда можно получить то, что хочешь.

— Я тебе тем же могу ответить. — Лонни хмыкнул, глянул на тушу и поднялся. — Давай же, забрасывай уже тушу в кузов. У меня еще полно дел, прежде чем я попаду к Кершо.

УРБАН УЭЙТ

— Тебе его не поймать, — в последний раз предупредил Уилл.

— Ага, но я сделаю все, что я, черт подери, могу. И ты мне поможешь.

Уилл стоял ровно в том месте, где впервые увидел медведя, готовящегося к грозе. Отсюда был виден дом, в котором жил охотник: покатаая крыша, жестяная труба... Маленький и неприметный домик на вершине холма выглядел частью леса.

На следующий день после приезда Лонни Уилл добыл трех бобров. Утром он подстрелил их с берега, а затем дождался, пока тушки всплывут на поверхность. Раздевшись, он набрался в запруду и шел по дну, пока не стало слишком глубоко, и пришлось собирать добычу вплавь. Закончив, он вернулся на берег и оглянулся на бобровую хатку. В ней все еще была заметна дыра, проделанная медведем несколько дней назад. Мягкая почва у берега совсем размокла от воды и крови. Здесь же Уилл освежевал тушки и перевязал бобровые струи.

До дома Кершо было около двадцати миль по дороге и почти в два раза меньше напрямую через лес и поля. И вот Уилл стоял в том месте, где был медведь, и пытался думать, чувствовать и видеть мир так, как думал, чувствовал и видел гризли.

Уилл спал, и его мысли пронзали пространство и время, возвращаясь к старым сказкам, которые он слышал ребенком и которые передавались в его семье со времен первых поселенцев. Медведи, что жили тогда, были вдвое крупнее человека. Шахтеры и лесорубы охотились

на них и почти истребили. Хозяева ранчо стреляли при любой возможности. А медведи просто искали пропитание. Они делали то, что должны были, чтобы выжить, единственным известным им способом.

Уилл проснулся среди ночи и сел, осматривая прогалину, которую выбрал для ночевки. До земли Кершо было еще около пяти миль. Он разбил лагерь в высокогорье, как только перевалил через хребет: это давало ему определенное преимущество. Пока лучи закатного солнца расплывались по небу, словно оранжевая краска в темно-синей воде, Уилл поужинал горной черникой и вяленым мясом, заготовленным на прошлой охоте. В пятидесяти ярдах на ветке дерева висели бобры. Во время нехитрого ужина охотник наблюдал, как ночной ветерок раскачивает их тушки. Плоские безволосые хвосты ловили потоки воздуха, будто паруса.

Именно на добычу охотник и посмотрел в первую очередь, вырвавшись из оков сна, но нетронутые темные тушки ясно выделялись на фоне посеребренного лунной небом. Уилл закашлялся и сплюнул, а затем в опять наступившей тишине внимательно осмотрел каждое дерево и каждый куст вокруг прогалины, как если бы любой из них мог скрывать неведомую угрозу.

На востоке виднелось бледное красное зарево, как будто солнце готовилось подняться из-за горизонта. Но Уилл знал, что дело не в этом. Он откинул в сторону шерстяное одеяло, поднялся и обулся. Забрав винтовку, он медленно двинулся в сторону зарева через травяные заросли, доходившие ему до колен.

На границе леса он почувствовал запах дыма, а спустя еще сотню ярдов сквозь пятна лунного света и непроглядной тени стали слышны молитвы и песнопения. Через

УРБАН УЭЙТ

сотню ярдов Уилл оказался на плоской скале, продолжающейся еще на четверть мили в обе стороны от места, где он стоял, и ограничивающей речную долину. Река несла свои непроглядно черные воды у ее подножия, лишь изредка обозначая свое местонахождение отблесками. А за ней был разбит огромный костер. Пламя жадно лизало десятифутую поленницу дров и вырывалось вверх еще на двадцать-тридцать футов. Жар долетал до реки и поднимался вверх по скале, закручиваясь в водоворот горячего и холодного воздуха рядом с Уиллом.

Костер широким кругом освещал пространство вокруг, и Уилл мог различить силуэты тех, кто пришел поклониться разрушительной силе огня. Их завораживающее пение разносилось в воздухе, а головы хаотично двигались в танце собственного сочинения. С такого расстояния охотник не мог разобрать слова, они терялись в шуме ветра. Но Уилл уже слышал их прежде и сам знал, хоть и предпочитал не думать об этом. Люди у костра тоже были прихожанами церкви «Врат Эдема». Как и сказал Лонни, они делали то, что хотели, и служили так, как считали нужным. Это была их земля. Так или иначе, но Уилл сам пришел к ним двенадцать лет назад в поисках спасения. И они даровали ему желаемое, превратив в того, кем он был сейчас, — охотника, браконьера, убийцу животных.

Отступив от края и найдя затененное место, Уилл устроился, вскинул винтовку и принялся рассматривать происходящее через прицел. Вокруг костра кружилось и танцевало около сорока человек. На многих были белые церковные одежды. Лица мужчин заросли бородами, а волосы женщин были растрепаны. Уилл внимательно рассматривал не только их самих, но и их движения. Тени их

рук и ног в свете костра принимали очертания жутких созданий, то ли людей, то ли чудовищ.

К тому времени, как Уилл рассмотрел всех, люди выстроились в линию от костра к реке, и ему пришлось подобраться ближе к краю. Устроившись на животе, он аккуратно опустил винтовку, следя, чтобы отблеск света в прицеле не выдал его присутствие. Он хотел увидеть Отца. Мужчина за пятьдесят стоял по колено в воде. Выражение его лица было, как всегда, непроницаемым, с равным спокойствием он мог сеять ужас и дарить избавление. Отец тоже был одет в робу, и вода пропитала ее уже до груди, так что ткань подчеркивала рельеф сильного тела. Он читал молитвы, подняв взгляд к небесам, и по одному приглашал прихожан к себе, заставляя их окунаться в воду и удерживая в потоке некоторое время.

Когда своеобразное крещение завершилось, появилась еще одна группа людей, некоторые тоже в робах, но большинство — в обычной одежде. Они двигались единой толпой — дрожащие и испуганные, в окружении мужчин с оружием и мачете, — а уже крещенные прихожане в промокших робах полукругом выстроились у берега, отрезая путь к отступлению. В группе выделялся младший брат Отца Иоанн Сид, вооруженный большим револьвером. Не такой массивный, но явно из той же породы: они оба были бородаты и покрыты татуировками, у обоих был внимательный цепкий взгляд, казалось бы, способный пронзить темноту.

Не опуская пистолет, Иоанн вошел в воду и замер в нескольких футах от Отца. Так они ждали, пока мужчины с винтовками и мачете подтолкнут новых прихожан. После того как новоприбывшие проходили ритуал, они

УРБАН УЭЙТ

возвращались на берег со своими стражами. Уиллу приходилось прежде быть свидетелем таких церемоний, но он никогда не видел, чтобы людей принуждали к крещению. Лонни предупреждал его, что многое изменилось. Возможно, не пропусти Уилл столько служб и не ослабей его собственная вера, он не был бы так удивлен происходящим.

Многие на берегу плакали. Уилл видел, как людей трясет от страха, как ужас искажает их лица. Это выглядело как немое кино. Расстояние и шум воды заглушали их плач и протесты.

Разглядывая происходящее в прицел, охотник видел, как людей подтаскивают к воде, как они пытаются сопротивляться, как вырываются из рук надсмотрщиков. Но ни один не смог сбежать, и в итоге все разделили одну судьбу.

Много лет назад Уилл сам был частью такого ритуала, и тогда все было совершенно по-другому. В те времена не было места принуждению. Он видел, как люди открывали свои сердца и как принимали крещение. Он так же стоял на берегу реки в церемониальной робе и был рад стать одним из верующих, отдать свою душу церкви. Но все это было будто бы в другую эпоху и в другой жизни — далекое прошлое для того человека, каким он стал сейчас.

Увидев достаточно, Уилл отполз от края скалы, а затем поднялся и двинулся обратно в лес. Он успел отойти достаточно далеко, когда тишину прорезал выстрел из дробовика. Мужчина бросился обратно и вновь распластался на краю скалы, рассматривая происходящее внизу. Многие внизу сжались от страха. Рядом с ними стояла охрана, далее — первые прихожане. В воде по-прежнему ждали

Отец и Иоанн. Уилл не мог понять, кто именно стрелял. Его взгляд метнулся ниже по течению реки к месту, где за чередой порогов блеск воды становился неразличим. Возможно, там получилось бы заметить тело.

Но в воде ничего не было, а когда Уилл вновь посмотрел на Отца, тот уже подал знак подвести следующего для крещения. Этого зрелища с охотника оказалось достаточно. Воды реки выглядели непроницаемыми, лишь у порогов вскипая белой пеной. Уилл позволил себе полюбоваться ею, раздумывая о смысле крещения и о том, что вода должна смывать все грехи.

Когда все головы были окроплены, Уилл покинул скалу. Не было необходимости слушать слова Отца и не было смысла наблюдать дольше. Он и так все знал. Он слышал эти слова двенадцать лет назад и повторял про себя сейчас, возвращаясь в свой лагерь: «Мы стоим на краю бездны. Под нами судьба людская. Человечество оцепенело в страхе перед машиной разрушения, которую само и породило. Но не мы. Мы и только мы избраны, чтобы пережить сие бедствие. Мы и только мы — семена возрождения. Мы ангелы, и нам предначертан путь обратно в сад. Мы — Семья. Я — ваш Отец. Вы — мои Дети. Вместе мы пройдем сквозь Врата Эдема».

Когда Уилл поднялся на вершину холма и сверху взглянул на участок Кершо, над полями еще клубился утренний туман. В воздухе аромат травы смешивался с запахом навоза. Вдали за пастбищем над трубой дома поднималась тонкая струйка дыма.

Охотник спустился с холма по посыпанной гравием дорожке вдоль края соснового леса. Отсюда уже можно было

УРБАН УЭЙТ

рассмотреть впереди амбар. Широкие двери были распахнуты, их нижний край был весь покрыт грязью, а внутри царила тьма. Уилл чувствовал запах коров, но не видел их самих. Он подошел ближе, гадая, как же такое могло случиться. Возможно, медведь вернулся и сейчас наблюдает за ним из темноты, скаля покрытую свежей кровью морду.

Ничего подобного не было. Внутри Уилл увидел лишь сено да ряд стойл, покрытых облупившейся краской. Здесь все пропиталось тяжелым животным духом. Когда охотник вернулся на улицу, он заметил припаркованный на обочине дороги белый пикап, стоящий ближе к лесу, чем к дому. К кузову были прислонены лопата и кайло, на которых висели желтые перчатки из воловьей шкуры, так что вся конструкция напоминала жалкое подобие пугала.

Уилл обернулся. В пятидесяти ярдах у открытой, затянутой сеткой двери на крыльце стоял Лонни, задумчиво почесывая бороду и глядя прямо на него.

К тому времени, как охотник подошел, Лонни уже вытащил кисет из кармана и принялся делать самокрутку. На нем была тонкая, обтягивающая торс хлопковая майка. По всклокоченным волосам и помятому лицу можно было заключить, что он недавно проснулся. Он сплюнул и облизнул губы, а затем вновь воззрился на Уилла, несущего на одном плече винтовку, а на другом бобров.

— Ты здесь ночуешь? — спросил охотник.

— Иногда.

Лонни порывлся в кармане и вытащил зажигалку. Он прикурил и медленно затянулся, выпуская первую порцию дыма в легкие. Все это было похоже на хорошо отрепетированный неспешный ритуал. Терпкий дым, свежий воздух и легкий бриз были его неотъемлемыми частями. Запах

табака смешался с запахом коров, становясь от этого еще более заметным.

— Что случилось с коровами? — спросил Уилл.

— Съели.

Поверх плеча собеседника Уилл посмотрел внутрь дома, как будто коровы могли быть спрятаны там:

— А Кершо?

— Ушли.

— Ушли?

Лонни криво усмехнулся, а затем смачно сплюнул прямо на крыльцо.

Уилл оставил бобров на кухне, а сам зашел в ванную, чтобы освежиться. Вернувшись в маленькую прихожую, куда выходили двери всех комнат, он остановился в центре, вытирая ладони о собственную рубашу тем движением, каким водят лезвием ножа по точильному камню.

На другой стороне прихожей находилась дверь, ведущая в спальню. Она была приоткрыта, и Уилл распахнул ее полностью, зайдя внутрь. В центре комнаты располагалась огромная кровать. Она была застелена на двоих, и на подушках виднелись отпечатки двух голов, как если бы ее хозяева только что встали и отправились в поле или же на кухню, чтобы приготовить кофе.

Он вышел из комнаты, прошел дальше по коридору и осмотрел кухню, гостиную, а затем еще две спальни. Он заглядывал в каждую комнату и оставлял двери после себя открытыми. В одной, обклеенной голубыми обоями, он обнаружил висящие под потолком модели самолетов. В другой стены были розовыми, а на шкафу было разложено множество плюшевых игрушек и пластиковых лошадок.

УРБАН УЭЙТ

Некоторые упали, но большинство так и застыли в различных позах, как будто с ними совсем недавно играл ребенок.

— Я слышал, что у тебя была дочь. — Лонни тоже зашел в дом и стоял теперь в прихожей, шагах в тридцати от Уилла.

— Слышал?

— Так мне сказали. Когда отправили приглядывать за тобой.

Уилл окинул взглядом розовые обои и полупрозрачные занавески на окнах. У него и правда была дочь. И жена тоже. Настоящая семья. Прежде у него была совсем другая жизнь, и только он сам был виноват в том, что ей пришел конец. И пусть он пришел к Отцу во «Врата Эдема» в поисках прощения, теперь он понимал, что нашел здесь вовсе не его.

На мгновение Уилл прикрыл глаза: сквозь столь знакомое очарование окружающей обстановки ощущался привкус пыли и фальши. Он вновь взглянул прямо на Лонни:

— Что здесь произошло?

— Ты один из нас, Уилл. Но когда ты, Иоанн, Отец или я смотрим на одни и те же вещи, это вовсе не значит, что мы видим одно и то же. — Они вместе шли через поле; на траве, в том месте, где корова погибла в когтях медведя, до сих пор виднелись следы крови. — У каждого есть свое предназначение. Ты живешь вдаль и служишь церкви, которая благодарна тебе за это.

— А Кершо? — Уилл до сих пор не мог выбросить из головы как образ опустевших, покинутых комнат, так и то, что было ему сказано.

И уклончивый ответ Лонни не добавил ясности:

— Они тоже исполняют свое предназначение. Как и ты, как и я. Каждый из нас — лишь слуга.

— И каково твое предназначение? — задал очередной вопрос Уилл.

Он остановился и преклонил колени, глядя на поле и мысленно прикидывая путь медведя. Легко можно было представить, как быстро двигается мощное тело, как перекатываются мускулы под блестящей на солнце шкурой, как разлетается в стороны взрытая длинными когтями земля.

— Я слежу за тем, чтобы Отец и церковь получили то, что должно.

— Теперь это так называется?

— Мы одно сообщество. И как ты прекрасно знаешь, если церковь помогает тебе, она ждет того же в ответ.

— И Кершо платили?

— Пока могли.

— А теперь?

— Их предназначение изменилось.

Уилл поднялся и подошел к забору, огибавшему поле. Разрытая земля и вырванные с корнем клочья травы укладывали на место, где прошел медведь.

— Кершо были здесь, когда это случилось?

— Да, но дело было уже почти сделано. Они забили почти всех коров по велению церкви. Их жизни здесь приходил конец.

Уилл внимательно осмотрел окружающий лес, перебирая в памяти все, что увидел. Он думал о медведе и гадал, был ли тот до сих пор поблизости. Быть может, даже наблюдал за ними.

УРБАН УЭЙТ

— Я видел Отца прошлой ночью, — наконец проговорил он. — И Иоанна. И крещение в реке.

— Не только Кершо задолжали церкви. Многим была оказана помощь. Многие закладные были оплачены. Многие долги прощены. Они кормились из рук церкви. — Губы Лонни изогнулись в усмешке. — Взамен церковь и Отец лишь просят делать то, что должно: забить корову, вырастить урожай или отдать свою душу «Вратам Эдема».

— Некоторым расстаться с душой сложнее, чем другим.

— А некоторым легче, — рассмеялся Лонни, — но в итоге все заканчивают одинаково.

Уиллу вспомнилась комната девочки. Вспомнилось прошлое. Вспомнилось, как просто было пить рюмку за рюмкой. И какой была другая жизнь. Наконец он проговорил:

— Церковь есть спасение.

— Наконец-то, — откликнулся Лонни. — А я уж начал думать, что ты совсем об этом забыл.

Яму-ловушку вырыли у кромки леса. Корни деревьев были тщательно подрублены, а сверху провал закрывала сетка из тонких веток. Дно ямы было утыкано прочными ветками, заостренными с одного конца и хищно скалящимися в небо. Уилл несколько раз осмотрел все и остался доволен. Он принес из дома тушки бобров, разложил их и освободил бобровые струи от перевязи.

— Тебе кто-то помог? — спросил он между делом, нанизывая животных на тонкую металлическую проволоку.

— Приезжал Иоанн с парнями, — пояснил Лонни. — Они помогли вырыть яму и подготовить колья. Его весьма впечатлила твоя идея.

— Ты рассказал ему про тигра?

— В общих чертах.

— И опустил то, что тигр убил всех, кто пытался на него охотиться?

— Что-то типа того.

Уилл обошел яму по краю, таща за собой проволоку с бобрами. Привязав один конец к массивному дереву, он собирался закрепить второй точно напротив.

— Это сработает? — поинтересовался Лонни.

Уилл смерил его тяжелым взглядом, но мужчина был поглощен разглядыванием проволоки и бобров. Тогда он поднял одну из тушек и сунул ее Лонни хвостом вперед.

— Чувствуешь? — поинтересовался он.

Лонни принялся, а затем поднял недоуменный взгляд:

— Сладко... Прямо как рождественское печенье.

— Ваниль, — пояснил Уилл. — Здесь расположены железы, которые пахнут ванилью и даже на вкус похожи. Раньше охотники широко ими торговали. Сейчас тоже иногда приторговывают. При случае почитай внимательно этикетку на коробке с печеньем. Почти наверняка там найдутся «натуральные ароматизаторы».

— Да ты гонишь.

— Если бы.

— И медведи такое любят?

— Обожают. — Уилл наконец натянул проволоку, и тушки бобров повисли прямо над центром ямы. — Слетаются, будто мухи на дерьмо.

— Будто медведи на бобровые задницы, — хохотнул Лонни.

УРБАН УЭЙТ

Спустя час после того, как работа над ловушкой была завершена, мужчины вытащили кресла из столовой дома, устроили их на крыльце и теперь сидели, наблюдая за происходящим в лесу. Лонни курил, то и дело ковыряясь в зубах или сплевывая. Иногда он наклонялся вперед, опираясь локтями на бедра. Зажатая в пальцах сигарета беспокойно подрагивала. Смотрел он в основном в сторону леса, где была приготовлена яма, лишь иногда переводя взгляд на далекие горы. Периодически он дотягивался до винтовки и поднимал прицел к глазам, чтобы изучить открывающуюся панораму еще пристальнее.

— Думаешь, он там? — наконец спросил Лонни, передавая винтовку Уиллу.

— Он там, — откликнулся охотник.

Приклад винтовки хранил тепло чужой ладони. Уилл тоже глянул в прицел, не увидел ничего нового и опустил оружие.

— С чего ты так уверен?

— Он же должен где-то быть?

— Не представляю, как ты можешь так жить. Просто сидеть и ждать, когда что-то произойдет. — Лонни встряхнул головой и поднялся. — Я нашел в запасах Кершо заначку с выпивкой. Как насчет скоротать время?

— Ты хоть представляешь, что будет, если Иоанн или Отец застукают тебя за таким нарушением правил?

— У всех есть свои секреты, — хмыкнул Лонни. — У каждого из нас.

Уилл ждал, наблюдая, как Лонни раз за разом прикладывается к бутылке, а потом так и устраивается

в своем кресле, что-то бессвязно бормоча себе под нос. Спустя пять минут раздавалось уже лишь сонное сопение.

Постепенно надвигался вечер. Темнело, и лишь немногочисленные насекомые продолжали кружить в последних лучах солнца, в то время как остальные уже разлетелись по своим более важным делам. Уилл еще некоторое время смотрел на них и на лес, а затем поднялся и прошел в дом, через холл в первую спальню.

Войдя в комнату, он сел на кровать и осмотрелся. Его внимание привлекла женская ночная рубашка, висящая на двери. Она была сшита из тонкого белого материала. Короткие рукава и лиф украшала необычная вышивка. Уилл некоторое время всматривался в нее, как будто там крылся ключ к какой-то важной тайне.

Солнце окончательно село, и комната погрузилась во тьму, в которой угадывались очертания большого шкафа и зеркала. В углу стояло кресло, а на нем — корзина для грязного белья, полная мужских и женских вещей.

Взгляд Уилла вновь вернулся к ночной рубашке. Едва ли он отдавал себе отчет в дальнейших действиях, когда поднялся, подошел к двери и снял рубашку с крючка. У его жены была похожая. Он был уверен, что приучил себя не думать ни о ней, ни о дочери, но сейчас ничего не мог с собой поделать.

Подняв рубашку, он прижался к ней лицом. Ткань пахла лавандой, пылью и чем-то похожим на крем от загара. Уилл вернулся к постели и аккуратно положил ее на должное место. Обойдя кровать, он присел на край, мысленно укоряя себя за это безумие, но потом все же вытянулся

УРБАН УЭЙТ

поверх покрывала. Если бы Иоанн или Отец увидели его сейчас, то поняли бы, что он вовсе не обрел обещанного спасения, как сам некогда утверждал. Тревоги прошлого по-прежнему грызли его душу, и ни церковь, ни Отец не смогли от них избавить.

Когда Уилл проснулся на рассвете, рубашка все еще лежала рядом. Протянув руку, он провел ладонью по мягкой ткани, позволив себе на мгновение представить, что под ней плоть и кровь. Ему вновь вспомнилась женщина, которая была его женой, и жизнь, что он некогда вел. Веки закрылись сами собой. Через мгновение Уилл услышал звук, который можно было бы принять за лай щенка. Но охотник безошибочно узнал медведя.

Лонни так и спал на крыльце. Бутылка выпала из его руки, как раз когда Уилл вышел из дома. Винтовка стояла на прежнем месте. Уилл поднял ее, вскинул к плечу и принялся рассматривать кромку леса в прицел. С проволоки исчез один бобер, а ветки, закрывающие ловушку, были разворошены.

Уилл перехватил винтовку, оттянул затвор, проверяя, на месте ли пуля, снял с предохранителя и быстро вернулся в комнату за патронами и своими вещами. Собрав все, он вышел на залитое рассветным солнцем крыльцо и на всякий случай еще раз осмотрел край леса через прицел винтовки. Ничего не изменилось. Одной тушки все так же не хватало, а ветки были беспорядочно разбросаны.

Звук повторился вновь, и Уилл больше не сомневался, что это не тот огромный гризли, которого он видел во время дождя. Да, это точно был не он. Охотник спустился

с крыльца и со всей доступной скоростью и аккуратностью пересек поле в направлении ловушки.

В яму попала медведица, и Уиллу хватило одного взгляда, чтобы понять, почему гигантский гризли спустился с гор в долину. Он был голоден и следовал за самкой и ее детенышем. Медвежонка не было видно, но охотник не сомневался, что тот где-то поблизости. Вокруг было совершенно тихо. Малыш мог сбежать, но скорее всего, просто прятался рядом с ямой, где лежал труп его матери. Сверху можно было видеть колья, пробившие бурую шкуру. Светлая древесина покраснела от крови.

Уилл прошел по краю ямы, пока не увидел в грязи следы. Рядом с теми, что принадлежали медведице, просматривались более мелкие отпечатки лап ее детеныша в том месте, где он метался по краю ямы, пытаясь дозваться мать. Именно этот звук и разбудил Уилла.

Судя по размеру следов, медвежонку было не больше пары месяцев, а их направление подсказало, что он выбрался с поля и направился к дороге.

Уилл прошел немного по следу, но затем вернулся, чтобы забрать оставшихся на проволоке бобров, и лишь после этого продолжил путь, внимательно вглядываясь и вслушиваясь в происходящее вокруг. Он двигался медленно и осторожно — не столько не желая напугать малыша, сколько понимая — на медвежонка охотился не только он, но и огромный гризли.

Заметить место, где медвежонок пересек дорогу, тоже оказалось несложно: цепкие передние и широкие задние лапы заметно разрыли гравий. Уилл тоже перешел на другую сторону и углубился в лес, продолжая идти по следам.

УРБАН УЭЙТ

Иногда они терялись на подсохшей земле, иногда проще становилось ориентироваться по примятой траве или клочкам темной шерсти.

Спустя два часа солнце поднялось высоко, в лесу стало душно, а след привел Уилла к зарослям бузины. Он остановился и наконец закинул на плечо винтовку, которую все это время так и нес в руке. Присев на одно колено, охотник коснулся совсем свежего следа медвежонка в грязи. Судя по всему, бузина росла на берегу ручья, которого из-за нее не было видно.

Когда Уилл поднялся, он почти не сомневался, что заметил в кустарнике движение. Даже не думая вновь браться за оружие, он подошел чуть ближе. Отсюда были видны темные мохнатые лапы медвежонка, торчащие из-под веток. Они почти тут же исчезли, но светло-коричневый оттенок летней шубки сложно было с чем-то спутать.

Не отводя взгляда от этого места, Уилл достал одного бобра и швырнул вперед, а затем замер, выжидая. Прошло совсем мало времени и из куста высунулся черный, измазанный грязью нос, а совсем скоро медвежонок уже вгрызся зубами в свежее мясо. Он оттащил тушку обратно к кустам, прижал одной лапой и начал жадно есть, не сводя с Уилла взгляда.

Когда от первого бобра остались только кости, охотник взялся за второго, но в этот раз сначала разделил его на несколько кусков. Первый из них он швырнул прямо медведю, второй — примерно в футе от кустарников. Медвежонок послушно преодолел расстояние до угощения, низко пригибаясь к земле и продолжая смотреть на человека.

— Ты голоден, — едва слышно выдохнул Уилл, но этого оказалось достаточно, чтобы круглые ушки медвежонка повернулись в его сторону.

Пользуясь моментом, охотник достал еще один кусок, но не стал бросать его на землю, а так и продолжил держать в руке. Ему стоило больших трудов сохранить спокойствие, особенно когда медведь действительно начал приближаться. Несмотря на возраст, в животном была уже добрая сотня фунтов, а может, и больше, повадки и стать напоминали о взрослых гризли, а когти на лапах впились в землю, будто клыки. К тому моменту, как медвежонок забрал мясо из его руки, Уилл задумался, насколько далеко детеныш будет готов следовать за ним.

На месте недавнего кострища остались лишь пепел да несколько головешек. Уилл постоял у воды, а затем вернулся к золе, которую лениво ворошил легкий ветерок. Отсюда были видны берег и место, где накануне толпились прихожане. Он попытался найти то место, где прятался сам, но вариантов оказалось слишком много. Обернувшись, он увидел, что медвежонок рядом играл с одной из обгорелых палок.

Стоило подойти к нему, как детеныш пугался и убегал, но затем возвращался вновь. Прошла еще пара часов, и Уилл привык, что медвежонок иногда исчезал, но всегда появлялся вновь, либо рыская по полю, либо шныряя между стволами сосен, никогда не отдаляясь больше чем на сотню футов.

Преодолев крутой подъем, ведущий от места, где церковники устроили свое кострище, Уилл с некоторым разочарованием обнаружил, что его мохнатый спутник

УРБАН УЭЙТ

не лезет вслед за ним. Но стоило вернуться на сотню футов, как он увидел, что медвежонок бежит по берегу реки и плещется в воде. Пришлось его позвать, и в итоге детеныш послушался.

Еще через два часа они добрались до холма, на котором стоял дом Уилла. Теперь их скромная процессия растягивалась едва ли на двадцать футов. Стоило выйти на знакомую опушку, как медвежонок замер, как будто натолкнувшись на невидимую, но вполне осязаемую стену. Зверь прошелся взад и вперед, а затем издал низкий лающий звук, привлекая к себе внимание. Уилл вернулся к нему и протянул руку, позволяя медвежонку внимательно обнюхать его ладонь, а затем ткнуться в нее мордой. Он принялся почесывать медвежьей морду, подводя тем самым итог их знакомства друг с другом.

Проснувшись на следующий день, Уилл накормил медвежонка, а затем решил заняться насущными делами. Он собрал силки, закинул винтовку за плечо и нахлобучил на голову шляпу, пряча глаза от восходящего солнца. Охотник спустился с холма и направился через поле, обращая внимание, что детеныш следует за ним, пусть отвлекаясь и периодически останавливаясь, чтобы полакомиться травой. Лишь когда Уилл преодолел полосу деревьев, окаймляющую ручей, медвежонок окончательно пристроился рядом. Вместе они напились родниковой воды, заодно вымыв руки и лапы в потоке.

Многие силки оказались потревожены. Уилл проверял их один за другим, собирая добычу и настораживая ловушки по новой. Дважды вместо силка удавалось

найти только пятна крови и клочки шерсти. Медвежонок внимательно обнюхивал землю, поглядывая в сторону поля.

— Это все койоты, — досадливо хмыкнул Уилл.

Он внимательно огляделся в поисках примет, куда могли деться силки. Двигаясь по расширяющейся спирали, он не успокоился, пока не нашел место, куда утащили кроликов. Их легко было опознать по костям и окровавленной шерсти. Да и силки нашлись неподалеку.

За поисками и починкой силков время подошло к полудню, и Уилл отправился обратно через поле тонконога. И вновь медвежонок принялся резвиться в траве. Охотник продолжил путь до своей опушки. Солнце поднялось высоко и теперь светило ему в лицо, так что на траве за Уиллом оставалась длинная и темная тень.

Звук выстрела разорвал воздух. Уилл рухнул на живот, вцепляясь пальцами в землю и корни. В нос ударил запах свежей травы. Прошло почти сорок лет с тех пор, как в него последний раз стреляли. Это было в другой стране и как будто бы даже в другой жизни. Но ощущения не изменились ни на гран, а от прилива адреналина все так же бухало в висках.

Раздался еще один выстрел, и в этот раз целились намного дальше, так что Уилл рискнул приподнять голову, но увидел лишь заросли тонконога и верхушки деревьев. Послышался звук затвора, а потом резко контрастирующие с происходящим смех и мужские голоса. Уилл оперся на локоть и обернулся в направлении, где медвежонок замер, приподнявшись на задние лапы и принюхиваясь.

УРБАН УЭЙТ

Вновь послышался хлопок, и теперь охотник заметил, как в стороне от зверя взметнулась пыль в том месте, куда попала пуля. За этим последовали проклятия и очередное передергивание затвора. Медвежонок принялся с любопытством обнюхивать землю и пулю, как будто бы это была какая-то новая игра.

Уилл вновь повернулся в направлении, откуда стреляли, но так никого и не увидел. Впрочем, это не мешало ему слышать. Сомнений не было, они пытались убить медвежонка. До дома было слишком далеко. Солнце спустилось к горизонту, и косые лучи били в глаза.

Охотник сел, уверившись, что не он был мишенью, скинул собственную винтовку с плеча и снял ее с предохранителя. Своим первым выстрелом он выбил фонтанчик камешков и комков грязи прямо перед носом медвежонка, и тот, как будто не веря в такое предательство, уставился точно в то место на склоне, где сидел мужчина. Уилл сбросил гильзу и зарядил еще один патрон. Пришельцы как раз спускались с холма. Они смеялись, переговаривались и теперь обращались к нему тоже, но он не стал обращать на это внимания. Вновь подняв винтовку, он навел прицел точно на ухо медвежонка, а потом сдвинул его чуть выше и надавил на спусковой крючок. Как они рассчитывал, пуля прошла совсем рядом, а зверь бросился бежать.

Лишь добравшись до дальней рощи на другой стороне поля, медвежонок замер и оглянулся. Уилл следил за ним в прицел. Он видел, как зверь принюхался, как он смотрит и на него, и на группу людей, спускающихся по склону холма. Кто-то из них опять выстрелил. Уилл не понял, попала ли пуля в цель, но медвежонок

подпрыгнул и мгновенно исчез, как будто его и не было. Лесная темнота и заросли кустов скрыли его из виду.

Только теперь Уилл обернулся и увидел, что к нему приближается Иоанн Сид. В руке он держал винтовку, из ее дула шел сизый дымок, обвивавший его руку, будто призрачная змея. С ним было еще несколько мужчин, среди которых шел и Лонни. Все они были вооружены и, подойдя, разошлись в стороны, окружив Уилла, который так и сидел в траве со своим «ремингтоном» на коленях.

— А тебе нравятся опасные игры, — протянул Иоанн. — Я помню, как ты напивался. И то, в каком состоянии ты пришел к нам, моля о помощи. Неужели все осталось прежнему, Уилл?

— Нет.

— Я рад это слышать, Уилл. Очень рад слышать. А то мне почти показалось, что ты несколько забылся.

— Что именно показалось?

— Что ты решил подружиться с клыкастым комком шерсти, который мог бы однажды тебя убить.

Уилл перевел взгляд с Иоанна на Лонни, а затем вновь посмотрел на предводителя и спросил, нашли ли они медведя в яме.

— Именно поэтому мы здесь, — ответил Иоанн. — Это была идея Лонни. Он утверждает, что ты можешь выследить кого угодно. Это так?

Уилл вновь посмотрел на Лонни.

— С тех пор как вы отправили меня сюда, я так или иначе охотился и добывал все, что бежит или ползает на четырех ногах. Что именно вам нужно?

УРБАН УЭЙТ

— У нас появилась небольшая проблема. И мы хотим, чтобы ты с ней разобрался. Как думаешь, сможешь кое-кого найти?

— Кое-кого?

— Пропавшую девушку.

— Я не детектив, если вы об этом.

— А мне детектив и не нужен. Я спрашиваю, сможешь ли ты выследить ее в лесу и привести к нам?

— Вы просите, чтобы я охотился на человека?

Иоанн улыбнулся:

— Вообще-то это не просьба.

II

Однажды я потерялся в диком краю. И, познав его, я сам стал диким, а вернувшись в мир, учился быть уже не только человеком, но животным, облеченным кровью жертв, дикостью сердца и яростью по отношению к тем, кто посягнет на дикий край, что я теперь зову домом.

— Отец, «Врата Эдема»
Округ Хоуп, Монтана

То спускаясь, то просто съезжая по склону, Уилл пробирался вниз, ориентируясь по ободранным листьям и сломанным веткам. До валяющегося на боку пикапа оставалось около 50 футов. Со своего места он мог видеть лишь его колеса и днище, по которому тянулся карданный вал. В руках охотника был рюкзак, а на голове — неизменная шляпа. Никуда не делась и винтовка, с которой он обычно ходил на охоту. Он не выпускал ее из рук, даже когда они ехали сюда и Иоанн делился предположениями, куда могла сбежать девушка и почему.

— Ты же понимаешь, что мы хотим помочь ей?

— Поэтому пытаетесь ее найти?

— Именно. Мы хотим спасти ее. Подарить ей новую жизнь, как некогда подарили тебе.

За стеклом пассажирского окна мелькали деревья и овощные посадки. Уилл сжал винтовку чуть крепче. Стоящий у обочины дороги олень проводил машину

УРБАН УЭЙТ

поворотом грациозной головы. Уилл смотрел на него, пока тот не исчез за изгибом дороги. Он заметил, что кузов пикапа накрывал брезент. Один угол свободно трепался на ветру.

— Что там? — все же спросил охотник.

Иоанн быстро повернул голову, чтобы оценить, что можно было увидеть, а потом ответил:

— Мой старший брат Иаков охотился на волков в горах. Там его снаряжение.

Уилл попытался получше рассмотреть, что скрывает брезент, но это оказалось непросто.

— Ничего необычного, — продолжил Иоанн. — Сначала ловишь одного волка, вешаешь на него жучок и отпускаешь. Таким образом, вместо одной зверюги можно выследить целую стаю. Именно поэтому нам нужно, чтобы ты нашел Мэри Мэй, Уилл. Мы должны помочь ей увидеть, что она — часть чего-то большего. Сделать так, чтобы она поверила, как поверил ты и как поверил я, что мы можем помочь всем в этом округе. Помочь увидеть, насколько они могут быть сильны, если будут вместе.

— Это сработает?

— Ты сам должен знать, ты же охотник, Уилл. Не мне тебе рассказывать, что охотники всегда наилучшим образом используют то, что у них есть.

Даже сейчас Уилл продолжал обдумывать слова Иоанна. Наконец он преодолел последние пятьдесят футов и остановился около передней оси пикапа. Неподалеку, двигаясь намного осторожнее, спускался Лонни. Он удерживал равновесие с помощью тонких веток смородины, кусты которой, судя по всему, как раз

и замедлили падение пикапа, не позволив ему проехать еще добрую сотню метров вниз по склону.

Учитывая все, что Уилл успел увидеть, совсем непохоже было на то, что они собираются спасти девушку. Впрочем, он своими глазами видел крещение. Возможно, теперь именно это называли спасением.

Он обошел пикап, оценивая ущерб. По ветровому стеклу бежала сеть трещин, краска была ободрана, а фары разбиты. Уилл легонько надавил на бампер, и машина покачнулась. Большой удачей было то, что она застряла в смородине, а не разбилась о сосны дальше по склону.

Заглянув в кабину, он увидел, что стекло пассажирской двери разлетелось вдребезги. По всему салону валялись обломанные ветки и оборванные листья. А вот следов крови не было. Уилл отошел и вновь осмотрел место падения так, будто видел его впервые.

Когда Лонни наконец спустился, Уилл обратился к нему:

— Я знаю эту машину.

— Я и не сомневался.

— И кого мы ищем?

— Девуцу в беде. — Лонни усмехнулся.

— И какая же беда ей грозит?

— Вечные муки. Как и всем прочим.

Уилл наградил спутника тяжелым взглядом, а потом вернулся к пикапу, но на этот раз подошел к его заднему борту:

— Говорите, она отправилась на север?

Лонни подошел к нему. Он тоже нес рюкзак и двигался заметно медленнее, не без труда удерживая равновесие на склоне.

УРБАН УЭЙТ

— Она пошла туда, — он указал на небольшую прогалину в подлеске, который вполне мог бы быть звериной тропой, если бы не обломанные ветки на высоте человеческой груди.

— Ее искали?

— Парни шли по следу сколько смогли. Говорят, она превратилась в чертову горную козу, стоило попасть в этот лес.

Уилл поднял голову и посмотрел на два церковных пика, оставшихся на вершине склона. Оттуда за ними следил Иоанн.

— Что тебе рассказал Иоанн обо всем этом? — осведомился Уилл.

— Только то, что мы должны найти ее. Сказал, что она возводила на церковь напраслину и пыталась поднять недовольство в городе, чтобы нами заинтересовался шериф.

— А есть чем интересоваться?

В ответ Лонни лишь пожал плечами:

— Ты ведь знаешь ее?

— Знаю. Я учился в школе с отцом Мэри Мэй, когда здесь еще была школа.

— Тогда ты знаешь, как ее найти. — Лонни тоже посмотрел наверх, туда где стоял Иоанн, а потом на Уилла. — Нам надо поторапливаться. Иоанн привез нас сюда не за тем, чтобы мы лясы точили.

Мэри Мэй поднималась вверх по желобу, оставленному сошедшей лавиной, цепляясь за тонкие ветки можжевельника. Она уже некоторое время как вышла из леса и теперь двигалась по открытой местности. Подниматься было не просто. Она запыхалась и явственно чувствовала, как по

спине под футболкой стекают капельки пота. Солнце, миновав зенит, все равно припекало, и этот жар особенно заметно контрастировал с металлом револьвера, который девушка заткнула за пояс. Оружие и толстовка с капюшоном — вот и все, что она успела забрать из пикапа, прежде чем сбежала.

Прошло уже практически пять часов, как она потеряла из вида Иоанна и его людей, и теперь карабкалась по скалам, а ее единственным спутником был горный ветерок, пропитанный ароматами камня и талого льда. Он то и дело трепал ее волосы и забирался под тонкую ткань одежды.

Еще у подножия кряжа Мэри Мэй переложила револьвер поудобнее, а затем присела на корточки около протекающего там же ручейка. Она обмыла ледяной водой лицо, провела мокрыми ладонями по волосам и освежила шею, а потом вдоволь напилась. После она выпрямилась и внимательно осмотрелась, пытаясь заметить малейшие признаки преследователей.

К счастью, вокруг не было ни души. Тогда Мэри Мэй устроилась на большом камне и стянула с себя джинсы, чтобы осмотреть огромный бурый синяк, оставшийся от удара о дверцу машины. Пурпурно-черный кровоподтек украшал ее бедро и поднимался выше, растекаясь по боку. Что касается царапин, то их было вовсе не счесть. Одни она получила во время аварии, другие — пока почти весь день продиралась сквозь заросли.

Одно время она думала, что стоит вернуться к дороге и поискать помощи, но быстро поняла, что Иоанн наверняка будет ждать ее там. Она слишком хорошо помнила, как бежала прочь от перевернувшегося грузовика,

УРБАН УЭЙТ

подгоняемая голосами погони. Одно было ясно точно — от этих людей помощи она не получит.

Спустя двадцать минут бегства она резко свернула на восток и вскоре спряталась среди раскидистых ветвей большой ели, вырванной из земли и теперь лежащей в окружении грязи и разворошенной почвы. Медленно и как можно осторожнее Мэри Мэй продвигалась вдоль ствола, пока не добралась до корневища. Отсюда можно было видеть Иоанна и его людей. До них было не более сотни футов. Каждый из бородатых и татуированных мужчин нес в руках оружие. Они прочесывали лес в поисках беглянки.

Мэри Мэй застыла на месте, сжав рукоять револьвера. Ей казалось, что ее может выдать даже дыхание, вдруг ставшее оглушительно громким, хотя она сама понимала, что это лишь иллюзия, вызванная страхом.

— Мэри Мэй, — позвал Иоанн, медленно обводя взглядом окружающий лес, — выходи, выходи, где же ты?

Этот призыв звучал почти как песня, и девушка сжалась, когда испытующий взгляд задержался на рухнувшей ели, но затем Иоанн продолжил:

— Никто не причинит тебе вреда. — Мужчина сделал несколько шагов и повернулся, демонстрируя большой «магнум», который держал в руке. Он водил дулом из стороны в сторону, как будто это была удочка в руках рыбака. — Никто не хочет, чтобы все зашло еще дальше.

Мэри Мэй выжидала, и вот Иоанн двинулся прочь. Его люди давно уже ушли вперед, и только он все еще продолжал медлить. Высокие деревья обступали его со всех сторон, и тени сгущались:

— Выходи, и мы отвезем тебя к брату. Прямо во «Врата Эдема». Мы будем друзьями. Мы будем одной большой счастливой семьей. Ты. Твой брат. Я. Все мы. Все те, кто внимает словам Отца.

Девушка продолжила наблюдать за ним, пока он не скрылся из виду, а затем опять двинулась вдоль ствола, чтобы посмотреть, куда направляются преследователи. Вдруг Иоанн обернулся. В этот момент Мэри Мэй пришлось так резко рухнуть на землю, что она вжалась лицом в прелую хвою. Когда же она рискнула поднять голову, то увидела, что мужчина уже в ста футах впереди и продолжает удаляться. Она оставалась на месте, пока преследователи не скрылись окончательно, а затем побежала.

И вот спустя несколько часов она позволила себе отдохнуть около ручья, а еще через час принялась карабкаться по следу лавины, и только ветки можжевельника предохраняли ее от падения. Забравшись на открытую всем ветрам вершину, Мэри Мэй огляделась. С другой стороны кряжа скалы резко обрывались, и пропасть уходила вниз футов на триста.

Она забиралась сюда в надежде, что сможет определить направление, но увидела вокруг лишь леса, холмы и горы, уступающие место другим горам. Где-то там был ее брат.

О местонахождении «Врат Эдема» она знала точно лишь одно — поселение находится где-то на берегу озера. Тысячи лет назад по здешним местам прошел ледник, оставив за собой глубокий провал, наполненный талой сине-зеленой водой и обрамленный горами и холмами. И до этого места было очень далеко. Она долго

УРБАН УЭЙТ

вглядывалась в то направление, где, по ее представлениям, должны были быть «Врата Эдема», тщательно исследовала взглядом каждую милю открывающегося ландшафта от кряжа, на котором находилась, до речной долины далеко внизу.

В двух-трех милях от того места, где она стояла, Мэри Мэй заметила на противоположном склоне белые точки пасущихся животных. Сначала она приняла их за горных козлов, но потом убедилась, что это были овцы. Кроме того, она заметила человека, который вышел из леса, чтобы проверить стадо, а потом вернулся под сень деревьев.

Около пяти минут она стояла и взвешивала варианты, но потом двинулась вдоль хребта, пока не нашла очередной пологий склон, по которому принялась спускаться вниз, в речную долину.

Уилл задержался в нескольких футах от поваленной ели и торчащих из земли корней. Он медленно двигался по кругу, внимательно изучая местность на каждом шагу, и читал по следам, как девушка присела на одно колено, как, насколько можно было судить по давлению, она пряталась за стволом и как высунулась, чтобы посмотреть на своих преследователей.

— Что она говорила? — задал он вопрос.

Стоящий в стороне Лонни обернулся к нему, и Уилл знаком дал ему разрешение подойти.

— Что она говорила людям в городе? Что заставило ее прийти сюда?

— Разный бред, — ответил Лонни. — Что мы убийцы. Что мы многое скрываем и утаиваем.

— А это бред?

Лонни внимательно посмотрел на него и вздернул уголок губ в подобии улыбки, а затем оглянулся, как будто Иоанн мог быть рядом:

— Мы не делали ничего, в чем не было бы необходимо-сти. Ты же видел крещение.

— Видел, но я что-то не припоминаю, чтобы оно про-ходило так, когда братья впервые пришли сюда из Джор-джии.

— Отец решил проредить стадо. Он хочет отделить сильных от слабых.

— И к каким относится Мэри Мэй?

— Ты ж знаком с ней? Вот ты и скажи.

— Я был с ней знаком, — поправил Уилл. — Но это было очень давно. До того, как я пришел к «Вратам Эдема». Я и семью ее знал. И видел ее брата Дрю во «Вратах», но едва ли перекинулся с ним парой слов с тех пор, как он к нам присоединился. Меня не было на его крещении, и я не знаю его истории. Ребенком он души не чаял в своем отце Гэри. Он таскался за ним будто хвостик. Но Гэри никогда не нравились «Врата Эдема», так что, судя по всему, Дрю изменился.

— Ну, — пожал плечами Лонни, — все меняется. Даже с тех пор, как я здесь появился, многое изменилось. С тех пор, как Иоанн позвал меня сюда, посулив тишь и благо-дать.

— А оказалось все по-другому?

— По-твоему, это похоже на тишь и благодать? — Лонни осмотрелся, а затем отрешенно уставился на по-валенную ель. — Сколько времени потребуется, чтобы ее выследить?

УРБАН УЭЙТ

— Я сделаю все как можно быстрее. Но я не гарантирую, что мы ее найдем. Она может пройти по речному руслу или перевалить через каменную гряду. В этом случае она не оставит следов. Искать и найти — это разные вещи.

— Так куда она пошла?

Уилл наконец отвел взгляд от ели и повернулся в сторону леса:

— Туда. И, судя по всему, она бежала.

— С чего это ты взял?

— Это видно по расстоянию между следами, — он даже показал куда смотреть, — догнать ее будет нелегко.

— Ой ли?

Уилл не стал отвечать, а просто двинулся вперед, не поднимая глаз от земли. Он шел по ее следу, отмечая места, где она сильнее упиралась пяткой или же больше отталкивалась носком.

В последний раз он видел Мэри Мэй подростком. Впрочем, она была уже достаточно взрослой, чтобы работать в баре. Это было очень давно. Очень много воды утекло с тех пор, как он пришел в церковь, отдал свою душу Отцу и отрекся от всего, что знал прежде.

Мэри Мэй добралась до них под конец ужина. Один поднялся навстречу, чтобы приветствовать ее. Он вышел из-под сени деревьев, где был устроен лагерь и разбит костер. Девушка поздоровалась и остановилась. Солнце уже цеплялось за верхушки деревьев. До наступления ночи оставалось совсем немного. Он ответил на испанском, а затем жестом предложил присоединиться к ним и разделить ужин.

Пастухов было двое: отец и сын-подросток. Именно отец пригласил ее к костру. Они ели разогретые на костре кукурузные лепешки с густой подливой из мяса, фасоли и специй. Кипящий котелок источал незнакомый упоительный аромат, от которого рот Мэри Мэй моментально наполнился слюной. Ей дали лепешки и миску с соусом, и девушка принялась за еду. Хозяева молча наблюдали за ней, и лишь когда с первой лепешкой было покончено, а второй она принялась собирать все остатки подливы, отец что-то сказал сыну, а тот в свою очередь обратился к госте на английском, спрашивая, что привело ее сюда.

— Я ищу своего брата, — откликнулась Мэри Мэй.

Сын перевел отцу ее ответ, а затем спросил вновь:

— Он потерялся?

— Можно сказать и так.

Овцы паслись выше по склону, и она принялась рассеянно наблюдать за ними, пока солнце окончательно не село. Тогда она вновь повернулась к костру и спросила, не знают ли пастухи как добраться до церкви «Врата Эдема».

— Está buscando por la iglesia?* — спросил отец, внимательно глядя на нее. — Es una mala iglesia**.

Мэри Мэй перевела взгляд на его сына, ожидая перевода.

— Он говорит, что это плохое место, — объяснил паренек. — Несколько раз они обращались к нашему работодателю. Пытались обратить его в свою веру, заставить отдать овец и примкнуть к ним.

* Что вы ищете в церкви? (исп.)

** Это плохая церковь (исп.).

УРБАН УЭЙТ

— Они со многими так поступали, — кивнула девушка. — И со мной тоже.

Она наконец расправилась с остатками ужина и сунула последний кусок лепешки в рот.

— Иногда они приходят ночью и крадут овец. Они словно волки. И воры. Скоро, если наш работодатель продолжит терять скот, а с ним и свои деньги, у него не останется выбора, кроме как отдать им оставшееся за те гроши, что они предлагают.

— Знакомая история, — согласилась Мэри Мэй. — Они перекрыли поставки алкоголя для моего бара в городе. Мешают мне поддерживать связь с одной половиной моих партнеров и запугали вторую половину.

— Они слишком многого хотят, — подтвердил паренек. — Считают, что все им принадлежит. Но это ничья земля. Она принадлежит людям, овцам и всем, кто ходит по ней и сам выбирает, куда держать путь.

Улыбнувшись своим неожиданным союзникам, Мэри Мэй поблагодарила их за ужин, а затем поднялась на ноги и вернула миску.

— A dónde vas?*

— За своим братом.

— Él está con ellos?**

— Да. — Отрицать это не имело смысла.

Мужчина серьезно задумался, а затем поднялся тоже и спросил, не хочет ли она остаться. У них было запасное одеяло, которым они готовы были поделиться. Ночь стремительно вступала в свои права, а потеряться в темноте было значительно легче, чем днем.

* Куда вы идете? (исп.)

** Он с ними? (исп.)

Он ушел в глубину леса и минуту спустя вернулся верхом на спокойной чалой лошадке, которую тут же пустил рысью. Мэри Мэй успела заметить, что к седлу была приторочена винтовка в потертой кожаной кобуре. Проводив пастуха взглядом, она вопросительно посмотрела на мальчишку, и тот пояснил:

— Винтовка помогает против волков. Любых волков.

— Все настолько плохо?

— Сложно сказать. Особенно пока не пришлось решать самому. Не знаю, насколько все плохо. Правда не знаю. Время покажет.

— А что твой отец? — Она следила за тем, как всадник скачет по склону. Его темный силуэт выделялся на фоне серых сумерек. Овцы разбегались из-под копыт лошади, словно волны от корабля. — Ему приходилось стрелять?

— Он каждый день выезжает в сумерках, чтобы проверить овец перед наступлением темноты. — Парнишка собрал остатки ужина и принялся отмывать котелок небольшой тряпицей. — Он пастух. И всегда был пастухом. Он не сможет жить без своего стада. Понимаешь? — Он продолжил говорить, лишь когда закончил с мытьем: — Твой брат верует?

— Я не знаю, — вздохнула Мэри Мэй. — Я больше не могу сказать наверняка. Кажется, я давно уже мало знаю о нем.

— Иногда мы слышим их, — продолжил мальчик, — их заклинания и песни. Иногда в лесу звучат голоса. И порой мы видим костры. Некоторые веруют, — отметил он, — некоторые не очень. Им сложно на самом деле, ведь они думают, что вступают в мир, живущий по милости Божьей.

УРБАН УЭЙТ

Но вместо этого попадают в обитель греха и порока. Слова их Отца — это не слова Бога. Это лишь способ поработить их.

Мэри Мэй удивленно посмотрела на него, потом на его отца, продолжающего кружить вокруг овец, а потом вновь на парнишку:

— Ты смышленный малый.

Он как раз закончил с котелком и принялся за миски и черпак, которым раскладывали еду.

— То, что мы живем здесь, не делает нас слепыми. Или не значит, что мы не в курсе о том, что делается в городе и всем округе. Бывает такое, чем дальше ты, хоть мыслями, хоть буквально, тем яснее видишь происходящее.

С наступлением ночи они сделали привал у подножия хребта и поужинали припасами из рюкзака Уилла. Разложили небольшой костерок, и охотник задумчиво наблюдал, как огонь пожирает тонкие веточки, пока Лонни делал самокрутку и рассуждал о том, как было бы здорово, если бы погоня уже завтра увенчалась успехом.

Уилл, хотя и согласился, все же выразил сомнение, что из этого получится что-то хорошее.

— Она не верует, — пояснил он. — Эта семья всегда ненавидела церковь. Я не понимаю, как ее появление там может что-то изменить.

— Лучше держать ее на коротком поводке, чем позволить разгуливать без контроля. — Лонни прикурил и грубо затыкнулся. — Она сама заварила эту кашу, когда пошла к шерифу.

— И что она ему сказала?

— Ни капли правды. Но ее слова бросили тень на Отца и церковь. Думаю, этого достаточно, чтобы Иоанн к ней прицепился.

— Я помню ее ребенком, — возразил Уилл. — Даже тогда она была упрямой и сильной. Едва ли она кардинально изменилась с тех пор.

— Скоро увидим, — хмыкнул Лонни и, сделав последнюю затяжку, швырнул окурок в огонь.

Спустя пять минут он уже крепко спал.

Уилл сидел и смотрел на огонь до тех пор, пока не остался только слабо тлеющий уголек в основании импровизированного очага, который он сам и сложил из окрестных камней. Он вспоминал о медвежонке, которого хотел спасти, и о неудаче, что постигла его.

Этой ночью, впервые за долгое время, ему приснилась дочь. Она всегда просила укладывать ее в кровать и не засыпала, пока он не садился рядом. Ребенком она часто пугалась и начинала кричать, если, проснувшись ночью, не видела его рядом. Уиллу снились те моменты, когда она уже лежала в кроватке с закрытыми глазами, но еще не засыпала.

— Ты же не уйдешь? — спрашивала она.

— Нет. Я буду рядом с тобой.

— Даже когда я засну?

— Да. Я всегда буду рядом. Всегда буду присматривать за тобой и никогда не покину.

— А как же мама?

— А что с ней?

— Кто будет присматривать за ней?

— Тоже я. Я присматриваю за вами обеими.

— Даже когда присматриваешь за мной?

УРБАН УЭЙТ

— Да, — уверенно отвечал он.

И он действительно наблюдал за ней. Слушал ее дыхание и замечал, как оно меняется по мере погружения в сон. Он видел себя в старой комнате, служившей детской, в доме, который когда-то принадлежал ему и стоял на краю утеса. В этом сне он смотрел через окно спальни на поле, и то было изобильным и золотым, полным пшеницы перед самым сбором урожая.

Уилл поднялся из кресла, тихо вышел из комнаты, прикрыл за собой дверь и остановился на мгновение, смакуя мысль о том, что его дочь там, жива и в безопасности. Затем он двинулся по дому в поисках жены, но ее нигде не было. Через окно кухни он увидел все то же поле. Но теперь снаружи было темно, и лишь собственное отражение в стекле смотрело на Уилла. Оно же подсказало, что весь дом изменился и многое исчезло без следа.

Пронзительный крик заставил его отвернуться от стекла. Дочь звала его, просила о помощи, словно вновь была малышкой, проснувшейся среди ночи в одиночестве.

Он бросился к двери спальни, чтобы найти и успокоить малышку, но, сколько бы ни дергал ручку, не мог открыть дверь. А крик все звучал и звучал. В нем слышались мольба и призыв, и Уилл продолжал дергать за ручку, понимая, что это бесполезно, но в то же время чувствуя, что происходит что-то ужасное, и это осознание не давало ему остановиться. Даже в собственном доме он был бессилен помочь ей.

Проснувшись, он долго не мог унять кашель. До рассвета был еще целый час, и небо на востоке лишь едва посветлело. Прижимая руку ко рту, он сотрясался в приступе

кашля, который буквально выворачивал наизнанку легкие, и вдруг внутри что-то как будто бы оборвалось. Сплюнув, он уставился на черный комок слизи, выглядящий в грязи как древняя и злобная форма жизни, исторгнутая на свет.

Прошел час, а он по-прежнему лежал на земле, наблюдая за тем, как восходящее солнце изгоняет с неба последние звезды. Рядом темным смоляным комком подсыхало кровавое пятно, то ли от язвы, то ли от еще какой дряни, зреющей у него внутри.

Утром парнишка разбудил ее, встряхнув за плечо, и, как только она открыла глаза, тут же вернулся к костру и продолжил заниматься завтраком. Его отец сидел рядом, и они оба выглядели так, будто не двигались всю ночь. На них была все та же одежда, и сидели они ровно на тех же местах.

— Estabas hablando*, — сказал мужчина.

Мэри Мэй отрицательно покачала головой, показывая, что она не понимает, и вопросительно посмотрела на парнишку.

— Ты разговаривала во сне, — пояснил мальчик.

Он зачерпнул темную жидкость из котелка, перелил в чашку и протянул девушке. Она заглянула внутрь, а когда подняла взгляд, он уже вернулся на прежнее место. Мэри Мэй принялась, а потом и пригубила содержимое:

— Кофе? Gracias**.

— De nada***, — ответил мужчина.

* Вы говорите (исп.).

** Спасибо (исп.).

*** Не за что (исп.).

УРБАН УЭЙТ

Мальчишка кивнул, налил еще одну кружку отцу и только после этого — себе.

Когда Мэри Мэй допила, она обратила внимание на гущу, оставшуюся в чашке. Ей вспомнились ковбойские байки, в одной из которых рассказывалось про гадание по кофейной гуще. Добрую минуту она вглядывалась в темную взвесь, но так ничего и не смогла понять про свое будущее, поэтому забросила эту идею, поднялась на ноги и выплеснула из чашки остаток кофе, а затем отправилась в сторону от лагеря, чтобы справить нужду.

Синяк на бедре так и не сошел, напомнив о себе, стоило только присесть на корточки между деревьями. Она потрогала припухшую кожу и слегка надавила, прислушиваясь к ощущениям. Кровоподтек был яркого пурпурного оттенка и по краям выцветал в синий и желтый. Закончив свои дела, он поднялась и направилась обратно, на ходу застегивая джинсы.

Парень сидел в седле и, увидев ее, сделал приглашающий жест.

— Ты отправишься искать брата? — спросил он, когда Мэри Мэй подошла.

— Я попытаюсь.

Мальчик протянул ей руку:

— Я подброшу тебя до конца хребта. Через пару миль оттуда начинаются земли церкви. Возможно, ты даже увидишь дым. Но все это плохая идея.

Девушка взялась за протянутую ладонь и тоже устроилась на лошади позади всадника. В этот момент к ним подошел мужчина. Он держал на ладони револьвер.

— Это осталось там, где ты спала, — пояснил мальчишка.

Мэри Мэй посмотрела на него, потом на его отца и затем забрала оружие, благодарно улыбнувшись.

— Он принадлежал моему отцу, — пояснила она и тут же добавила, поняв, что может сказать это и по-испански.

— De mi padre.

— ¿Dónde está tu padre?*

— Погиб. Авария.

Мужчина цокнул языком и покачал головой, выражая таким образом сочувствие. Мальчишка тронул коня, и они двинулись через поле. Мэри Мэй обхватила его за торс, и овцы расступались перед ними, как океанская пена.

Когда она решила оглянуться на маленький лагерь, то увидела уже только тонкий дымок, отмечающий место, где пастух остался готовиться к новому дню.

Паренек направлял лошадь вдоль хребта и вверх. Мэри Мэй видела, что этой тропой часто пользуются. Когда они добрались до гребня, мальчик спешил и помог ей тоже слезть с лошади. Он указал на долину внизу и объяснил, как добраться до земель церкви — вниз, через долину, несколько холмов и дальше, где, как она могла видеть, блестело озеро.

— У тебя ведь не осталось никого, кроме брата? — на прощание спросил он, и Мэри Мэй ответила:

— Да.

Уилл потерял след в районе схода лавины. Несколько раз он кружился на месте, пытаясь понять, куда же пошла девушка, находя признаки ее присутствия и тут же теряя их вновь. Когда они поднялись на вершину хребта, стало

* Где твой отец? (исп.)

УРБАН УЭЙТ

окончательно понятно, что все бесполезно. Вокруг были лишь скалы.

Подойдя к краю хребта, он заглянул вниз в пропасть — обломки камней и осыпь простирались до самого берега реки. Блестящая лента исчезала в зарослях осоки, а потом выныривала из них среди деревьев и кустарников.

Уилл прошел по хребту в другую сторону и вскоре заметил стадо овец, пасущееся на пастбище прямо напротив того места, где он стоял. Они были высоко в горах, и отсюда было заметно, как всадник пробирается сквозь стадо и овцы уступают ему путь.

— Я бы направился туда, — пробормотал Уилл. — Замерзший и потерянный, я бы пошел туда, где есть люди.

Он оглянулся в поисках Лонни, а затем указал на всадника и овец. Сняв винтовку, он рассмотрел происходящее в прицел, а потом протянул ее спутнику:

— Я насчитал двух мужчин. Мэри Мэй я не вижу.

Лонни долго и внимательно смотрел в прицел, а затем вернул оружие хозяину:

— Туда значит?

— Да, туда.

В разгар утра они перешли реку и начали подниматься к пастбищу. Овцы заволновались при их приближении, а два пастуха вышли им навстречу.

— Buenos días*, — приветствовал их старший; за его спиной можно было заметить погасший костер.

Уилл поднял руку в ответном приветствии, а затем оглянулся через плечо на Лонни:

— Ты говоришь по-испански?

* Добрый день (исп.).

Мужчина отрицательно мотнул головой, смерил пастухов взглядом и ответил:

— В тюрьме у меня были знакомые мексиканцы, хотя, может, они были и откуда-то еще. Кто их разберет.

Уилл вновь посмотрел на мужчину:

— Вы говорите по-английски?

Мужчина посмотрел на мальчика, который, судя по всему, был его сыном. Парнишка посмотрел на незнакомцев и тоже покачал головой.

— Estamos buscando...^{*} — Уилл пытался хоть как-то подбрать слова, но его знания были слишком скудны.

Как-то ему довелось пару летних сезонов отработать в полях на востоке, когда он только вернулся с войны, но это было давно, а он даже тогда едва ли говорил по-испански.

— Estamos buscando... кое-кого, — наконец выдавил он, делая широкий жест, как будто хотел охватить весь окружающий мир.

Отец вновь взглянул на сына, а тот, в свою очередь, пожал плечами.

— Эти парни ни черта не понимают, что ты говоришь, — выругался Лонни, который успел уже подойти к костру и теперь смотрел на почерневшие камни. — Спроси, есть ли у них какая-то жратва. Или выпивка. — Сам он даже не пытался общаться с пастухами. — Или я убью одну из их овец, чтобы не возвращаться к Иоанну и остальным с пустыми руками.

— Iglesia?^{**} — спросил мужчина. Он поднял руки к щекам и потер их ладонями, изображая бороды, которые но-

^{*} Мы ищем... (исп.)

^{**} Церковь? (исп.)

УРБАН УЭЙТ

сили Уилл, Лонни и все остальные мужчины во «Вратах Эдема».

— Да, — кивнул Уилл. — Iglesia. Мы оба, — для верности он ткнул пальцем в Лонни и себя. — Iglesia.

— Про жратву спроси, — повторил Лонни. Он принялся расхаживать по лагерю, вороша припасы и вещи. Паренек внимательно следил за ним. — Черт, и спроси уже про выпивку. Вдруг мне повезет.

Уилл поднял руку ко рту и спросил:

— Comida? — Он обращался к отцу, но в то же время не спускал глаз с сына.

— Нет, — ответил мужчина.

— Нет? — переспросил Лонни. — Передай, что они грубияны. — Он обращался к Уиллу, но смотрел при этом на мальчишку, который был всего в паре футов от него. — Просто чертовы грубияны. Понимаешь, немой ублюдок? — Он наклонился, высматривая что-то под деревьями, а потом направился туда, где была привязана лошадь. — Короче, я забираю их лошадь и овцу, а затем валю к херам отсюда. Меня все это уже изрядно задолбало.

Паренек бросился ему наперерез и замер, преграждая путь к лошади. В руке он держал небольшой ножик.

Лонни остановился, подняв руки, а потом оглянулся на Уилла и старшего пастуха, растянув губы в недоброй ухмылке. Что произошло дальше, Уилл даже не понял, настолько быстрым было движение. Мальчишка оказался на земле, из его разбитого носа хлестала кровь. Лонни стоял над ним, подошвой ботинка прижимая к земле руку с ножом.

* Еда? (исп.)

Его отец попытался дернуться, но Уилл был рядом и тоже сбил его с ног. Он сбросил винтовку с плеча и навел на мужчину. Звук передергиваемого затвора заставил пастуха замереть на месте.

Парнишка попробовал перехватить нож в свободную руку, но Лонни наклонился и врезал ему по ребрам, а затем отшвырнул оружие прочь и отошел, пока мальчишка хрипел и корчился на земле, пытаясь восстановить дыхание.

— Хватит, — попытался вмешать Уилл. — Они лишь пытались защитить свое.

— Свое? — переспросил Лонни, не скрывая своего удивления. — Что свое?

Он отступил на шаг, а затем резко пнул пытающегося подняться мальчишку, так сильно, что тот опять захрипел и покатился по земле.

— Прекрати, — вновь постарался урезонить спутника Уилл, но ответом ему была лишь очередная дикая усмешка.

Лонни еще дважды пнул парнишку под ребра, и тот теперь пытался уже только уползти подальше, но мужчина шел за ним, продолжая наносить удары и выплевывать оскорбления:

— Когда они уже научатся? Когда уже усвоят чертов урок? Все принадлежит мне. Они-то думают, что знают лучше меня или Иоанна. Думают, что просто могут закрыть глаза и сделать вид, что ничего не было.

Он вновь пнул мальчишку, а потом схватил за воротник, вздернул на ноги и принялся лупить свободной рукой.

Уилл бросился к Лонни, как только понял, что его необходимо остановить. Так и держа винтовку в руках, он

УРБАН УЭЙТ

накинул оружие мужчине на шею и попытался оттащить его подальше:

— Ты же убьешь его. Уймись. Уймись, черт тебя подери.

Пастух вскочил на ноги и бросился к сыну. Уилл видел, что парнишка двигается крайне медленно: он серьезно пострадал, но все еще был жив и в сознании. Уилл оттащил Лонни еще дальше, когда понял, что тот слабеет. Судя по всему, винтовка слишком сильно давила ему на горло. Тогда он ослабил хватку и осведомился, готов ли тот успокоиться.

Когда Уилл разжал руки, Лонни согнулся и принялся прочищать горло. В лагере отец все еще пытался помочь сыну.

— Здесь же никого нет, — прохрипел Лонни.

— Это не значит, что ты можешь их убить.

— Ты же видел, как они отреагировали на упоминание церкви.

— Я видел, как они отреагировали на твою попытку обокрасть их. Ты должен успокоиться, Лонни. Успокоиться и подумать.

Лонни потер горло и воззрился на охотника:

— Пришло время. Пришло время, и они знали, что оно придет.

— О чем ты?

— Конец близко. Они могут помочь нам и найти спасение. Или выступить против нас и сгореть со всеми остальными.

Уилл молчал. Он не знал, что на это ответить.

— Ты чертов псих, — наконец выдавил он.

— Нет, — возразил Лонни. — Я хочу выжить. Всех нас ждет ковчег, но лишь некоторые осознают это.

Уилл посмотрел на него, а потом на лагерь, где отец пытался успокоить сына. Когда он подошел, мужчина вскинулся и вытянул руку в защитном жесте:

— Ella fue a la iglesia. Allá*, — и он ткнул пальцем в горную гряду за спиной Уилла.

Охотник обернулся. Но хотел сказать еще что-нибудь, но едва ли хоть какие-то слова могли улучшить ситуацию. То, что произошло, было непонятно. Он оглянулся на Лонни, а затем посмотрел на гору.

В небе пролетел ястреб. Теперь только тень на траве указывала, где птица развернулась в восходящих потоках теплого воздуха. Мэри Мэй как раз дошла до середины поля, устилающего долину, и остановилась, подняв лицо к небу. Ей было интересно, куда улетел ястреб.

Где-то в глубине души она понимала, что задуманное невозможно претворить в жизнь. У нее не было надежды на успех, но она все равно продолжала идти вперед в том направлении, которое ей указал мальчишка-пастух, и вспоминала вопрос, который он задал на прощание: «У тебя ведь не осталось никого кроме брата?»

Дрю был на три года младше. Он успел закончить школу в последний год перед тем, как ее закрыли. Мэри Мэй же в то время была уже вся в работе: следила за баром, занималась обычными делами и совершенно не думала о брате, разве что иногда обедала с ним за одним столом или встречала в доме родителей. Для нее гораздо важнее было всем возможным помогать отцу и матери.

* Она была в церкви. Там (исп.).

УРБАН УЭЙТ

Когда он пришел и сообщил, что записался в армию, она не знала, что сказать. В тот момент она поняла, что с самого детства они не разговаривали по душам. У нее никогда и мысли не было, чтобы попросить его о чем-то.

Она шла дальше и думала о словах пастуха. О том, что брат скажет ей. О том, что она будет делать, когда найдет его. Что будет, если ее брат теперь вовсе не такой, каким она его считала?

«Надеюсь, ты значишь для него столько же, сколько он для тебя», — так сказал мальчик, прежде чем развернуть лошадь и вернуться к отцу.

Уилл вновь поднялся на хребет, и Лонни шел следом за ним. На гребень их привела тропа, на которой были заметны свежие следы копыт, даже несмотря на заросли осоки и топчущихся тут и там овец.

Когда Уилл оглянулся, стадо так и паслось на поле, а дальше на опушке леса виднелся лагерь. Он почти не разговаривал с Лонни, но слышал, как тот ворчал время от времени и сетовал, что они могли бы забрать хотя бы лошадь. Так было бы проще догнать Мэри Мэй.

— Вот, значит, как? — спросил Уилл. — Мы против них?

— Так же, как и всегда, — откликнулся Лонни.

— Когда ко мне пришли и предложили место, я был благодарен. Меня не принуждали ни к чему.

— Раньше все было проще, — последовал ответ. — Время подходит, и все уже не может быть простым. Чем больше наша сила, чем сильнее мы веруем словам в слова Отца, тем лучше все мы становимся.

— Ты говоришь так, будто завтра конец света.

— Может быть, не завтра и не послезавтра, но это не значит, что его не будет. Такие люди, как я и ты, выживают.

— И что мы за люди?

— Люди, которые делают то, что должно.

— Только не во вред другим, — возразил Уилл.

— Ты и я, — пояснил Лонни, — мы видим мир по-разному, но мы не настолько разные.

— У каждого из нас свое предназначение, — припомнил Уилл слова, сказанные на опустевшей ферме Кершо.

— Вот именно, — кивнул Лонни. — Иоанн все время это повторяет. У каждого из нас свое предназначение. И все мы должны служить делу церкви.

Они шли по гребню, который, на взгляд Уилла, ничем не отличался от всего, что они видели прежде. С одной стороны был пологий склон, с другой — и именно туда они сейчас направлялись — скала обрывалась резко, будто обрубленная рукой какого-то божества. Крутой склон, острые камни и россыпь крошки — вот и все разнообразие.

Уилл остановился и осмотрел долину внизу. Он дождался, пока Лонни подойдет и встанет рядом, и лишь после этого снял винтовку с плеча, отсоединил линзу прицела и приложил к глазу. Перед ним расстилалась огромная долина, поросшая осокой и тонконогом. Когда он опустил прицел, то почти не верил, что ему действительно удалось найти Мэри Мэй.

Девушка находилась примерно в центре поля. Отсюда было видно, что до леса ей оставалась четверть мили. Уилл вновь посмотрел в прицел и отметил для себя ее местонахождение, а затем опять попытался найти ее

УРБАН УЭЙТ

невооруженным глазом. Отсюда она казалась очень маленькой. Заметить ее было практически невозможно.

Не отводя взгляда, он передал винтовку Лонни и предложил:

— Посмотри, — он продолжил наблюдать за крошечной фигуркой, над которой кружил ястреб, — видишь ястреба? Наведи на него прицел, а потом опусти вниз на поле.

Он все же повернулся к спутнику, следя, как тот нашел ястреба, а затем и Мэри Мэй.

— Иоанн будет счастлив, — довольно хмыкнул Лонни, убирая прицел и возвращая его Уиллу.

И в этот момент раздался выстрел. Вот только стреляла не та винтовка, которую держал Уилл.

Охотник развернулся и подался на звук. Источник его был на пастбище, которое они недавно покинули. Выстрел повторился. Его эхо прокатилось по всей долине, а воздух задрожал. Следом послышались еще и еще. К одиночным залпам примешался рокот автомата и тяжелое буханье дробовика.

Сначала он подумал, что, возможно, отец с сыном погнались за ними или же решили свершить месть на расстоянии. Но присмотревшись, понял, что пастух открыл огонь по пятерке мужчин, которые шли через луг в том же направлении, куда двигался и сам Уилл со спутником.

Возглавлял процессию, движущуюся через водоворот перепуганных овец, сам Иоанн Сид. В руках он держал большую металлическую антенну, и Уилл в этот момент понял, что тот выслеживал вовсе не на волков. Он охотился на них и на Мэри Мэй. И догадаться об этом стоило бы намного раньше.

Пастух выстрелил вновь. Спутники Иоанна пригнулись, а потом принялись расстреливать овец по мере того, как продвигались через луг. Один из мужчин поливал лесной лагерь пулями из своего АК-47.

Прозвучали еще несколько одиночных выстрелов, но самих пастухов Уилл не видел. Они прятались среди деревьев и стреляли в приближающихся мужчин. Прошло еще мгновение, и раздался цокот копыт. Верхом на лошади пастухи стремительно удалялись прочь через луг. Некоторые из отряда Сиды выстрелили им в спину, но основная часть палила по овцам.

Возможно, за этой канонадой Уилл и не услышал бы щелчок собственной винтовки, не будь она так близко. Он обернулся ровно в тот момент, когда Лонни снял ее с предохранителя и прицелился в идущую через луг девушку. Ему даже не надо было передергивать затвор. Уилл с ужасом осознал, что сам несколько минут назад сделал это за него.

Мэри Мэй преодолела уже три четверти луга, когда услышала гром. Она остановилась и посмотрела на небо, но на нем не было ни облачка. Тогда она обернулась к хребту, с которого спускалась, и даже сделала несколько шагов назад.

Звук повторился, но теперь она догадалась, что это не гром. Он рассеивался в воздухе и больше походил на рокот, но вскоре определенные нотки подсказали ей, что это выстрелы — уж их за свою жизнь девушка наслушалась.

Мэри Мэй еще мгновение вглядывалась в горный кряж, гадая, сможет ли она помочь в том, что там происходило, но затем спешно продолжила путь, буквально

УРБАН УЭЙТ

через несколько шагов перейдя на бег. Она даже вытащила револьвер из-за пояса и сжала в руке, чтобы не потерять в спешке. Когда девушка преодолела почти половину расстояния, выстрелы стихли. Окружающий мир вновь стал нормальным в одночасье, и это казалось очень странным. Легкий ветерок шелестел в траве, солнце светило, и ветви деревьев далекого леса приветственно раскачивались, как будто бы ничего и не было.

Пуля просвистела буквально в футах от нее и вгрызлась в землю шагов на десять впереди. Она ощутила движение воздуха и заметила фонтанчик пыли там, где должна была находиться сама. До нее не сразу дошло, что это значит, но затем с вершины хребта докатился грохот выстрела, и все встало на свои места.

Уилл начал действовать, как только Лонни нажал на спусковой крючок. Охотник врезался в него и сбил с ног. Винтовка выскользнула и отлетела в сторону. Уилл успел заметить, как она замерла на краю скалы, а затем рухнула вниз и исчезла.

Лонни моментально вскочил на ноги и встал в стойку рестлера, готового к нападению.

— Ты пытался застрелить ее, — рыкнул Уилл.

Их разделяло не более пяти футов. Лонни медленно двигался вниз по склону, ни на миг не отводя взгляда:

— Лучше здесь, чем где-нибудь еще. Было бы хорошо устроить все так, что она ушла в лес и не вернулась.

— Господи, Лонни! Нам сказали найти ее! Нам сказали найти ее и помочь!

Лонни нанес стремительный удар. Уилл с трудом успел отшатнуться и едва удержал равновесие. Он чувствовал

себя слишком старым и медленным, чтобы хоть как-то равняться с той скоростью, с которой действовал противник. Лонни усмехнулся и вновь ударил, целясь Уиллу в лицо. Рюкзаки с вещами, которые до сих пор оставались на них, делали движения неуклюжими, а сохранять равновесие было сложнее, чем обычно. Уилл решил, что лучшим в его ситуации будет держать дистанцию.

— Неплохо для старика, — усмехнулся Лонни, а затем резко дернулся вперед, всаживая кулак в ребра Уилла. — Но старик есть старик.

Охотник от удара согнулся вдвое, захлебнувшись воздухом, и следующий удар Лонни нанес уже ему в челюсть.

Уилл рухнул лицом вниз на гладкую скалу. Кожа в месте удара горела, а мышцы живота свело судорогой. Он попытался перевернуться, но Лонни пнул его так, что мужчина покатился по склону и рухнул с небольшого обрыва еще на четыре фута вниз.

Уиллу показалось, что кто-то швырнул ему под ноги динамит и взрывная волна отбросила его на добрых сорок футов. Возможно, он даже сломал что-то — понять было сложно, все его тело болело так, как не болело уже много лет. И все же он понимал, что должен встать, должен сделать что-нибудь, остановить Лонни любой ценой.

Ему удалось подняться как раз тогда, когда Лонни подошел к краю скалы. Уилл схватил его за ногу и резко дернул. Он явственно услышал звук удара о камень, когда его противник приземлился на свой рюкзак, а затем под действием инерции врезался затылком в твердую поверхность. Охотник успел снова забраться наверх, прижимая руку к животу, пока Лонни пытался прийти в себя; в его волосах и на одном из камней виднелась кровь.

УРБАН УЭЙТ

Мужчина успел подняться на одно колено, а затем и выпрямиться, прежде чем Уилл добрался до него, так что охотнику вновь пришлось держаться на расстоянии, пытаясь придумать способ защиты. Лонни подобрался и пошел на него. Рядом валялись камни, которые можно было бы использовать, но, чтобы добраться до них, нужно было вновь подставиться под удар. Так что Уилл отступал, пока не оказался на краю утеса. Лонни, по шее которого струилась кровь, неуклонно теснил его к обрыву. Охотник в отчаянии осмотрелся, но ничего не смог придумать. Где-то внизу лежала его винтовка. Сколько до нее было? Десять футов? Пятьдесят? Сотня? Он оглянулся, балансируя уже на самом краю, и тут заметил оружие. Винтовка зацепилась за небольшой выступ, и до нее было всего фута три. Уилл потянулся за ней, понимая, что в этом может быть его единственный шанс. В этот же момент Лонни вновь напал, нанося удар справа как раз, когда Уилл потянулся достать винтовку.

Промедли он хоть долю секунды, и кулак непременно настиг бы его. Но получилось так, что вложенное усилие, не встретив цели, лишило Лонни равновесия, и он не смог его восстановить — возможно, из-за удара головой о камень. Уилл успел заметить кулак и то, как Лонни зашатался и в следующее мгновение рухнул вниз с обрыва.

Охотник проследил взглядом его падение. Казалось, Лонни летел вниз не меньше минуты, хотя прошло от силы пара секунд. Тело рухнуло на скопление камней сотней футов ниже, заставив их осыпаться, затем и само съехало дальше и замерло на дне пропасти, изломанной куклой выгнувшись среди крупных валунов и обломков скал.

Уилл изумленно смотрел вниз. Одна из рук Лонни противоестественно вывернулась, лицо было обращено к небу, и казалось, что его голова держится только на коже шеи, а все кости переломаны.

Охотник склонился, а затем и вовсе лег на край скалы. Он дотянулся до винтовки и вытащил ее за ствол, передернул затвор и внимательно осмотрел со всех сторон. Оружие было в порядке, правда, линза прицела треснула, и он обнаружил это, лишь когда решил посмотреть на опустевший луг, где буквально пару минут назад была Мэри Мэй.

Легкие горели огнем, а сердце колотилось так, будто сосуды в нем вот-вот должны были разорваться. И все же она продолжала бежать. Напрямик, со всех ног, без оглядки, без остановок — она не хотела давать ни малейшего шанса себя поймать. Стволы сосен в ажурных пятнах света и тени казались ей каким-то дьявольским кружевом, сплетенным руками безумца.

Лишь ужас и порожденная им мысль, что преследователи могут услышать ее шаги, заставили девушку остановиться. Она резко свернула вправо и замерла, прижавшись спиной к тонкому стволу высокой сосны и пытаясь всеми силами успокоить дыхание. Мэри Мэй со всей ясностью осознала, насколько одинокой и незащищенной была. Пересекая яркий и спокойный луг, она не видела и не слышала ничего подозрительного, пока пуля не врезалась в землю в нескольких шагах от нее.

Ей нужно было бежать, и как можно скорее. Осмотревшись, она поняла, почему так много первых поселенцев терялись как раз в таких вот лесах. Во все стороны, насколько

УРБАН УЭЙТ

хвatalo глаз, росли широкохвойные сосны — прямые как стрелы, толстые, как телеграфные столбы, и, как назло, все совершенно одинаковые. Это напоминало зал с кри-выми зеркалами, из которого не было выхода.

Уилл спустился с хребта вниз, часть пути просто съехав по осыпающейся каменной крошке, и добрался до Лонни. Глаза мужчины безжизненно смотрели в небо, а от скулы до виска протянулась жуткая рана. Не было никаких сомнений в том, что у Лонни сломана шея. Уилл взялся за покрытую синяками руку, чтобы перевернуть тело.

Потребовалось определенное усилие, чтобы осуществить задуманное. Лонни весил немного, но возиться с мертвым телом все равно было непросто. Перевернув его, Уилл почувствовал запахи, сопутствующие смерти, но все же добрался до рюкзака.

Распустив крепления, он начал выгребать вещи и рас-кладывать рядом же на камне. Большинство он уже видел накануне по время ночевки, а когда достал волчий ошей-ник с передатчиком, то совершенно не удивился. Зато за-думался, вертя устройство в руках. В нем было не больше пары фунтов веса, а с одной стороны виднелся маленький выключатель.

После десяти секунд раздумий Уилл уложил ошейник вместе с остальными вещами обратно в рюкзак и вернул Лонни в прежнее положение, оставив его в покое. Он под-нял голову, чтобы оценить место, где произошла трагедия, а затем посмотрел вниз. До начала луга надо было спу-ститься еще на сотню футов. Он направился в ту сторону, где в последний раз видел Мэри Мэй. Оттуда и до «Врат Эдема» было уже недалеко.

Когда Уилл пересек поле и оглянулся, то заметил фигуры людей на кряже. Спешно он нырнул под сень деревьев, чтобы его не заметили, и отсюда принялся наблюдать в прицел за тем, как преследователи спускаются туда, где лежал Лонни.

Он наблюдал достаточно долго, чтобы увидеть, как они перегруппировались и принялись спускаться друг за другом там же, где спускался он сам, как добрались до осыпи. Впереди шел Иоанн.

Он определенно ориентировался на показания прибора, источником сигнала для которого был волчий ошейник в рюкзаке Лонни.

Мэри Мэй оставалась на одном месте, пока не увидела своего преследователя. Это был одинокий мужчина. Он спустился с гряды, а затем пошел через луг практически там же, где шла она сама, но на полпути остановился и принялся разглядывать что-то в траве.

Меньше всего она хотела дать ему возможность себя поймать. Мэри Мэй сунула револьвер за ремень джинсов, разулась и взяла ботинки в руки, а затем направилась в сторону небольшого холма на севере, полагая, что высота даст ей преимущество. Девушка теперь следила за каждым своим шагом, понимая, что преследователь опасен, раз смог так успешно ее выследить. Возможно, он же преследовал и ее отца.

Аккуратно ступая босыми ногами по ковру из палой хвои, Мэри Мэй то и дело оглядывалась. Теперь она почти не оставляла следов, и все же их было можно заметить. Девушка выросла в этих лесах. Отец и друзья обучали ее читать следы и охотиться. Она знала, что некоторые

УРБАН УЭЙТ

способны выследить все что угодно и где угодно. Только вода и голые камни могли стать спасением.

Балансируя с помощью рук, она принялась подниматься вверх по склону, который оказался круче, чем она предполагала. Основная его часть была покрыта буреломом и густым подлеском. На полпути Мэри Мэй споткнулась и упала, съехав вниз на четыре фута и оставив в хвойном ковре темную прореху. Она никак не могла исправить ситуацию, так что просто двинулась дальше еще быстрее, чем раньше.

Поднявшись наверх, она быстро оглянулась на пройденный путь, а затем забралась на огромный камень и растянулась на нем, чтобы быть как можно незаметнее. Выбранная ею скала вырывалась из холма, будто гигантские позвонки, но, в отличие от кряжей, которые она пересекала прежде, вид отсюда открывался не слишком удачный. Скала лишь самую малость выдавалась над верхушками деревьев, и обзор по большей части был ограничен.

В наступившей тишине она слушала собственное сердцебиение и дыхание. Ей даже показалось, что рядом дышит еще кто-то, и она испуганно замерла. Где-то вдали на другой стороне холма закричал сорокопут. Тревожная трель разлетелась по лесу, и птица вспорхнула и улетела, быстро исчезнув между деревьями.

Пару секунд девушка смотрела ей вслед. Возможно, птицу испугал скрип дерева, или она заметила какую-то добычу, но это было лишь предположением, потому что где-то внизу был также и человек с винтовкой, неотступно идущий по следу.

Мэри Мэй в последний раз взгляделась в затянутый серой дымкой лес. Полдень уже миновал, и солнце начало

клониться к деревьям. Девушка отползла назад на животе, уверилась, что находится вне зоны видимости, и только тогда поднялась на ноги. Где-то впереди была дорога, которая вела к землям церкви. Там она надеялась найти брата.

Она выросла в округе и знала эти дороги, леса и возвышенности. Пусть она никогда не забиралась так далеко и не сходила с проторенных путей между озерами и горами, но знала, что по границе земель «Врат Эдема» проходит дорога, и представляла, как туда добраться. Сосны и осины росли на возвышенностях, затем уступали место белоснежным березам, а потом начинались болотистые низины. Ей необходимо было добраться сначала туда, а потом уже выйти в луга и на нужную дорогу.

Оглянувшись, она двинулась вниз по склону, но, пройдя пару сотен футов, вдруг замерла. Обернувшись, она увидела, что на том самом месте, где она недавно лежала на камне, теперь стоит мужчина и смотрит прямо на нее.

Уилл не пытался схватиться за винтовку или хотя бы сдвинуться с места. Он просто стоял и смотрел на девушку. Она изрядно выросла с их последней встречи. Сейчас она была одета в джинсы, футболку и грязную толстовку. В руке она держала ботинки. По тому, как она стояла и смотрела на него, не было понятно, узнала она Уилла или нет.

Девушка сорвалась с места и побежала, прежде чем он успел сделать хоть что-нибудь. Спешить за ней не было смысла. Да, она сняла обувь, да, она меняла направление, но все же он знал, куда она идет, и мог бы выследить без

УРБАН УЭЙТ

проблем. Сложность состояла в другом. Боль брала свое, и Уилл понимал, что это не к добру. Некоторое время он уже передвигался, согнувшись и прижимая руку к животу в том месте, куда наносили удары кулаки Лонни. Сложно было понять, в чем причина — может быть, в повреждении внутренних органов или треснувших ребрах, — но всплеск адреналина сходил на нет, уступая место слабости. Дошло до того, что каждый шаг стал даваться ему с трудом.

Уилл с трудом отвел взгляд от того места, где только что стояла девушка, а потом принялся спускаться. Добравшись до кромки леса, он вновь увидел ее спину между деревьями, но сам успел сделать лишь пару шагов, когда нарастающую боль в животе стало невозможно сдерживать. Мужчина остановился, пытаясь высмотреть белянку, но она вновь исчезла. Хотел бы он знать, сколько ему осталось. Уиллу вспомнился Лонни и сказанные им слова.

На этом же месте его скрутило. Уилл упал на колени, и его вывернуло наизнанку, но следом сразу же стало легче. Дыхание восстановилось, и желудок расслабился. Он вновь увидел кровь на земле перед собой и опять задумался, что же грызет его изнутри — язва или то дерьмо, которые выбил из него Лонни полчаса назад. Впрочем, разбираться все равно не было времени, так что он поднялся на ноги и осмотрелся.

Иоанна и четырех его сообщников пока не было рядом, но, если хоть кто-то из них умел читать следы, встреча была вопросом времени. Он оглянулся на холм и путь, который проделал, пока спускался. Он уже не понимал, что должен делать и что все это значит.

Иоанн сказал, что хочет помочь Мэри Мэй, как некогда помог и самому Уиллу.

Охотник вновь нашел взглядом то место, где последний раз видел девушку. Он потерял слишком много времени. Мэри Мэй была напугана и знала, что за ней следят. Тогда он позвал ее. Сначала тихо, но затем уже рупором приложил ладони ко рту и закричал во весь голос. Он хотел бы сказать ей, что защитит. Что сбережет и поможет. Но для этого требовалось ее нагнать.

— Мэри Мэй! — вновь закричал он, дождался, пока эхо стихнет, и позвал еще раз.

Мэри Мэй остановилась и оглянулась, стоило только услышать свое имя. На какую-то секунду ее охватили сомнения. Может быть, ей и правда стоило вернуться. Только вот зов не отменял тот факт, что этот же мужчина стрелял в нее чуть раньше, а теперь неотступно преследовал. Вероятно, это была ловушка, и как охотник использует лосинный рев, так и он просто пытался приманить ее, называя по имени.

Спустя двадцать минут Мэри Мэй увидела дорогу, но не вышла на нее, а повернула назад. Увидь кто со стороны ее следы в грязи, мог бы решить, что она ранена, одурманена или даже безумна.

Покружив между деревьями, она вышла из леса на поросший осокой луг, украшенный тут и там пятнами кизила и рябины. У нее горели стопы, а руки и предплечья были покрыты царапинами, синяками и ссадинами.

Она и представить не могла, куда делся ее преследователь, но больше она его не видела и не слышала. Изучив обстановку, она остановилась и обулась, а пройдя примерно

УРБАН УЭЙТ

миллю до очередного хребта, услышала лязг большого грузовика, едущего со стороны гор на севере. Она попыталась на слух определить, что это за машина, но смогла только предположить: лесовоз. Это не было похоже на правду, ведь церковь выкупила и закрыла лесопилку несколько лет назад.

Даже добравшись до дороги, Мэри Мэй не знала, куда точно должна идти. Солнце клонилось к закату, и становилось прохладнее. Она не могла точно сказать, где находятся «Врата Эдема» — направо или налево от того места, где она сейчас стояла, — но к ним точно вела эта дорога. Закат подступал, и становилось все холоднее, а перспектива провести еще одну ночь под открытым небом навевала уныние. Девушка вышла на дорогу и побежала, наслаждаясь тем, как воздух наполняет легкие и ветерок обдувает кожу.

Когда из-за поворота показались огни, Мэри Мэй резко бросилась с дороги и рухнула на обочину, скрываясь в траве. Но машина тем не менее вдруг остановилась в пятидесяти футах, освещая асфальт тусклыми фарами. Косые лучи заходящего солнца раскрашивали окружающий мир в алые тона.

Девушка услышала, как открылась дверь. Затем раздался звук шагов, и в поле зрения появился темный силуэт мужчины, выделяющийся в свете фар. Почти неосознанно она начала отползать назад, чтобы увеличить дистанцию. Все в ней стремилось к бегству. Она осторожно поднялась и бросилась прочь, потому что не сомневалась: пришелец здесь только за тем, чтобы закончить начатое несколько дней назад.

Но потом она услышала свое имя, и это был не тот голос, который она слышала в горах. И это не был голос

Иоанна или любой из тех, что она слышала в последнее время. Она остановилась и обернулась. Мужчина вновь позвал ее по имени, и она пошла обратно к дороге, почти не веря, что все же нашла его, а вернее — он нашел ее.

— Дрю?

Он стоял на обочине и смотрел на нее сверху. Он похудел с их последней встречи, но раздался в груди и плечах. У него была борода, но лицо и глаза почти не изменились, так что она точно знала: это ее брат, о котором она столько думала в последнее время и которого хотел разыскать их отец.

— Дрю, — вновь повторила она, получая удовольствие уже только от звучания этого имени, ведь другого шанса могло и не представиться.

— Да, это я, — ответил он и протянул руку, а потом рывком вытащил ее на дорогу с обочины и заключил в объятия.

Так они и простояли некоторое время, а потом Мэри Мэй подала голос:

— Ты слышал о па? И ма?

Дрю отпустил ее, но его руки по-прежнему сжимали ее плечи.

— Да. Я слышал о том, что случилось.

— Он пытался вернуть тебя.

По щекам девушки потекли слезы, и она даже не пыталась их сдержать, только отвела взгляд. Брат опять привлек ее к себе. Она чувствовала его дыхание, слышала, как в груди бьется сердце, и разрыдалась так, как не позволяла себе уже очень давно.

Когда первый порыв иссяк и она отстранилась, вытирая глаза тыльными сторонами кистей, он сказал:

УРБАН УЭЙТ

— Давай отвезем тебя домой. Туда, где тепло. Туда, где ты сможешь поесть. Туда, где ты будешь в безопасности.

Мэри Мэй смотрела на брата покрасневшими от слез глазами и не знала, что сказать. Ей с трудом верилось, что он рядом, что он нашел ее, что он заберет ее подальше от всего этого кошмара и жизнь наконец наладится.

— Пойдем, — повторил он.

Он потянул ее к машине, но через несколько шагов Мэри Мэй воспротивилась, и они вновь остановились. Она заметила знак на дверце и вопросительно взглянула на брата:

— Эта машина... Это же их машина. Одна из машин церкви.

Дрю посмотрел на нее как на сумасшедшую. Он повернул голову в сторону машины, а потом вновь взглянул на сестру.

— С тобой все будет в порядке, — сказал он. — С тобой все будет хорошо. Я отвезу тебя домой. Ты поймешь. Я твой брат. Рядом со мной ты будешь в порядке.

Мэри Мэй испытующе посмотрела на него и медленно проговорила:

— Ты отвезешь меня домой? И сам поедешь со мной?

— Да, — ответил он. — А теперь садись в машину и позволь помочь тебе.

Уилл подошел к дороге как раз, когда грузовик мигнул стоп-сигналами и двинулся с места. Он смотрел на задние фары, пока те не скрылись из вида. С возвышенности он видел, как машина остановилась, как Мэри Мэй вылезла на дорогу, и как мужчина протянул ей руку, помогая подняться.

Примерно в это же время Уилл попал в заросли кизила и ясеня, а когда выбрался, то припал на одно колено и поднял винтовку, в прицел рассматривая грузовик, припаркованный на середине дороги. Мужчина обнимал Мэри Мэй, и охотник поймал его в перекрестье, дожидаясь, пока они отстранятся друг от друга. Когда это произошло, он смог увидеть его так же ясно, как ранее девушку у подножия холма. Это был ее брат Дрю. Уилл опустил винтовку. Так и продолжая стоять на одном колене в грязи, он смотрел, как брат и сестра садятся в машину и уезжают.

Только теперь он прошел оставшиеся до дороги пятьдесят футов и поднялся на опустевший асфальт. Солнце село, и в свои права вступала ночь, наполненная лишь кваканьем лягушек. Оглянувшись, Уилл заметил одинокий клен, стоящий в центре прогалины. Хотя до осени было еще далеко, его листья уже начали желтеть и, опадая, покрывали землю вокруг.

Уилл спустился с дороги и направился в поле. Местность была болотистой, и тут и там виднелись пятна густой грязи. Он подошел почти вплотную к дереву и остановился, разглядывая его ветки. Высота и толщина ствола клена подсказали, что дерево стоит здесь уже немало лет и, скорее всего, простоит еще дольше, если сама земля вдруг не изменится.

Пока он стоял на одном месте, несколько листьев отделились от веток и плавно опустились на землю. Дерево еще не оголилось, но до этого оставалось не так много.

Когда за спиной раздался голос Иоанна, Уилл не обернулся. Он продолжал смотреть на дерево, гадая, как долго еще оно простоит здесь.

УРБАН УЭЙТ

— Ты хорошо справился, — сказал Иоанн. — Мэри Мэй теперь с нами. Ты помог спасти ее.

Теперь Уилл повернулся к нему. Иоанн стоял рядом. За его спиной расположились спутники.

Все они расслабленно держали оружие. Усталые, но спокойные.

— А как же Лонни? — спросил Уилл. — Он сказал, что хочет убить ее.

— Да, — согласился Иоанн. — Я наблюдал за ним. Я должен был заметить раньше.

— Раньше?

— Его пьянство. Потерю веры. Он не был истинным верующим, — пояснил Иоанн. — Он откололся от нас. Откололся и поддался грехам своего прошлого.

— Ты поэтому следил за нами? Поэтому пошел за нами в горы?

— Да, — вновь подтвердил Иоанн. — Я не мог доверять ему. И я не знал, могу ли доверять тебе. Лонни утверждал, что ты загадка.

Еще один лист сорвался с ветки, закружился в воздухе, а затем опустился на землю между ними.

— Загадка?

— Он использовал несколько другое слово. Но теперь я вижу, что если кому и не стоило доверять, так это ему. Я должен был понять раньше. Я должен был увидеть, что все, что он говорил, и все, что он делал, в итоге приведет к этому.

— Я не хотел убивать его.

— Ты и не убивал, — уверенно ответил Иоанн. — Ты никогда бы не сделал подобного. Он просто упал. Споткнулся на краю скалы, упал и сломал шею. Это был несчастный

случай, и все мы ясно это видели. На твоих руках нет его крови.

Уилл внимательно посмотрел в глаза Иоанна, а тот положил руки охотнику на плечи:

— Ты все еще один из нас. Ты часть того, что мы есть. Ты оказал нам услугу, и мы благодарны тебе за все, что ты сделал. Тебе не за что стыдиться. Когда-то ты был нашим должником, но это время давно прошло. Теперь мы обязаны тебе. Ты отправишься с нами во «Врата Эдема» и там получишь благословение. Мы дадим тебе место для отдыха и поможем, как ты помог нам. Ты ведь один из нас, так, Уилл?

— Конечно, — ответил Уилл, не представляя, что он может еще сказать.

— Мы даруем тебе спасение. И ты даруешь нам свою душу.

— Да, я знаю, — согласился охотник. — Я всегда это знал.

— Хорошо. Отец будет рад это слышать. Он ждет тебя. Ждет, чтобы вновь осенить тебя своим благословением. Сегодня ты останешься во «Вратах Эдема». Ты будешь моим гостем и гостем Отца. — Иоанн убрал руки и отступил, чтобы пойти прочь, но Уилл остановил его:

— А что с Мэри Мэй?

— Тебе не следует волноваться о ней, — успокоил его Иоанн. — Вероятно, ты скоро ее увидишь. Теперь она с нами. Она с нами и со своим братом. Они оба теперь одни из нас.

Мэри Мэй то и дело смотрела на брата и надеялась, что он скажет хоть что-нибудь, но Дрю хранил молчание.

УРБАН УЭЙТ

Он просто вел машину по спуску с горы. В стекле окна девушка видела только темный лес и собственное мрачное отражение.

— Где ты был? — наконец спросила она.

Дрю на мгновение повернулся, чтобы посмотреть на нее. Сейчас он был уже скорее мужчиной, чем подростком, и Мэри Мэй было интересно, когда и как все успело так измениться.

— Тут и там, — уклончиво ответил он. — Работал. Пожалуй, это можно так назвать.

Мэри Мэй выпрямилась и в упор посмотрела на него:

— Работал?

— Ко мне были добры.

— Разве?

— Именно так. — Он быстро взглянул на нее и опять сосредоточился на дороге. — Ты им не доверяешь?

— Нас так воспитывали. И, как говорят, не без причин.

— Ты про родителей?

— Про кого же еще? — откликнулась Мэри Мэй. — Иоанн и его поделщики запугали наших поставщиков. Они пытались разорить нас.

— Ты все еще продаешь выпивку?

— Разве в баре может быть иначе?

— У их поступков были причины. И весьма веские.

— Ты говоришь, как они. — Девушка резко тряхнула головой.

— И этому тоже есть веская причина, — ответил Дрю.

Они спустились в предгорья и проехали еще около пяти миль, когда Дрю свернул с дороги. Стоило съехать с асфальта, как под колесами зашуршал гравий, и мелкие камешки застучали по днищу.

— Что случилось? — заволновалась Мэри Мэй. — Ты же сказал, что отвезешь нас домой.

Он взглянул на нее, но ничего не ответил. Девушка наклонилась вперед, чтобы по открывающемуся в лобовое стекло виду попытаться понять, куда же они едут.

— Я сказал, что отвезу тебя домой, — наконец все же проговорил Дрю. — Но я говорил не о твоём доме. И не о доме родителей.

Впереди показались цементные блоки вдоль дороги и ворота, которые раскрылись перед ними. Прихожане ждали по другую сторону. Они были вооружены и не сводили с нее глаз, когда машина проезжала мимо.

Мэри Мэй оставалось только наблюдать. Когда фургон въехал внутрь и ворота закрылись, она посмотрела на брата:

— Дрю?

— Не волнуйся.

Девушка выпрямилась и сжала в руке револьвер, держа его вне поля зрения брата.

Теперь она видела здания вокруг, огни и шпиль церкви. Снаружи ночь казалась еще темнее и непрогляднее. Этот мрак нарушали лишь отблески на поверхности озера. Было похоже, что за постройками начинается луг, скудно поросший деревьями, и он тянется от берега до самых предгорий.

Дрю развернул машину и затормозил. Он, заглушил мотор и вынул ключ из замка зажигания. Когда наступила тишина, Мэри Мэй почувствовала себя очень одинокой. Если бы рядом не было брата, она бы окончательно отчаялась.

— Это отцовский? — спросил Дрю, взглядом указав на ее руку с оружием.

УРБАН УЭЙТ

— Да, его.

— Мне было интересно, хранит ли он его до сих пор.

— Интересно?

— Я иногда думал об этом. Я о многом успел подумать с тех пор, как попал сюда.

— Я бы хотела, чтобы па тебя нашел, — вздохнула Мэри Мэй. — Чтобы у вас был шанс поговорить.

— Думаешь, это что-нибудь изменило бы?

— Думаю, что да. Вдвоем вы бы смогли во всем разобраться.

— На самом деле он никогда не давал мне такой возможности, — возразил Дрю. — И ты знаешь это не хуже меня.

Он смотрел прямо вперед, и девушка могла видеть только его профиль.

— Он был упрямым. Но это не значило, что ему было наплевать.

— Понимаю, — согласился он и решительно поменял тему, кивком указав на небольшой дом, перед которым остановился. — Посмотри, они приготовили все специально для тебя. Ты сможешь принять душ и отдохнуть. Я уверен, что ты очень устала и передышка пойдет тебе на пользу.

— Передышка перед чем? Я никогда не собиралась сюда. Я не хочу здесь оставаться. Я хочу, чтобы ты отвез меня домой. Не сюда, а домой. В наш дом.

— Есть люди, которые хотят встретиться с тобой, Мэри Мэй. Пойми, ты гость здесь. С тобой просто хотят поговорить.

— Они могут прийти в бар, если им так этого хочется, — ответила она. — Мы открыты каждый день с полудня до двух ночи.

— Ты прекрасно понимаешь, о чем речь. Я не хочу, чтобы тебя сочли грубой.

Мэри Мэй с негодованием посмотрела на брата:

— Ты знаешь, что они стреляли в меня? И дня еще не прошло, как они пытались меня убить!

— Наверняка это было недоразумение. Здесь живут хорошие люди. Скоро сама увидишь.

Девушка не отводила взгляда.

— Послушай, — примирительно сказал Дрю. — Просто не стреляй в никого. Они хотят лишь поговорить. Тебе никто не причинит вреда. А когда все закончится, ты вернешься обратно в свой бар.

— А ты?

— А что я?

— Ты должен вернуться в город со мной, Дрю. Именно этого хотели па и ма.

— Они так говорили, но мы оба знаем, что в этих словах было не так много правды.

Уилл ехал в кузове пикапа еще с четырьмя мужчинами. Все они были на тридцать-сорок лет моложе его, с татуировками и пирсингом в таких местах, о которых старый охотник и не подумал бы. Они хранили молчание, но Уилл то и дело замечал их взгляды, которые скользили по нему и его винтовке, а затем опять обращались к темному лесу, сквозь который они проезжали. Ночь наступала со скоростью сорок миль в час. Тишину так никто и не нарушил. Когда они съехали с асфальтированной дороги на гравий и двинулись в направлении «Врат Эдема», ветер значительно усилился. Иоанн небрежно держал дробовик. На въезде к нему подошел один из

УРБАН УЭЙТ

охранников. Они перекинулись несколькими фразами, и мужчина указал в сторону жилых построек.

За три недели, которые Уилл здесь не был, кое-что изменилось. По периметру появилось ограждение из металлической сетки. К тому же он заметил новый дом среди типовых построек, в которых жили местные обитатели. Часть домов до сих пор не были окрашены или вовсе оставались недостроенными. Тут и там были разведены костры. Вокруг них стояли мужчины и женщины. Одних Уилл знал, других — видел впервые.

Они проехали мимо домов и хозяйственных построек, и охотник заметил машину, которая вроде бы принадлежала Дрю. Она была припаркована перед маленьким домиком, обшитым белыми досками. Внутри горел огонек, но занавески мешали увидеть хоть что-то из происходящего внутри.

— Она там? — спросил он у сидящего рядом мужчины.

Тот ответил коротким кивком. Пикап проехал мимо и остановился около церкви.

Иоанн вылез из пикапа, обошел его вдоль борта и легонько похлопал Уилла по спине, приглашая следовать за собой. Они двигались в глубь территории, пока не добрались до старого тракторного амбара, который служил в коммуне трапезной. Иоанн зашел внутрь облицованной алюминием деревянной постройки.

— Как видишь, у нас перемены, — проговорил он.

В темноте звук шагов гулко отдавался под сводами пустого помещения. Под потолком шли балки, на которых были протянуты провода с лампочками в дымчато-зеленых абажурах. Такое освещение придавало иллюзорность всему окружению. У дальней стены громоздились трубы

и провода, обеспечивающие водой и электричеством дома и церковь.

Уилл следовал за Иоанном на некотором расстоянии. Когда они дошли до деревянных скамеек, Иоанн предложил сесть.

Как и в других помещениях, здесь царил полумрак. Уилл снял рюкзак и положил винтовку на стол. Иоанн прошел в глубь помещения и исчез за дверью, сделанной в стене амбара. Охотник принялся смотреть на нее, ожидая, что же будет дальше. В одиночестве он оставался недолго. Дверь открылась, и в нее вошла женщина. Она принесла поднос с едой и кружкой воды. Уилл узнал ее практически сразу же и поднялся навстречу, приветственно снимая шляпу. Женщина окинула его взглядом, а затем поставила поднос на стол прямо между ними:

— Тот самый олень, которого ты добыл на прошлой неделе. Я подумала, что тебе будет приятно.

Охотник поблагодарил ее и сел лишь после того, как она тоже опустилась на скамью.

— Ты уже ужинала?

Женщина кивнула:

— Тут все как часы. Мне удалось урвать чуть ли не последнюю порцию. Припасы теперь не задерживаются надолго: здесь много новичков, большинство из них молоды и голодны.

Уилл подцепил вилкой кусок мяса. Оно было приготовлено на медленном огне и щедро смазано салом. Когда он поднял голову, то увидел, что женщина все так же смотрит на него, и спросил:

— Как твои дела, Холли?

— Лучше, чем если бы я была в другом месте.

УРБАН УЭЙТ

Охотник согласно хмыкнул и подцепил еще кусок мяса. На краю миски лежал ломоть кукурузного хлеба с маслом. Он съел и его.

— Люблю смотреть, как мужчина ест, — улыбнулась Холли.

— Что ж, а я люблю смотреть на женщину, — не остался в долгу Уилл.

Улыбка хозяйки стала шире:

— Ты все еще не растерял своего обаяния. Но в твоем возрасте едва ли ты что-то можешь мне предложить.

Охотник тоже улыбнулся и наполовину опустошил кружку. Холли была младше его почти на тридцать лет, и некоторое время жила по соседству. Муж часто поднимал на нее руку, и Уилл почти еженедельно навещал ее, чтобы удостовериться, что у нее все в порядке. После смерти жены и дочери он не видел Холли почти пять лет, пока однажды она не пришла к воротам церкви и не рассказала, что ее муж исчез. Уилл практически не сомневался, что она сама приложила к этому руку.

— Иоанн сказал, что, возможно, теперь, после гибели Лонни, мы будем видеть тебя чаще, — проговорила Холли.

Уилл закашлялся, едва не подавившись мясом:

— Новости быстро расходятся.

— Иоанн сказал только мне. С Лонни произошел несчастный случай. Не скажу, что буду о нем горевать. С самого начала он был той еще задницей. Каждого пытался достать.

— Вот, значит, как?

— Именно, — кивнула женщина. — Так значит, ты будешь чаще здесь появляться? Должна сказать, тут творятся странные дела.

— Странные?

— Да. — Холли заговорила вполголоса и наклонилась вперед, заглядывая Уиллу в глаза. — Иногда я сплю с Иоанном и он говорит разные вещи, которые не предназначены для моих ушей. Я и половины, черт побери, не понимаю, но то, что понимаю, — полная хрень. Отец и его писание, вся эта чушь о пророке и адском пламени. Грешники и святые. Спасение и вечные муки.

— В этом нет ничего нового, — возразил Уилл. Он как раз закончил с едой и отодвинул поднос от себя. — Проще всего такое пропускать мимо ушей.

— Старый невозмутимый ковбой, — вздохнула Холли. — Мне всегда это в тебе нравилось. Только не превращайся в старого дурака. Их и так в достатке.

Охотник внимательно посмотрел на собеседницу, но она молчала.

Через некоторое время он попросил:

— Так расскажи, что мне стоит знать.

Холли оглянулась на дверь, через которую вошла в помещение, а затем села чуть ровнее.

— С чего бы начать, — протянула она. — Оружие, пушки, молодняк моего возраста, а то и младше, сидят на дури под названием «Блажь». Они вдыхают ее носом. Думаю, помогает им творить всякое.

— Всякое?

— Большинство из них собственную мать убьют за очередную дозу. Но то, что они делают с окрестными фермерами, с людьми, которых мы знали... Это позор. Ни в одном писании о таком не говорилось. Они ищут наши слабости, а потом начинают на них давить. И продолжают, продолжают, пока мы не ломаемся.

УРБАН УЭЙТ

Он смотрел на нее, ожидая продолжения, но в итоге сам задал вопрос:

— Ты все еще веруешь?

Холли рассмеялась:

— И это ты у меня спрашиваешь? Человек, предпочитающий три недели в месяц проводить один в лесу, гоняясь за кроликами и оленями?

— Мы все выполняем свое предназначение.

— Да, выполняем, — улыбнулась женщина. — Да, все мы. Я верую в Отца. Я верую в то, что он видит. В его слова и в то, что грядет. Но иногда...

Он резко замолчала. За кухонной дверью послышались шаги. Холли поднялась и проворно собрала и подняла поднос. Когда она повернулась, Уилл увидел вошедшего Иоанна.

— Хочешь еще что-нибудь, Уилл?

— Я совершенно сыт. — Охотник показательно поднял руки.

— Хорошо, — кивнул Иоанн. — Нам понадобится твоя сила. Отец хочет пообщаться с тобой наедине в церкви. Он хочет возложить на тебя руки и лично поблагодарить за все, что ты сделал.

Мэри Мэй приняла душ, а потом переоделась в одежду, принесенную братом. И вот, приведя себя в порядок, она вернулась в небольшую гостиную, где ждал Дрю.

Мужчина поднялся, увидев ее.

— Я рада, что ты нашел меня

— И я рад, что смог найти тебя.

Мэри Мэй осмотрелась. В доме было мало места, так что гостиной и кухней служила одна комната.

— Ты готова? — спросил брат.

— Я не хочу, — заупрямилась девушка, — нам надо выбираться отсюда. Поедем домой.

— Ты в гостях, Мэри Мэй. Родители учили нас вежливости. — Он сделал паузу, как будто ожидая, что она начнет возражать, но затем продолжил. — Не будь грубой.

«Благодать зачастую снисходит на тех, кто готов на жертвы. И были страдания. И был выбор. И решение было принято. Осознанное решение. И был шаг в пропасть. И тьма сомкнулась вокруг. И лишь вера помогла найти спасение. И прошли они сквозь бездну невозбранно».

Уилл открыл глаза, как только ладони Отца исчезли с его плеч. В церковь его привел Иоанн, и он же велел преклонить колени. Уилл так и стоял в одиночестве, осматриваясь по сторонам. На каждом окне был изображен символ церкви, а над алтарем висел огромный американский флаг с крестом и лучами «Врат Эдема» среди звезд.

Вскоре пришел сам Отец. Шаги по деревянному полу гулко разносились под сводами и заранее возвещали о его прибытии. И вот он остановился перед Уиллом. Он был одет в джинсы и рубашку, застегнутую на все пуговицы. Как и все остальные, носил бороду. Они были весьма похожи с Иоанном, разве что Отец был немного выше и шире в плечах. Его волосы были зачесаны назад, а внимательные глаза смотрели прямо на Уилла.

— Жизнь устроила тебе испытание, Уилл. Ты должен уверовать. Ты должен уверовать, что пришел сюда не просто так. Ты избран для высшей цели. Грядут темные времена. Грядут мрачные времена, и нам предначертано быть светом среди тьмы.

УРБАН УЭЙТ

— Да, — откликнулся Уилл.

— Когда у тебя отняли жену и ребенка, то было про-
веркой. Сегодня ты прошел еще одну. — Отец опустил-
ся на колени перед Уиллом, и его лицо оказалось так близко,
что охотник чувствовал тепло его кожи и дыхания. —
Время подходит... Конец времен, когда сам воздух будет
пылать. Я призову своих людей. Призову их, дабы встали
подле меня. И я спрошу их, готовы ли они. Как и первопро-
ходцы, некогда пришедшие в этот край, мы отправимся
в путь. И вот я спрашиваю тебя, готов ли ты к нему?

— Да, — ответил Уилл.

Отец поднялся и взглянул на охотника сверху вниз.

— Ты помог нам, но твое служение не окончено. Нам
нужен глаз, смотрящий в прицел. Нам нужна ладонь, сжи-
мающая нож. Нам нужен палец, нажимающий на спуско-
вой крючок. Понимаешь меня, Уилл? Ты понимаешь, о чем
я прошу тебя?

Уилл заколебался, глядя на Отца.

— Сколько раз в человеческой истории мы не дове-
ряли нашей вере. И сколько раз наша вера подвергалась
испытаниям. И это же ждет всех тех, кто отправится по
пути спасения. И этот путь обусловлен необходимостью.
Если ты не с нами, то ты против нас. И будешь уничтожен.
И вот, Уилл, время подходит. И я вновь спрашиваю тебя,
как и в давние времена, когда ты только пришел к нам.
Готов ли ты сделать все необходимое ради спасения?

Отец замолчал и отошел на несколько шагов, но затем
обернулся.

Он ждал ответа, но Уилл не смотрел на него.

— Когда твоя жена и дочь покинули земную юдоль,
мы боялись и за твою жизнь, — наконец продолжил

Отец. — Мы боялись, что слабость возьмет над тобой верх. Но ты выдержал. Ты стал охотником, а не жертвой. Ты отвернулся от греха. Отвернулся от пороков и того зла, что отравило твою жизнь. Мы протянули тебе руку, и вместе мы справились с грехом. Мы вырвали его из твоей груди. Ты простился с ним, как и все остальные здесь.

Уилл кивнул. И задумался. Татуировка. Бритва. Отречение от греха. Теперь он вновь посмотрел на Отца:

— Я все помню.

Когда Мэри Мэй вошла, он как раз понимался со своего места около алтаря, она же остановилась у задних пустых скамей. Сомнения медленно зрели в ее душе и распространялись, как яд по венам. Он наблюдала как человек поднимается, как Отец принимает его, будто часть семьи.

Она узнала его в тот же миг. Узнала того человека, что смотрел на нее с холма в лесу. Охотника. Человека, который стрелял в нее. Человека, который ее почти поймал. Чувства, что до этого лишь смущали ее мысли, в одночасье окончательно завладели ее существом. Ей не стоило приходить сюда. Ей не стоило расслабляться. И, возможно, ей не стоило верить собственному брату.

Когда мужчина направился к выходу, Мэри Мэй стояла рядом с братом. Она не упустила возможность рассмотреть мужчину. Его лицо заросло бородой, кожа потемнела и огрубела за годы, проведенные под солнцем, морщины в уголках глаз были похожи на птичьи следы в засохшей глине, а волосы топорщились седыми клочьями. Она не сводила с него глаз, и мужчина, заметив это, приостановился на секунду и проговорил:

УРБАН УЭЙТ

— Раз тебя видеть, Мэри Мэй.

То же самое он сказал и Дрю, а затем водрузил на голову шляпу, которую до этого держал в руке.

Он вышел через парадную дверь, и девушка инстинктивно подалась следом, однако Дрю ее остановил, сжав пальцами локоть.

— Уилл Бойд, — шепотом сообщил он сестре.

Дальнейшие вопросы были излишни. Она вспомнила этого мужчину. Вместе с семьей она была на похоронах его жены и дочери. Кажется, причиной смерти стала автокатастрофа. Уилл стоял там в одиночестве, а мимо проходили люди. Ее собственные родители пришли туда, чтобы поддержать его. Мэри Мэй запомнился запах выпивки, чего-то сладкого, соли и пота, что заставило задуматься о том, что происходит с телом человека после смерти.

Она считала его тоже мертвым. Теперь же поняла, что ошибалась.

Мэри Мэй вновь взглянула в глубину церкви. Там ждал Отец. Он в приглашающем жесте поднял руки и провозгласил:

— Подойдите, дети мои. Подойдите.

Дрю двинулся вперед и лишь в приделе остановился, чтобы дождаться сестру. Мэри Мэй потребовалось усилие, чтобы побороть сомнения и двинуться следом, а затем подойти к Отцу. И его она помнила. Он не слишком изменился, разве что стал старше. Мэри Мэй помнила, как он приехал в Джорджию несколько лет назад. Он ходил с ними в церковь и общался с прихожанами как друг. Он принял слово Божье, когда было предложено, и сидел в тишине и молчании, внимая словам пастора. Лишь через несколько месяцев между ними произошел

раскол. Отец, точнее, тогда просто Иосиф, выбрал собственный путь, обещая всем, кто последует за ним, спасение.

Теперь же этот человек вышел ей навстречу.

— Подойди, — повторил он и приглашающе распростер руки, в то время как глаза его сохраняли непроницаемое выражение.

Мэри Мэй послушалась, и вот его ладони легли на плечи девушке. Он привлек ее ближе, так что она услышала запах его пота, почувствовала силу его рук, и вот в итоге он обнял ее, так будто последние дни они пережили вместе и в итоге обрели спасение.

— Я приветствую тебя, — проговорил он. — Я приветствую тебя среди нас, пусть даже я пока только разбираюсь с тем, что произошло с твоими родителями.

Она кивнула, не поднимая взгляда от пола.

— Дрю много о них рассказывал. Он рассказывал мне и всем нам, и в его историях и памяти они обрели вечную жизнь.

Мэри Мэй вновь кивнула. Она не знала, что думать. Его слова и манера речи слишком сильно отличались от того, что она слышала от его младшего брата Иоанна.

— Преклони колени, — продолжил он. — Преклони, и я осеню тебя благословением. Вместе мы подготовимся к тому, чтобы смыть грех с твоей души, содрать с каждой косточки, вытянуть из каждой жилки. Ты увидишь, что скоро все станет так, как должно. Все станет хорошо, и ты узришь, что сие есть место бдения, где я буду присматривать за тобой, как за одним из благословенных детей «Врат Эдема».

После этих слов он отпустил ее и отступил.

Мэри Мэй показалось, что прошло целое столетие. Она оглянулась на брата, который стоял не так далеко. Отец сделал ему знак подойти ближе. Он велел им обоим преклонить колена. Дрю подчинился сразу же, и хоть нервы девушки были на пределе, в итоге она поступила так же.

— Добро станет спасением твоего тела. Добро отвратит тебя от греха. — Отец вновь обратился к ней. Он положил на ее виски ладони, и они оказались неожиданно теплыми. — Ты грешница, — продолжил он. — Ты грешница, и в твоих глазах вижу я гнев и зависть. Я вижу вину и стыд. Я вижу каждый смертный грех, и я предлагаю тебе спасение. Я помогу твоей душе обрести покой. — Он тоже рухнул на колени и без предупреждения прижался своим лбом ко лбу девушки. — Я прошу тебя услышать меня. Услышь меня. Услышь зов «Врат Эдема». Я зываю к тебе. Ты не одна, Мэри Мэй. Ты грешна, но не одинока. И ты не забыта.

Он принялся молиться. Его голос стал тише и глуше, он будто вызывал резонанс. Но со временем слова становились громче, и вот он выпрямился и поднял руки, заставляя и ее выпрямиться тоже. Он призывал ее к прощению. Говорил про алкоголь. Говорил про грехи. Говорил о том, что она не ведала, что творила, и что она, как и многие в округе, а то и во всем мире, должны лишь испросить прощения. Говорил о душах, что вопиют во тьме, в то время как голоса молчат. Говорил о том, что она, как и многие другие, пришла к нему и к церкви, что есть первый признак великой нужды.

— Благодарю тебя, Мэри Мэй, — говорил он. — Я благодарю за то, что пришла. И твой брат благодарит тебя. Так мы можем предложить тебе спасение.

Она посмотрела на него снизу вверх. Отец ждал ответа. Выражение его глаз не изменилось, и он будто вовсе не мигал.

Его лоб блестел от пота. И она до сих пор ощущала прикосновение его рук.

— Ты примешь нас, Мэри Мэй? Ты отринешь свои грехи, как это уже сделал твой брат? Услышишь ли глас своей души и освободишь ее от наказания оковами плоти? — Он внезапно толкнул ее, и Мэри Мэй почти упала, но Отец и тут оказался быстрее, подхватив девушку. — Ты отринешь свой грех? Скажи, Мэри Мэй. Скажи, и ты будешь прощена. Испросишь ли ты очищения своего тела и своей души? — Он вновь толкнул ее, но в этот раз она лишь покачнулась.

Вдруг он отошел и обернулся теперь к флагу, висящему на стене. До этого она не обращала на него должного внимания. Это был американский флаг, но измененный — на синем поле среди звезд был изображен символ «Врат Эдема». Он и сам был похож на звезду: крест со множеством лучей.

Отец вновь заговорил, но в этот раз намного мягче и медленнее, как будто бы он повторял слова какого-то духа или человека, давно умершего, но вернувшегося в мир живых.

— Пламя станет концом всему, — говорил Отец. — Пламя и гибель ждут всех, кто не будет очищен от греха. Пламя и длань злобая.

Он обернулся и вновь выжидающе посмотрел на нее. Между ними установилась практически осязаемая тишина, а потом он, будто пробудившись после сна, вновь спросил:

УРБАН УЭЙТ

— Сможешь ли ты отринуть грех? Сможешь ли ты испросить прощения у иискупителя? Сможешь ли очиститься? Получить прощение и возродиться?

Сможешь ли...

Сможешь ли...

Сможешь ли...

Мэри Мэй смотрела на Отца, в его немигающие глаза. И понимала, что ответ может быть лишь один.

Конечно, когда двенадцать лет назад это случилось, Уилл был пьян. Он был пьян почти всю свою взрослую жизнь, и потеря не улучшила ситуацию. Он хотел больше не думать о них, пытался представить их своими предками из другой жизни, теми, кого мы не знаем, но кто влияет на нас непредсказуемым, но важным образом.

Слова Отца заставили его вспомнить, и теперь он лежал в постели и пытался призвать духов тех, кого когда-то любил. Именно они были причиной того, что он держался вдали от церкви и города даже после того, как отринул свой грех.

Он сел на кровати и спустил ноги на пол, фокусируя взгляд на тонкой полоске света под дверью. Ему выделили комнату в одном из домов. Здесь стояли две отдельные кровати, через раскрытое окно проникал запах озера. В ночной темноте воздух во «Вратах Эдема» всегда двигался, будто гонимый невидимым течением.

К тому моменту, как Уилл натянул штаны и зашнуровал ботинки, он уже слишком многое успел вспомнить о жене и дочери. Он чувствовал, как в темноте глаза наполняются слезами, которые затем скатываются по щекам, оставляя за собой обжигающие следы.

Он сам обрек себя на это. Двенадцать лет прошло с тех пор, как он потерял жену и дочь. И он абсолютно точно знал, какую роль сыграл во всем этом и какую боль причинил себе и любимым. Он купил выпивку. Он выпустил ту пулю, столь же неотвратимую, как и все остальные. Но теперь Уилл понимал, ради чего это было, и ощущал это, будто открытую рану.

Он толкнул дверь и вышел в пустой холл. Он не знал, сколько сейчас времени, да и не задумывался об этом. Ему нужен был воздух. Нужны были звезды и луна, нужна была трава на лугу. Он слишком привык к этому за то время, что охотился для церкви.

Сколько бы он ни мечтал вернуться назад во времени и все исправить, он прекрасно понимал, что это невозможно. Он сам купил выпивку тому парню, что погубил его семью, и отправил его на дорогу в тот самый момент. И именно в ту ночь чаша терпения его жены Сары переполнилась.

Не доверяя мужу, она посадила их десятилетнюю дочь Кали на пассажирское сиденье и отправилась забирать его, Уилла, из бара.

Уилл истязал себя мыслями о том, какую роль сыграл в той трагедии. Даже сейчас он во всех мелочах помнил то, что почувствовал, когда его накрыло осознанием своей вины. Это чувство зарождалось в груди и поднималось к горлу, и он проглотил его вновь, как и множество раз до этого. Он пошатнулся, словно опять был пьян, и сделал несколько нетвердых шагов, пытаясь преодолеть печаль и чувство вины, и остановился, лишь когда вышел на свежий ночной воздух в надежде собрать осколки своей жизни воедино.

УРБАН УЭЙТ

Он направился прочь от поселения и прошел мимо нескольких охранников, которые удостоили его лишь легких кивков. Так он добрался до берега, где были видны звезды, а за озером начинались холмы и дальше темного громадой виднелись горы. После этого он развернулся и побрел назад.

Небольшой костерок горел недалеко от берега. Уилл подошел ближе и остановился за пределами освещенного круга, глядя на женщину, которая зажгла огонь. Когда он все-таки сделал шаг вперед, Холли одарила его взглядом, а затем вновь принялась смотреть на пламя.

— Не спится? — спросила она.

— Можно и так сказать.

— В словах Отца есть правда. Среди ночной темноты намного проще задаваться вопросами. — Она кивнула на сложенные рядом поленья. — Тебе стоит сесть. Поскольку Лонни больше нет, мне придется вернуть тебя поутру.

Он поблагодарил ее и тоже принялся смотреть на огонь, а затем спросил:

— Откуда Отец знает то, что знает?

Холли засмеялась:

— Хочешь знать, не ясновидящий ли он? Или медиум? Или пророк Божий?

— Хочу знать, откуда он знает. — Уилл посмотрел на нее. — Почему он знает абсолютно точно?

— Никто не может знать абсолютно точно, — отмахнулась Холли. — Бог подарил Адаму и Еве рай, но даже он не смог предостеречь их от поступков, продиктованных собственной свободной волей.

— Ты говоришь, как он, — заметил Уилл.

— Как кто?

— Отец. Иоанн. Каждый из нас. Мужчина или женщина.

— Адам и Ева?

— Может, и так. Значит, это рай?

— Это то, что ты захочешь, — ответила женщина и вновь засмеялась. Уиллу начало казаться, что она шутит, но он понятия не имел, в чем именно. — Будь осторожен, Уилл. Они, может, и не видят, что с тобой происходит, но я-то вижу.

— Так что тебя сюда привело? — Охотник задал вопрос с легкой улыбкой, пытаясь пресечь те мысли, что могли зародиться в ее голове.

— Я жду Иоанна.

— У вас с ним все настолько серьезно?

— Достаточно серьезно, чтобы я стала его ждать.

Уилл посмотрел на нее, а затем в темноту. Он задумался о женщине, что сидела напротив, и о том, какой он знал ее прежде. Он привык думать, что они одинаковы, но теперь уже не был в этом уверен.

— Тебе бывает здесь одиноко? — спросил он.

— От одиночества помогает компания, — ответила Холли. — Да и мысли так проще держать в узде.

Уилл вновь взглянул на женщину, а та шевельнула палочкой одно из бревен, и вверх взвился сноп искр. Они оба смотрели, как крошечные огоньки парят в потоке теплого воздуха, и охотник думал, говорила Холли о себе или о нем.

Мэри Мэй проснулась в темноте. Брат не отвез ее обратно в город, как обещал. Вместо этого ее отвели в маленькую комнату в маленьком доме. Она стояла там

УРБАН УЭЙТ

и смотрела на человека, который когда-то, но точно не теперь, был ее братом. Она не знала его, хотя полагала обратное. Так или иначе, теперь они были чужими друг другу.

— Ты же отвезешь меня в город?

— Да.

— И поедешь со мной.

— Да.

— Не бросай меня. Остайся здесь. Остайся со мной в этом доме до утра. Ты можешь лечь на кушетке, а утром мы поедem в город.

— Да.

Она продолжала смотреть на него. Сейчас он вновь напоминал того младшего брата, который у нее некогда был. Вспомнилось, как матушка временами ворчала на него, а у него на все был один ответ. Да. Да. Всегда только да.

Проснувшись в темноте, она знала, что не одна.

— Дрю?

С другого конца комнаты раздавалось шуршание: потрескивала ткань и деревянный каркас под весом человеческого тела.

— Дрю? — вновь позвала она.

— Да, — раздался ответ. — Да, я здесь.

Он повернулась и приподнялась на локте, пытаясь рассмотреть его в темноте, но смогла увидеть лишь очертания.

— Что-то случилось?

— Нет, — ответил он.

Мэри Мэй слышала, как он двигался, как поднялся с большого деревянного кресла.

— Что-то случилось? — вновь повторила она, вглядываясь в темную тень.

— Ты должна пройти омовение, — проговорил он.

— Омование?

— Да. Ты должна пройти омовение водой. Ты должна очиститься. Ты сказала, что сделаешь это.

— Дрю, ты пугаешь меня.

— Нет причин для страха, — ответил брат и направился к кровати.

Инстинктивно девушка отшатнулась и выставила перед собой руки в защитном жесте.

— Не бойся, — повторил Дрю. — Тебе необходимо омовение. Ты должна очиститься и подготовиться к встрече со своим грехом.

Он подошел еще ближе. Девушка затравленно оглянулась. Он пыталась найти хоть что-то, что могло помочь остановить брата, но рядом ничего не было, так что ей оставалось лишь попытаться еще отодвинуться, но, прежде чем ей это удалось, мужчина схватил ее за щиколотку и резко дернул на себя, стаскивая с кровати.

Мэри Мэй взмахнула руками, пытаясь предотвратить падение, но зацепиться ей тоже было не за что, так что она рухнула на пол, приложившись о половицы локтем и головой. Резкая внезапная боль прошла все тело. Удар был столь неожиданным, что она некоторое время не могла сообразить, что происходит, разве что чувствовала, что ее тащат куда-то по ковру, но затем попыталась вывернуться или схватиться за что-то, но безуспешно.

Дрю пинком распахнул дверь, и в комнату хлынул свет. Мэри Мэй поняла, что он собирается перетащить ее через порог. Она звала его по имени, но тщетно. Тогда она зацепилась сначала за ножку кресла, а затем за дверной косяк. На мгновение это помогло, но затем мужчина пнул ее и за

УРБАН УЭЙТ

ногу развернул лицом вверх, лишая возможности сделать хоть что-нибудь.

— Дрю! — закричала она. — Дрю!

Но он будто бы не слышал ее и продолжал идти. Так они скоро пересекли гостиную. Он открыл дверь, выволок сестру на улицу и лишь затем отпустил.

Мэри Мэй осталась лежать в грязи подъездной дорожки. Песок набился ей в волосы и налип на лицо. Во рту стоял привкус крови: должно быть, прикусила губу. Девушка закашлялась и попыталась оглядеться.

Неподалеку она увидела Иоанна. Он сидел на откидном борте пикапа и ждал, пока она сфокусируется на нем. Вокруг было еще множество людей. Мужчины и женщины, которых она сегодня уже видела. Прихожане.

— Привет, — как ни в чем не бывало сказал Иоанн.

Она повернулась и попыталась сесть.

— Что происходит?

— Это конец, — с готовностью пояснил Иоанн. — Именно этого я всегда хотел для тебя. Ты была одна. Ты жила вдали от слова Отца. Но теперь ты больше не будешь одинока.

Она попыталась выпрямиться. И пыталась сопротивляться, когда ее окружили. Она делала все, чтобы вырваться из их рук. Но их было слишком много. Скоро ее подняли в воздух и швырнули в кузов пикапа.

Она кричала и звала брата. Она повторяла его имя снова и снова, но ответа не последовало.

III

Каждый из нас должен помнить, сколь одинок он был, предаваясь греху и живя без веры, что удерживает дьявола вдали от нас.

— Отец, «Врата Эдема»
Округ Хоуп, Монтана

Когда Уилл проснулся, Холли сидела на соседней кровати.

— Ты готов? — спросила она.

— Угу, — откликнулся мужчина. — Который час?

— Утро, — ответила она, впрочем, у нее не было ни часов, ни телефона, да и едва ли они были нужны.

Охотник откинул одеяло и сел, спустив на пол босые ноги.

— Господи, Уилл, сколько лет этому нижнему белью?

Он опустил взгляд на свои трусы. Некогда они были черными, но за годы стирок в ручье и сушки на солнце выцвели и стали скорее тускло-коричневыми. Мужчина усмехнулся и посмотрел на Холли:

— Мы с ними давно вместе.

— Трусы — зеркало души, — безапелляционно заявила женщина.

Она велела ему принять душ и найти ее в трапезной. Уилл не стал перечить. Он вымылся и оделся в свою старую

УРБАН УЭЙТ

одежду. Она все так же пахла горами, хвоей, грязью, камнями и его собственным потом. Охотник взял винтовку и рюкзак, а затем направился к обозначенному месту встречи.

Холли действительно ждала его там. Она водрузила на стол корзину с одеждой:

— Посмотри. Я попыталась выбрать то, что, на мой взгляд, должно подойти.

Уилл заглянул внутрь, приподнял то, что лежало сверху, и отложил в сторону:

— Откуда все это?

— Пожертвования, — последовало пояснение. — Ты же знаешь, как делается, Уилл. Люди приходят к нам и отдают все, что у них есть. А мы даем им все, что необходимо. У нас тут коммуна, хоть мы и не имеем отношения ко всяким хиппи и прочему такому дерьму.

Уилл перебрал одежду и выбрал то, что должно было подойти. Скатав вещи в кулек, он убрал его в рюкзак:

— Это ведь не все?

— Само собой.

Она провела его в смежную длинную комнату, которая занимала почти половину дома. Когда загорелся свет, Уилл увидел тянущиеся вдоль стен стеллажи со стопками вещей. В стороне была груда обуви высотой в его рост. Рядом лежали перчатки и шляпы. Можно было заметить пальто, штаны, рубашки, нижнее белье. Он прошелся едва ли до середины и остановился. Порядка здесь было мало — детские вещи лежали вперемешку со взрослыми. Уилл поднял пару розовых детских башмачков, связанных белыми шнурками. Они все были покрыты грязью.

Он оглянулся на Холли, которая так и стояла у входа:

— Это Кершо? Лонни сказал, что их куда-то увезли. В семье были дочь и сын, но я не заметил здесь детей. Да и самих Кершо тоже. — Он еще раз оглядел стопки тряпья, замечая все больше знакомых вещей: форму местной команды, символику работников лесопилки. — Что здесь произошло? Где все?

— Я понимаю, что ты можешь подумать, Уилл. Не надо волноваться. Они с нами. Но не здесь.

Охотник взвесил в ладони башмачки. Они вновь напомнили ему о давно утерянной жизни.

— Я не понимаю, — признался он.

— Появилось еще одно поселение, — терпеливо объяснила Холли. — На востоке одна женщина управляет нашими фермами. Она выращивает еду и обеспечивает нас продуктами. Яйцами. Мясом. Вряд ли ты думал, что промыслом занимаешься только ты. Церковь повсюду, и многих надо кормить.

— Дети там?

— Да. Все в безопасности. Все при деле. Однажды ты сам все увидишь.

Уилл наконец бросил ботиночки на прежнее место и вновь огляделся:

— Здесь много всего.

— Иаков, старший из братьев, увел мужчин и женщин тренироваться в горы.

— На север?

— Да, — кивнула Холли. — Недалеко. Очень многое изменилось. И, как я вижу, Лонни не удосужился сообщить тебе об этом. Мы растем, Уилл. Мы с тобой были одними из первых, но теперь многие приходят в поисках защиты.

УРБАН УЭЙТ

— Защиты?

— Да, защиты от собственной жизни. Как и ты пришел когда-то. Пришел и отринул алкоголь, отринул свой грех. Некоторые приходят в поисках денег. Другие — потому что потеряли веру. Но так или иначе они все нуждаются в нашей помощи. Души сами себя не спасут.

Уилл внимательно посмотрел на женщину, затем на стеллажи с одеждой и вновь на нее.

— Вроде бы я готов. — Он сделал несколько шагов к выходу, но остановился. По лицу Холли было видно: она понимала, что посеяла в нем зерно сомнения.

— Мы готовимся, — проговорила она.

— Я знаю. И понимаю. Теперь и вижу. — Уилл закинул за спину рюкзак и устроил на плече винтовку.

Холли пошла вперед, и вскоре они вышли во двор, освещенный утренним солнцем. Около дома стоял пикап, на котором женщина ездила накануне. Подойдя к кузову, она оглянулась:

— Вещи можешь кинуть сюда.

Уилл так и поступил, а потом подошел к пассажирской двери. Вокруг не было ни души, и только далеко за всеми домами и постройками можно было заметить еще одного местного жителя, да около ворот стояли охранники, время от времени поглядывая в их сторону и поправляя оружие.

Когда охотник забрался в машину, Холли уже сидела за рулем и тут же завела мотор.

— Я была рада увидеться с тобой, Уилл.

Мужчина искоса глянул на нее. Он не стал оставлять винтовку в кузове и теперь устроил ее между ног.

— И я был рад с тобой повидаться, Холли.

Женщина нажала на газ, и пикап двинулся по дорожке.

— Ты не чужой здесь, Уилл. Но станешь таковым, если будешь появляться раз в месяц. Я буду навещать тебя. Иоанн просил об этом. Он поручил мне поддерживать с тобой связь после того, что случилось с Лонни. Я буду приезжать.

— Это мне по нраву, — откликнулся Уилл.

Теперь он смотрел на домики, мимо которых они проезжали. Многие из них были окрашены в белый цвет, как и сама церковь. Остальные — деревянными — служили лишь защитой от непогоды. Машина двигалась дальше, и взгляд охотника зацепился за то, что сложно было не заметить. Поперек одного из фасадов размашистые аляповатые буквы складывались в слово: «ГРЕШНИК».

Уилл невольно оглянулся, а затем и вовсе развернулся на сиденье, чтобы рассмотреть странный дом. Он не мог припомнить, чтобы эта надпись была накануне. И даже снова повернувшись лицом к ветровому стеклу, он все еще мог видеть слово в зеркало заднего вида. Он уже открыл рот, чтобы спросить, но Холли заговорила первая:

— Прошло несколько недель с тех пор, как ты был здесь последний раз. Тебе стоит приезжать хотя бы раз в неделю. Если ты с нами, то тебе надо посещать воскресные службы, Уилл, и слушать проповеди Отца. То, что он говорит. Силу его мыслей и призывы из глубины его души.

— Я так и поступлю, — согласился Уилл. — Я упустил очень многое.

Холли довезла его до магазина в городе. Здесь охотник поблагодарил ее и выбрался из машины, чтобы забрать

УРБАН УЭЙТ

вещи из кузова. Когда он уже собрался уходить, женщина окликнула его в открытое окно:

— Уверен, что не хочешь, чтобы я тебя довезла прямо до места?

— Нет, — отрицательно покачал головой Уилл. — Мне нужны новые силки и ловушки, а еще патроны для винтовки. Наверняка большинство моих силков пришли в негодность.

— Ладно, — согласилась женщина. — Ты найдешь попутку?

Уилл кивнул:

— Это несложно. Спасибо, Холли.

Она наградила его внимательным взглядом и придвинулась немного ближе.

— Я пытаюсь помочь тебе.

— Понимаю. Я и сам справляюсь.

— В том-то и дело. Я пытаюсь объяснить тебе, как все изменилось. «Врата Эдема», Отец, Иоанн, все это. Я смотрю на тебя и переживаю, Уилл. Тебя спишут со счетов, если ты не будешь приносить пользу.

Уилл почувствовал раздражение. Он не любил, когда ему указывали, что делать, или в нем сомневались. Криво усмехнувшись, он спросил:

— Как ты?

— Да, как я, Уилл. Может, мне и не все нравится, но я знаю, чья рука меня кормит. И я вижу, что ты этого все еще не понимаешь.

— Что ж, если вдруг мне предложат перепихнуться с Иоанном, я, пожалуй, воздержусь.

— Пошел на хрен, — огрызнулась Холли, не оценив шутку. Она выпрямилась и положила руки на руль,

несколько секунд смотрела прямо перед собой, а потом вновь повернулась к Уиллу. — Может, мне и не по душе то, что они делают, но я обязана им жизнью. Как и ты. Выбор за тобой, Уилл. Я свой уже сделала.

Кажется, она хотела сказать что-то еще, но в последний момент передумала и просто завела мотор.

Уилл в некотором замешательстве наблюдал, как она развернула машину, а затем двинулась в обратный путь, даже не глянув на него. Охотник сожалел о том, что сказал ей, но изменить уже ничего было нельзя.

В магазине Уилл купил патроны и пару стофутовых мотков проволоки для силков, плоскогубцы и кусачки, так как его собственные уже покрылись ржавчиной от постоянного использования в любой сезон, невзирая на дождь и снег. Все расходы были записаны на счет, который еще давно открыл для него Лонни. Теперь, видимо, оплачивать его будет Холли. Стоя у прилавка, Уилл внезапно вспомнил о медвежонке и попросил добавить к заказу еще пять бобровых капканов с поплавками. Большинство приобретений он запихнул прямо в рюкзак, а ловушки закрепил по краям.

Выйдя из магазина, он прошел дальше по улице и остановился у пустого дома. Сквозь стекло было видно стойку и аккуратные столики. Около года назад здесь находилось кафе, но теперь оно уже давно было закрыто. Охотник задумался, куда делись его владельцы. Чуть дальше, на другой стороне улицы, располагался бар.

Когда Уилл подошел ближе, он увидел, что предлагающая выпить вывеска погашена, а на окне висит табличка «Закрыто». Охотник снял рюкзак и прошелся вдоль витрины. Сквозь темное стекло можно было рассмотреть

УРБАН УЭЙТ

лишь тени и силуэты. Это было поводом для раздумий. Уилл не был дураком и не собирался им становиться.

Холли сказала, что Мэри Мэй и ее брат отправились обратно утром. Теперь он вспоминал ее слова, а еще ту надпись на фасаде маленького дома. Он бы не удивился, окажись это тот самый дом, о котором он спрашивал вчера, — дом, в котором была Мэри Мэй.

Сколько же должно быть дерьма, чтобы в нем начали захлебываться? Уилл обвел взглядом улицу, обращая внимание на то, сколько домов стоят заколоченными. Он еще помнил то время, когда в каждом была своя лавочка или магазинчик. Охотник не знал, когда все успело измениться, и не мог сказать, почему не заметил этого. Зато теперь все стало очевидно.

Он приложил ладонь к стеклу и придвинулся ближе, пытаясь рассмотреть происходящее внутри, но увидел лишь свое отражение. Он подошел к двери и подергал ручку, но все было заперто. Тогда он прошел вдоль витрины, свернул за угол в проулок и двинулся к служебному входу.

Дверь обнаружилась за мусорными баками и небольшой технической пристройкой. Уилл попытался ее открыть и с удивлением обнаружил, что она не заперта. Охотник на мгновение помедлил, а затем снял винтовку с плеча и взял в руку. Вряд ли ему придется ее использовать, но в баре мог оказаться еще кто-то, а значит, стоило подстраховаться.

Он толкнул дверь и оказался в кухне. Буквально в нескольких шагах, где кончался светлый линолеум, виднелась деревянная дверь в главный зал. Поверх нее выделялись в тусклом свете, проникающем с улицы, водруженные на столы стулья.

Уилл слышал голоса и замер у двери. Совсем рядом разговаривали мужчина и женщина. Охотник толкнул дверь и вошел в кухню.

На стальном разделочном столе сидел коренастый мужчина в грязном поварском фартуке. Рядом с ним стояла молодая девушка. На вид ей было не больше двадцати одного. Разговор тут же оборвался, и они оба обернулись к пришельцу. Уилл приподнял винтовку, но почти сразу же передумал и расслабился, увидев, кто перед ним.

— Привет, Кейси, — поздоровался он. — Значит, ты на этой кухне за главного?

Повар, закончивший школу через пару лет после Уилла, отступил на шаг и нахмурился, явно пытаясь вспомнить, кто к нему обращается. Девчонка же просто переводила удивленный взгляд с одного мужчины на другого.

Наконец Кейси сообразил:

— Уилл?

Статья красовалась на первой полосе. От местной газеты было мало толка, так что большинство использовали ее просто как растопку. Последние страницы «Хроники» занимали объявления о продаже тракторов и уроках рыбной ловли, в то время как в начале печатали информацию о погоде, ежегодных праздниках и новостях из Центра ветеранов. Кейси через стойку протянул газету Уиллу. Джанет, официантка, устроилась за ближайшим столиком и оттуда внимательно следила за происходящим.

— Владелец салуна найден мертвым, — прочитал охотник, а потом поднял взгляд на Кейси. — Гэри умер?

— Как и Ирэн двумя неделями ранее.

УРБАН УЭЙТ

Эти новости привели Уилла в замешательство. Он помнил их обоих. Гэри и Ирэн. Родители Мэри Мэй и Дрю. Они владели этим баром. Они были друзьями, по крайней мере до тех пор, пока Уилл не исчез отсюда двенадцать лет назад.

— Мы похоронили Гэри на прошлой неделе, — продолжил Кейси. — За неделю до этого хоронили Ирэн. Они так и лежат на кладбище рядышком. Могилы даже травой порастить не успели.

Уилл быстро прочитал статью, а затем вновь посмотрел на Кейси и Джэнет.

— Где Мэри Мэй? — спросил он. — Или Дрю?

— Дрю? — откликнулся повар. — Мы не слышали о Дрю несколько месяцев, а то и больше.

— А Мэри Мэй?

Джэнет глянула на Кейси, будто безмолвно спрашивая разрешения, а потом заговорила:

— Мы не видели ее пару дней. Она закрыла бар и сказала, чтобы мы пришли сегодня. Так что мы ждем ее возвращения. Хотелось бы опять начать работать.

Уилл посмотрел на них обоих, а затем окинул взглядом бар. Он не был здесь двенадцать лет, но будто бы ничего и не изменилось. Темные стены, деревянная обшивка, пивные вымпелы, пыль по углам...

Он вновь посмотрел на Кейси:

— Гэри и Ирэн похоронены здесь? На городском кладбище?

Уилл долго смотрел на серые надгробия. Он держал шляпу в одной руке и винтовку в другой. Земля на могилах даже не успела подсохнуть. Тут и там он видел имена,

которые знал или вспоминал. На два из них он избегал смотреть: имена его жены и дочери. Казалось, всё вокруг умирает. Казалось, именно здесь покоятся все те, кого он когда-либо знал.

— Они просили о помощи, но никто их не услышал.

Уилл обернулся и увидел пастора. Он тоже казался прежним. Все так же в черном костюме с белым воротничком. Только вот в темных волосах появилась заметная проседь, хотя он был на добрых двадцать лет младше Уилла. Насколько охотник мог припомнить, некогда священник был сержантом артиллерии и воевал в войне в Заливе, но после обрел веру и обратился к богу.

— Я не услышал, — повторил пастор, как будто бы пытаясь покаяться в совершенном грехе.

Уилл посмотрел за его плечо на церковь, которая стояла в центре кладбища. Ее единственная дверь была открыта, и через нее виднелись скамьи и витражи.

— Я подумал, что ты пришел напасть на меня, унижить и оскорбить. Но теперь я вижу, что ты пришел, чтобы своими глазами узреть деяния своей церкви. И я задаюсь вопросом, видя тебя здесь: то, что тебе довелось пережить, оставило ли на тебе тот же след, что и на мне?

— Джером, как вы?

— Устал. И просто устал, и устал от того дерьма, что тут творится.

Уилл поправил рюкзак, который он так и нес с собой всю дорогу от салуна, и посмотрел прямо в лицо пастору:

— Я не собираюсь стрелять в вас, унижать или оскорблять. Мне просто нужны ответы.

Джером рассмеялся, но невесело, и взгляд его был серьезен.

УРБАН УЭЙТ

— У «Врат Эдема» много ответов. Отец отвечает на все вопросы тех, кто ищет у него убежища. Но у меня ответов нет. Я не пророк, коим хочет казаться Отец. Я последователь Божий, я и несу его слово, а не меняю для поддержания чужих заблуждений.

— Господи, — хмыкнул Уилл. — Давайте обойдемся без этого, Джером. Пусть кто-то другой кричит: «Пощады нет!» — и псов войны спускает*.

— Люди любят цитировать Шекспира, отправляясь на войну, — откликнулся пастор. — Возможно, это помогает им чувствовать себя умнее до того, как они обосрут и окажутся настоящими идиотами. Какого хрена тебе от меня нужно, Уилл? Решил покаяться в грехах?

— Может быть, — не стал спорить охотник, — но для начала я хочу узнать, что случилось.

— Ирэн умерла несколько недель назад. Это, конечно, чертовски глупо, но я думаю, что причина в разбитом сердце.

— Как так?

— Около года назад твои дружки за них плотно взялись. Они ясно дали понять, что не потерпят продажи алкоголя. Они даже перехватили пару грузовиков с товаром. А если нет выпивки, значит, нет и прибыли. А если нет денег, значит, нужно выбирать между домом и баром.

— И они выбрали бар?

— Сам знаешь, — кивнул пастор. — Угадай, кто выкупил их дом за копейки?

— «Врата Эдема».

* Измененная цитата из пьесы У. Шекспира «Юлий Цезарь» в переводе М. Зенкевича.

— Быстро соображаешь. Вообще-то никто больше на это место и не претендовал. Они просто заплатили столько, сколько захотели, а Гэри и Ирэн пришлось смириться.

— И Ирэн?

— Она умерла через месяц. Аневризма или что-то такое. Внутричерепное кровоизлияние.

— А Гэри?

— Мы несколько раз пытались связаться с Дрю. Но ты знаешь, как это бывает с «Вратами Эдема». Они нас просто не слушали. Гэри уперся и решил сам поехать туда. Он хотел привезти Дрю, чтобы мы похоронили Ирэн по всем правилам.

— Но что-то пошло не по плану, да?

Джером наградил его тяжелым взглядом, а затем посмотрел на две могилы:

— Что за игру ты затеял, Уилл? Ты все еще с ними? Ты говоришь, что пришел за ответами, но будто бы уже знаешь все сам. Так давай перейдем сразу к делу и просто поговорим, как солдат с солдатом. Что за херня творится?

— Я начинаю понимать, что знаю лишь половину истории, — ответил Уилл. — И вы можете сообщить мне недостающую часть.

— Мы оба знаем, что на войне всегда так.

— Ирэн и Гэри не были мне чужими, — признал охотник. — Их семья оставалась важной для меня, даже когда в моей жизни царил полный хаос.

— Все изменилось, Уилл. — Пастор вздохнул и широким жестом обвел могилы вокруг. — Это место тому свидетель.

— Да, но у них были семьи. У всех. Порой на войне об этом легко забыть. Легко забыть о доме. О людях, которые

УРБАН УЭЙТ

остались там. Мы оба знаем, как это бывает, — возразил Уилл. — Когда ты далеко, такая жизнь начинает казаться реальной, в отличие от той, которая ждет дома. Прежняя нормальная жизнь, место, где ты родился, где вырос, — все это начинает казаться фальшивкой. И на первый план выходит единственное желание — вернуться на войну.

— Так этого ты хочешь? — спросил Джером. — Я стал старше. Стал мудрее. Я могу увидеть разницу. Я уже не так слеп, как прежде. Та жизнь, эта жизнь — одна большая неразбериха. Зато почти все точно знают, что будет в финале. — Он шагнул в сторону, открывая Уиллу обзор на кладбище.

Охотник крепко задумался о том, что на это ответить. Он вспомнил о Мэри Мэй и о том, как она хотела найти брата.

— Вы же божий человек, — наконец сказал он. — Вы когда-нибудь видели слово «грешник», намалеванное на доме?

Пастор вздрогнул и моментально подобрался:

— Где ты это видел?

— На одном из домов во «Вратах Эдема». Кажется, еще днем раньше его не было.

— Мне приходилось такое видеть, — признал Джером, — на паре домов недалеко от «Врат Эдема». Их владельцы приходили в церковь и в город. Они пытались продать свои дома, но не смогли найти покупателя. Никто не хотел жить так близко к «Вратам». Никто не хотел жить под боком у секты. Обе семьи исчезли в одночасье. Просто исчезли без следа. Так ничего и не продали. Думаю, они поняли, что это бесполезно. Позже я слышал, что «Врата Эдема» выкупили эти участки у банка.

— И вы ездили туда?

— Я навещал их после того, как они несколько воскресений кряду не посещали служб. Дома оказались заброшенными. Ни вещей, ни мебели. Только пустота. И на стенах кто-то также написал: «Грешник».

Уилл отвернулся и поднял лицо к солнцу. Он вспомнил свою последнюю встречу с Мэри Мэй. Прошло много времени, хотелось верить, что еще не слишком поздно. Наконец он вновь взглянул на Джерома:

— У вас есть какая-нибудь машина? Мне нужно вернуться во «Врата Эдема».

— Так ты все еще с ними?

— Честно говоря, сейчас — дальше от них, чем когда бы то ни было. Можете назвать это глупостью, но, пожалуй, пора цитировать Шекспира.

Мэри Мэй проснулась от удушья. Ей показалось, будто она тонет. С ней что-то сделали. Накачали каким-то наркотиком.

Вокруг была темнота. Перед глазами все плыло, сосредоточиться на чем-то было сложно, а цвета будто бы поменяли: черный казался белым, а красный — зеленым. Девушка медленно поднялась и прижалась спиной к стене. Ее бросили в углу помещения, и отсюда она могла видеть серебряную полосу света, пробивающуюся из-под двери. Мэри Мэй попыталась двинуться, но поняла, что ее руки связаны, а пальцы совершенно онемели.

Ноги тоже оказались связанными. Девушка попыталась подняться, но не удержала равновесия и рухнула на пол, ударившись лбом. Пахло пылью и чем-то металлическим, что напомнило о привкусе крови.

УРБАН УЭЙТ

Она оттолкнулась ногами от стены и ползком подобралась ближе к свету. К рукам и ногам потихоньку начала возвращаться чувствительность, и по мере того, как кровь все быстрее двигалась по венам, в кожу будто бы впивались иглы. Она подобралась и подползла еще ближе.

Мэри Мэй помнила, как ее закинули в кузов пикапа. Мужчины расселись вокруг. Каждый раз, когда она пыталась подняться, ее пинками возвращали на прежнее место. Она запомнила, как машина тряслась на дороге, как пружинила подвеска, а еще запах сосен вокруг и размытые силуэты ветвей на фоне темного неба. Когда машина остановилась, она догадалась, что они спустились к реке в предгорьях. Воздух изменился, и стало холоднее. Запахло водой, илом и камнями. Можно было услышать журчание, а издалека доносился шум воды на порогах.

Пока она не знала, зачем ее сюда привезли, не знала, где ее брат, и едва успела оглядеться, когда ее под руки вздернули на ноги и вытащили из кузова, а затем швырнули на песок около воды.

— Ты готова покаяться?

Мэри Мэй попыталась понять, кто к ней обращается, и увидела Иоанна, стоящего по колено в воде. Мужчина подошел к ней и, протянув руку, коснулся щеки девушки.

— Ты готова покаяться? — повторил он.

— Покаяться в чем?

— Ты готова покаяться в грехе?

Он посмотрела на него в замешательстве, с трудом веря во все происходящее. Все ее существо оказывалось признать это реальностью.

— Покайся, и будешь прощена.

Мэри Мэй затравленно оглянулась, пытаясь найти взглядом брата, но его не было, зато хватка Иоанна стала крепче.

— Где Дрю? — выдавила она.

— Дрю? — В голосе Иоанна прозвучало удивление, как будто он впервые слышал это имя. — Дрю — это мы, и все мы есть Дрю. Ты мало знаешь о своем брате. И всегда так было, но теперь ты увидишь, кто он, кто мы, и в этом найдешь свое спасение.

Он отпустил ее и шагнул прочь, вздымая руки к небу, как будто бы призывая дождь.

— На небеса возносятся лишь те, кто очистил свое сердце от греха, — провозгласил он так, что услышала и Мэри Мэй, и все те, кто привез ее сюда. — Те, кто очистился, могут идти рука об руку с пророком. Те, кто очистился, могут попасть на небеса. Но те, кто идет супротив его милости, те, кто не открывает нам своих грехов, те, кто отворачивается от «Врат Эдема» и его промысла, те, кому не хватает мудрости для понимания... Те своими руками мостят себе дорогу в ад. И пламя обратит их в пепел вместе со всем миром.

Медленно он опустил руки и вновь обратил свой взгляд на стоящую на коленях девушку:

— Теперь, братья и сестры, мы должны помочь ей... Помочь ей обрести путь.

Люди вокруг пришли в движение. Они сгрудились вокруг нее так тесно, что стало трудно дышать. Каждый вздох давался с усилием. А потом двое подхватили ее под руки и потащили в воду. Мэри Мэй начала сопротивляться. Она дергала руками и пинаясь, загребая ногами мокрый и холодный песок.

И все же ее втащили в реку, и она увидела, как выше по течению один из мужчин вылил что-то темное в поток. Странная субстанция распространилась по поверхности будто масло, а в воздухе повис тяжелый цветочный аромат.

— Теперь, братья и сестры, мы все знаем, что нужно сделать и почему. Мы пришли сюда, чтобы свершить то, что должно. Я призываю вас всех быть свидетелями и поддерживать меня в моем деянии. Мэри Мэй — грешница, но сегодня мы очистим ее от греха.

Иоанн сжал рукой шею девушки и надавил, принуждая опустить голову в масляную воду и удерживая ее в таком положении. Она сопротивлялась и пыталась вырваться, но ее крепко держали, так что она могла только чувствовать, как ногти мужчины сильнее впиваются в ее кожу.

Она начала захлебываться и, когда ее выдернули из воды, не смогла даже закричать.

— Она сопротивляется спасению. Она цепляется за свои грехи. Вы видите, братья и сестры, демона в ней. Это зло пытается избежать благодати, что снисходит на нее через нас от Отца. Что ж, она поймет, что сражаться нет причины. Она научится принимать свой грех и затем избавится от него. Она поймет, что моя рука и ваши руки — лишь инструменты пророка и проводники его силы.

Он вновь окунул ее в воду. Девушка чувствовала, как жидкость омывает ее лицо. Было холодно. В этот раз она не сопротивлялась из страха, что ее просто утопят. Но время шло, и вот ее тело начало самопроизвольно содрогаться, поскольку она больше не в силах была сдерживать дыхание и избегать попадания жидкости в рот и нос. Ее скрутили судороги, но Иоанн все продолжал держать ее под водой.

Она очнулась в темном помещении, в полной уверенности, что продолжает тонуть. Она не сомневалась, что так все и было. Одежда все еще была мокрой, а сама она была связана по рукам и ногам, но все же принялась медленно ползти по полу ближе к свету.

Джером повернул руль, и старенький «Олдсмобиль» съехал с дороги на проселок, продолженный по краю утеса. Уилл высказал пастору все, что думал, но, само собой, оставались детали и нюансы, которых он попросту не знал. Лишь озвучив все, охотник понял, как изобретательно Отец и «Врата Эдема» водили его за нос. Вскоре за разбросанными тут и там рощицами показались озеро и постройки поселения. Уилл больше не сомневался, что, даже если у него получилось увидеть то, кто такие на самом деле «Врата Эдема», еще очень многое оставалось вне поля его зрения.

— Должен сказать, — подал голос пастор, — я все еще считаю это безумием. А ты, должно быть, сумасшедший.

По мере того как автомобиль двигался вперед, Уилл все лучше видел дома в просветах между деревьями. Он оценивал обстановку и прикидывал, как спустится с утеса, как спрячется, как найдет Мэри Мэй и вернется с ней.

— Поезжайте дальше. Как попадетсЯ укрытие, спрячем машину.

Джером повернулся и вытянул шею, чтобы лучше видеть землю внизу.

— С укрытиями тут нет проблем.

— У меня винтовка при себе. Все будет в порядке. Они до меня не доберутся.

УРБАН УЭЙТ

Пастор съехал с дороги, а затем развернул машину. Неподалеку прямо посреди бурелома рос островок невысоких сосен. Джером подъехал ближе к нему, заглушил мотор и повернулся к Уиллу. Он был чрезвычайно серьезен.

— Ты же понимаешь, что они тоже вооружены?

— Ну да. — Охотник улыбнулся. — Кажется, они по-другому и не могут.

— Тебя это не беспокоит?

— Только если они решат пустить в ход оружие.

— Я могу пойти с тобой. Я смогу помочь.

— Вы уже помогаете, — покачал головой Уилл. — Если она там, у них, и если мы сможем вернуться сюда, нам потребуется убраться как можно скорее.

— Хорошо, — согласился пастор. — Постарайся не попасть под пулю.

Уилл открыл дверь машины и выбрался наружу.

— Не скажу, что со мной такого еще не бывало, — хмыкнул он.

— Посылать пули — хорошо. Ловить — не очень. Запомни это и возвращайся целым.

Уилл закрыл дверь. Он удобнее перехватил винтовку и водрузил шляпу на голову, расположил охотничий нож под рукой и зарядил магазин купленными утром патронами. Пройдя между деревьями, он вышел на прогалину, с которой открывался вид на озеро и «Врата Эдема» за ним. Тут он остановился, приладил прицел и принялся высматривать, не наблюдает ли кто за ним самим.

Сначала Мэри Мэй думала, что это дневной свет, но чем ближе подбиралась к двери, тем сильнее сомневалась в верности своего предположения. Лежа на полу со

связанными руками и ногами, она могла различить лишь небольшое движение воздуха, о котором судила по ленивому полету пылинок.

Раздался звук шагов. Они приближались, как будто кто-то шел через длинный пустой зал. Шаги становились громче, и девушка не сводила глаз с полосы света. Вскоре она заметила тень, а затем пришелец остановился.

Свет, хлынувший в открытую дверь, показался ослепительным. Мэри Мэй зажмурилась и попыталась отвернуться. Двигаться она практически не могла и поэтому просто дернулась в сторону, насколько это было возможно. Впрочем, свет позволил хоть как-то разглядеть темницу. Комната выглядела обычной, но все стены в ней были облеплены выцветшими бумажками, исписанными наименованиями грехов. Семь слов повторялись многократно, куда ни посмотри.

Чревоугодие.

Блуд.

Алчность.

Гордыня.

Зависть.

Гнев.

Лень.

Мэри Мэй перекатилась на спину и принялась разглядывать надписи. Бумажки гнулись и корбились в тех местах, где отсутствовали кнопки. Она смотрела и смотрела на них, а потом вдруг в одночасье осознала, что именно видит и что за вонь ощущает. Металлический, уксуснокислый запах источали обрывки кожи, развешанные по стенам. По виду и цвету, от светлого до темного, можно было догадаться, что некогда они принадлежали людям.

УРБАН УЭЙТ

— Тебе не стоит переживать, — произнес стоящий в дверях Дрю.

Он терпеливо дождался, пока сестра сможет сфокусировать на нем взгляд. Хотя Мэри Мэй и повернулась к нему, он сам казался больше заинтересованным жуткими записками.

— В глуши, когда ты убежала в лес, Иоанн хотел убить тебя. Он хотел, чтобы ты просто исчезла. Я попросил тебя пощадить. Я попросил, так как нас учили щадить тех, кто нуждается в истине. — Дрю прошел вдоль стены и остановился около одного из клочков кожи. — Вот этот — мой.

Мэри Мэй приглядела и прочла: «Зависть».

— Отец и Иоанн помогли мне увидеть, как я завистлив. Я всегда всем завидовал, и это мешало мне принять себя таким, какой я есть. Они помогли мне стать сильнее и показали, насколько я был потеряннным и заблудшим.

— Твой? — переспросила Мэри Мэй, все еще не до конца понимая происходящее. — Что это? Чье это?

Дрю наконец опустился перед сестрой на колени. Он протянул руку, погладил ее по щеке, а потом опустил ладонь ниже, на грудь:

— Тебе делают татуировку вот здесь. Смотрят в твою душу и видят грех, что ты на ней носишь, а потом вытаскивают его на поверхность и превращают в татуировку. — Он отстранился и поднялся. — Как только ты примешь свой грех, ты сможешь от него избавиться.

Он подцепил пальцами воротник и оттянул в сторону, так что Мэри Мэй увидела узел шрамов. Это было похоже на ожог, но девушка уже поняла, что все было серьезнее. В этом месте кожа некогда просто была срезана. Он

перевела взгляд на стену и на грех, что некогда был на груди ее брата, а затем опять взглянула на Дрю.

— Что они с тобой сделали? Что ты позволил сделать с собой? Ты же не такой. Ты не такой, как они думают.

— Нет, — согласился он. — Больше не такой. В этом ты совершенно права.

Он вытащил из-за пояса револьвер и принялся разглядывать его так, будто тот был сокровищем, поднятым из глубин океана.

— Они никогда не считали меня достойным. Никогда не верили, что я могу быть как ты или как он. Всегда считали меня менее важным. Я не был желанным ребенком. Теперь я это понимаю. Их грех подарил мне жизнь. Я принял это. Я простил из-за то, что они сделали тогда и когда я родился. Но они, в свою очередь, не приняли меня.

— О чем ты говоришь? — поразились Мэри Мэй. — Родители любили тебя. Па же поехал сюда за тобой. Он хотел забрать тебя. Как и я хотела. Нами двигала любовь. Ты должен понять это.

— Нет, — рыкнул Дрю. Он перехватил пистолет, а затем рывком поднял девушку на колени. — Это ты ничего не понимаешь. Это тебя надо отметить грехом. Тебя необходимо очистить. Я уже спас тебя. И я спасу тебя еще раз.

Уилл осторожно спустился с утеса. К тому моменту, как он добрался до плоского участка около озера, он уже хорошо видел здания за деревьями. Совсем недавно он и сам был там, среди домов. Достаточно редкая поросль здесь почти не мешала обзору. Уилл решил оценить обстановку. Пусть даже он пока еще оставался здесь своим, его открытое возвращение обязательно вызовет вопросы.

УРБАН УЭЙТ

Со своей позиции он совершенно ясно видел дом, на котором еще недавно маячила надпись «ГРЕШНИК», но теперь стена была вновь девственно белой. Уилл несколько раз обшарил все взглядом, прежде чем убедился, что глаза его не обманывают. Слово исчезло. Словно его и не было вовсе.

В прицел он внимательно рассмотрел дорожки и каждое здание, совершенно не представляя, где ему искать Мэри Мэй.

Когда двенадцать лет назад Уилл пришел в церковь, он покался в своих грехах. Он пришел к Отцу и взмолился о прощении. Прежде он всегда был прихожанином городской церкви. Он молился и просил о мире и смирении, но все его мысли и слова оставались без ответов.

Отец же призвал его верить. Он возложил на него свои руки, и это разительно отличалось от того, что Уилл когда-либо испытывал прежде. Отец привлек его к себе и обнял, словно брата. Он дал знак своим братьям, Иоанну и Иакову, и последний сказал:

— Ты станешь нам братом. И узы, что мы разделим, будут даже крепче, чем узы крови. Ты станешь для нас семьей, и мы будем заботиться о тебе, как о родном. И ты будешь заботиться о нас так же. И все мы будем утешать и поддерживать друг друга до конца времен.

Они отступили, и Уилл остался рядом с Отцом. Там был еще от силы десятков последователей, которые много позднее превратились в сотни. Отец наказал ему пройти омовение, погрузившись в воды реки, и смыть свой грех.

Крестил его Иоанн. И сотворив ритуал, он сказал:

— Теперь ты должен покаяться. Ты должен покаяться в своем грехе.

— Но я не знаю его, — ответил Уилл.

— Знаешь. Ты знаешь его так же, как узнаешь свое отражение, мимолетно бросив взгляд в зеркало.

— Я не вижу, — признался Уилл. — Я потерял. Я не знаю, куда идти без жены и дочери.

Иоанн привлек его ближе, как до этого делал Отец, и подвел к берегу, где вода была спокойной и тихой.

— Узри же свой грех, — проговорил он. — Ты охотник. Ты убийца. Ты человек Гнева, а не добра. И здесь ты по этой причине. Ты здесь, чтобы усмирить свой грех. Вырезать Гнев, что живет внутри тебя.

Уилл опустил прицел. Теперь он понял, где девушка. Он догадался, что с ней собираются сделать, а быть может — уже сделали.

Иоанн поддерживал Мэри Мэй под затылок. Он обсыпал ее порошком, а потом расположился рядом. Девушке начало казаться, что он смотрит сквозь нее. Тонкая воздушная взвесь окутала ее, словно дым, защипала в глазах и забралась в горло.

— То была лишь малая толика силы Блажи, в которой мы омываем грешников, — проговорил Иоанн. — У тебя не было возможности увидеть мир в его истинном облике без всей лишней шелухи.

Он отодвинулся и стал наблюдать. Мэри Мэй почувствовала, что ей стало сложно фокусироваться. Перед глазами будто плыло облако, сквозь которое все виделось изменившимся. Хотя она все еще знала, что Дрю стоит рядом и что он держит отцовский револьвер у ее виска.

УРБАН УЭЙТ

— В этом больше нет нужды. — Иоанн велел Дрю опустить оружие, а затем разрезать веревки, связывающие руки и ноги девушки.

Она попыталась пошевелиться и подтянуть под себя ноги, но не смогла. Все ее тело стало таким тяжелым, будто высеченное из камня, а руки двигались так медленно, словно вокруг был не воздух, а что-то вязкое. Казалось, что он попала из привычного мира частиц и атомов в мир, где все связи перестали существовать.

Она двигалась, но в то же время не шевелилась, а когда ее мозг все же смог опознать сигналы, подаваемые телом, она не могла уже точно сказать, сама ли сменила позицию или просто упала, поскольку Иоанн смотрел на нее теперь сверху вниз. А быть может, она просто покинула свое тело.

— Уверен, Дрю рассказал, какую судьбу я тебе уготовил, — произнес мужчина. — Уверен, он поведал, что я предпочел бы видеть тебя мертвой. Впрочем, так даже лучше. Лучше, потому что ты знаешь, что он все еще тебя любит, даже если не отвечаешь ему тем же. Поэтому мы пометили тебя. Поэтому мы подвергли тебя омовению. А теперь призываем тебя покаяться. А затем отправим тебя назад как отмеченную грехом, но не прощенную.

У МэриМэй кружилась голова, и ее сложно было держать вертикально. Вокруг все плыло, а когда она смотрела на Иоанна и Дрю, ей казалось, что они тают.

Тогда она обратила взгляд к стене. Все вокруг было покрыто кожей. Ее обрывки казались мертвыми бабочками, насаженными на иглы. Под действием наркотика она даже начала видеть в этом своеобразную красоту. Красоту

в грехе и красоту в кусках кожи, срезанной с груди грешников.

Иоанн повернулся к Дрю и заговорил. Он предположил, что парню будет тяжело видеть то, что последует далее. Сказал, что тот должен вернуться в дом и ждать. Пообещал, что все кончится, как только будет получено покаяние.

Сомнение сменилось принятием, и вскоре Мэри Мэй поняла, что осталась наедине с Иоанном. За Дрю закрылась дверь, и мужчина шагнул в сторону, оказавшись под лучом света. Снизу он казался тенью, и девушке почудилось, что это ее отец смотрит на нее сверху вниз.

Да, это был ее отец. Не оставалось никаких сомнений. И когда мужчина сдвинулся так, что его стало возможно разглядеть, это лишь укрепило ее уверенность. Его лицо. Его глаза. Прикосновение его руки к щеке. Мэри Мэй не понимала, как это возможно. Она просто наблюдала, как он отошел в другую часть комнаты и некоторое время вообще не смотрел на нее. Это он, думала она. Это точно он. Ее разум все еще пытался разобраться в происходящем, но все тело уже было во власти наркотика.

Отец вернулся к ней. Он взял ее руки в свои и развернул ладонями вверх. Его взгляд был так внимателен, будто он хотел создать карту ее отпечатков. Когда он заговорил, его голос то нарастал, то стихал. И это был голос не Иоанна, а ее умершего отца. Он словно утешал ее из потустороннего мира. Каждое его слово было тщательно подобрано. Он говорил и делал паузы, растягивал слоги или же наоборот резко замолкал.

— Твои руки, — говорил отец. — Только посмотри, что ты с ними сделала... Что ты сделала, чтобы попасть сюда.

УРБАН УЭЙТ

Все в синяках и царапинах. Все эти раны — пустые и тщетные усилия. Ты пришла к нам, пусть ты пока сама этого не понимаешь. Ты пришла к нам, чтобы исполнить свое предназначение. И твои руки — начало всему. Подумай, что они могут построить. Представь, что они могут сотворить. В каждом пальчике столько силы, а для всех десяти нет во все никаких преград.

Это впечатляло. Словно золотая середина меж палаточными сборищами и берущими змей протестантами. Мэри Мэй пыталась понять все в целом. Она пыталась найти смысл в том, что видела. Пыталась определить, Иоанн это или ее отец, но в то же время не понимала разницы. Она слушала переливы голоса и думала о жизни после смерти, о том, что души способны возвращаться, если это необходимо, о том, что же эта душа, наделенная неизбывной мудростью, знающая, что ждет за чертой, видит сейчас в ней — признает ее ангелом или демоном, сулит кару или спасение.

Он продолжал смотреть на нее, а затем будто отдалился к стене, где были развешаны куски кожи. В сознании де-вушки они шевелились, порождая шорох сброшенной змеиной чешуи — символа преемственности физических тел.

Она больше не верила. Не верила, что перед ней ее отец. Из-за смертной черты никто не мог вернуться. Он ушел. Он ушел из этого мира, а значит, не мог быть сейчас перед ней.

Иоанн продолжал смотреть на нее. Его взгляд оказывал почти магическое действие. Он, словно ягуар, взирал из темноты на свою добычу. Понимание, где она и с кем она, обрушилось на Мэри Мэй, подобно водопаду. Она попыталась отползти в сторону, но мужчина крепко держал ее ладони в своих. Когда она опустила взгляд, то это уже были

не руки Иоанна. Это опять были руки ее отца. Морщинистые и мозолистые. Любящие. Эти руки она не могла ненавидеть. Она хотела держаться за них, как будто это могло помешать ему вновь оставить ее одну.

Когда она вновь подняла взгляд, он поглаживал ее руки так, как родитель может утешать свое дитя.

— Вместе, — с нежностью проговорил он, — рука в руке, так в одной семье мы делим тепло и понимание. Мы делим с тобой дар открывающихся возможностей. Но без этого дара ты совсем одна.

Он держал ее руки еще мгновение, а потом резко отпустил, и девушка поняла, что он хотел сказать, в тот же миг ощутив холод комнаты. В воздухе ощущалось разложение, но не столько из-за кожи, сколько из-за ощущения потерь и сожалений.

— Ты понимаешь? — спросил мужчина. — Ты понимаешь свой грех? Ты видишь, как он преграждает тебе путь к вратам небесным?

Он вновь стоял в потоке света, и его кожа сияла изнутри. Отец. Его волосы казались облаком. Она растерянно осмотрелась, как будто бы находясь на границе между сном и явью, чуя опасность, но не понимая, откуда она исходит. Она видела лишь своего отца и больше всего хотела оказаться рядом с ним, схватить и никогда не отпускать. Но сейчас она не могла даже пошевелиться, как будто бы она находилась под водой, а он смотрел на нее с поверхности.

Он вновь заговорил:

— Этот грех будет помыкать тобой. И в снах, и наяву он будет отравлять твою жизнь. Но я могу его остановить. Я могу вытащить его на поверхность и затем когда-нибудь срезать с твоей кожи. Приветствуешь ли ты это?

УРБАН УЭЙТ

Он замолчал, ожидая ответа. Все вокруг было заполнено клочками чужой кожи и чужими грехами. Когда же она вновь посмотрела на мужчину, ее отец исчез, а то, что она увидела, не было уже ни Иоанном, ни Дрю, ни человеком вовсе. Это был лишь глас, и он вещал из-под облаков, обращаясь к тысячам внемлющих.

И она выдохнула:

— Да.

Он воодушевился, и его голос принялся метаться по комнате из угла в угол, так что девушке было сложно понять, откуда именно он звучит:

— Что же за прекрасная вещь — благодать рук. Это дар, данный всем нам. Словно язык, словно разум, словно мускулы под нашей кожей. Это все инструменты, и их можно использовать праздно. Истерзанные и изломанные, испорченные, даже разбитые, они способны исцелиться. В них сила, и сила эта не может быть забыта. Несмотря на все то зло, что сделали эти руки, на все ошибочные пути, на которые они тебя завели, на все то время, что было потрачено на поклонение ложному пророку... эти руки могут исцелиться. И могут стать тем инструментом, коим были задуманы изначально.

Он вновь вернулся к Мэри Мэй. Действие наркотика чуть-чуть ослабло. Она вновь могла отличить Иоанна от своего отца. Мужчина опять взял ее за руки. Она ощутила страх, но не из-за своего положения, а из-за того, что он ей говорил. Его слова, будто яд, просачивались внутрь нее. Они опутывали и застывали, грозя охватить собой все ее существо.

— Я рад, — сказал Иоанн. — Я рад, что Блажь навела тебя на путь истинного понимания.

Он заставил ее зацепиться пальцами за воротник и потянуть, разрывая ткань, пока она не ощутила холодок мертвого воздуха на обнаженной плоти.

— Твой грех будет здесь, над твоей грудью. Он станет знаком, чтобы ты запомнила нас. У тебя будет много дней и ночей, чтобы обдумать свое положение. И в конце ты придешь к единственному выводу и примкнешь к нам. Ты отдашь нам свой грех и свою жизнь. Но сначала мы должны приготовить тебя. Мы омоем тебя и, коль скоро твой грех — Зависть, мы нанесем его так, чтобы все могли его видеть.

Уилл проник внутрь через заднюю дверь и замер, оценивая ситуацию. Перед ним открывался длинный коридор. Шесть ламп висели под потолком через каждые 10 футов. Всего их было шесть, и под каждой виднелась дверь. Охотник не был здесь уже много лет, но он прекрасно помнил это место и знал, как найти нужную комнату, где некогда прибили к стене и его татуировка. Он не сомневался, что именно в ней найдет Мэри Мэй, поскольку однажды и сам был там.

Он успел сделать всего пару шагов, когда услышал, как открывается одна из дверей. Уилл замер на мгновение, а затем нырнул в ближайшую комнату. В ней стояла крошечная темнота, и лишь тонкая щель приоткрытой двери давала возможность видеть происходящее в коридоре. Интересно, что с ним сделают, если поймают его здесь? Вероятно, вскрыется то, что он потерял веру. Пожалуй, это можно считать очевидным. Скорее всего, следом на его собственном доме тоже появится надпись «ГРЕШНИК».

Пользуясь минимальным источником света, Уилл аккуратно опустил винтовку, проверил патрон в патроннике

УРБАН УЭЙТ

и взял оружие на изготовку. Он внимательно вслушался в звук шагов. Сначала они стали громче и ближе, а затем начали удаляться.

Он осторожно приоткрыл дверь и увидел, что прочь по коридору удаляется Дрю. Парень шел медленно и как будто механически, с усилием переставляя ноги для каждого нового шага, пока наконец не добрался до выхода.

Когда дверь, ведущая на улицу, закрылась, Уилл вернулся в коридор. Ему не понравилось увиденное, и он не понимал, почему Дрю не с сестрой. Он начал сомневаться в затеянном, но все же страх за Мэри Мэй оказался сильнее.

Больше в коридоре ничего не изменилось. Вдоль облицованной деревом стены все так же тянулась металлическая полоса, к которой крепились лампы на расстоянии нескольких футов друг от друга. За дверьми скрывались новые комнаты. Их местоположение угадывалось по теням, нарушающим строгую геометрию пространства.

Уилл поудобнее перехватил винтовку и медленно двинулся вперед, с каждым шагом аккуратно перенося вес с пятки на носок. Так он двигался почти бесшумно. Если Мэри Мэй находилась здесь, ему нужно было добраться до конца коридора. Он смотрел прямо перед собой и не останавливался.

Вдруг раздался скрип двери, затем шаги, а затем голос. Уилл узнал его. Это был Иоанн.

Охотник действовал молниеносно. Он сделал еще три шага, стараясь не производить лишнего шума, и нырнул в тень за дверью ровно в тот момент, когда Иоанн появился в коридоре в пятидесяти футах впереди. Он с кем-то разговаривал, но Уилл не мог разобрать слов за грохотом

собственного пульса в ушах. Он уже испытывал такое прежде — при встрече со взрослым гризли, рядом с женой и дочерью и еще раньше, на войне. Он попытался усилием воли успокоиться и взять себя в руки.

Когда он вновь наклонился, чтобы осмотреться, то увидел, что Иоанн развернулся и пошел в противоположном направлении. Там он открыл еще одну дверь и скрылся за ней. Уилл быстро двинулся своей дорогой. Его сердце все еще колотилось, но он не обращал на это внимания. Если он хотел спасти Мэри Мэй, другого шанса могло и не представиться. Его единственная надежда была на то, что он сможет найти девушку и что это случится не слишком поздно. Чтобы с ней ни сделали, главное, чтобы дело еще не было доведено до конца.

Быстро и бесшумно Уилл преодолел оставшееся расстояние. Оказавшись перед дверью комнаты, хранящей грехи, он решительно повернул ручку и вошел. Мэри Мэй действительно была здесь. Она сидела на полу и едва реагировала на происходящее вокруг. Ее глаза казались остекленевшими, а взгляд — расфокусированным. Она двигалась как кукла, когда Уилл попытался поднять ее на ноги. Воротник был разорван. Опустив взгляд, Уилл заметил край ее бюстгальтера и полукружья груди. Он попытался прикрыть ее, видя в этом хоть какую-то помощь.

— Мэри Мэй, — шепотом позвал он, а затем оглянулся.

Он оставил дверь приоткрытой, и потоки холодного воздуха из коридора были похожи на прикосновение призрака. Уилл вновь попытался поднять девушку на ноги, но она опять не отреагировала.

— Мэри Мэй, ты должна мне помочь. — Он щелкнул пальцами перед ее лицом, пытаясь вызвать хоть

УРБАН УЭЙТ

какую-то реакцию. — Нам нужно идти. Мы должны вытащить тебя отсюда. Ты не представляешь, на что они способны.

Наконец она подала признаки жизни — посмотрела на него и спросила:

— Ты здесь?

Уилл внимательно посмотрел на девушку. Взгляд Мэри Мэй по-прежнему блуждал, как будто был не в силах остановиться на чем-то одном, но голос прозвучал на удивление твердо и четко. Охотник вновь оглянулся и затем обратился к ней:

— Я могу вытащить тебя. Мне хватит сил, чтобы вынести тебя на руках. Но если ты можешь идти, будет гораздо удобнее. Возможно, нам придется пробиваться с боем. Возможно, придется бежать. Если до этого дойдет, я не уверен, что справлюсь один.

Он попытался поймать взгляд девушки, но это оказалось слишком сложно. От движения ее голова безвольно завалилась на плечо, а лицо повернулось к стене. И она вновь спросила:

— Ты здесь, Уилл? Ты тоже здесь, на этой стене вместе со всеми?

— Господи, — вздохнул охотник. — Чем они тебя накачали?

— Ты здесь? — повторила девушка.

— Да, — наконец признал он и нервно осмотрелся по сторонам, впрочем, ситуация едва ли могла стать хуже. — Так ты поможешь мне? Поможешь вытащить тебя отсюда?

Впрочем, Уилл уже и так понял ответ на свой вопрос, так что в итоге просто закинул девушку на плечо, будто один

из охотничьих трофеев. Он успел даже сделать несколько шагов к двери, когда Мэри Мэй его остановила:

— Не надо. Не трогай меня.

— Что?

— Не трогай меня. Отпусти.

Уилл замешкался в дверях, надеясь, что его не увидят.

— О чем ты говоришь? — зашипел он.

— Иоанн просто хочет сделать мне татуировку. Я пришла сюда за братом. Я пришла ради Дрю.

Он не хотел этого слушать. Он не хотел слышать таких слов, но понимал, что за дрянью ею управляла и что именно она пыталась сказать.

— Верни меня обратно, — повторила девушка. — Верни туда, где нашел. — Ее слова были совершенно осознанными, и она вполне четко проговаривала каждое слово. — Если моя семья для тебя хоть что-то значит, верни меня обратно.

В итоге он послушался и опустил ее.

Мэри Мэй посмотрела на него снизу вверх. Она наконец смогла сфокусироваться на его лице:

— Дрю в доме, куда меня поселили вчера. Он ждет. Знаешь, где это?

Она оставалась под действием наркотика, и это было заметно в каждом движении. Правда возникали и моменты прояснения, как будто у человека, на короткое время выходящего из комы.

— Да, — кивнул Уилл. — Я найду.

— Думаю, они убили моего отца, — продолжила девушка. Это прозвучало как озарение, но охотник точно знал, что она давно об этом думала. — Ты должен быть осторожен. Я пришла сюда за братом. И я заберу его отсюда. Этого хотел па. Ты найдешь его, Уилл? Па всегда хорошо

УРБАН УЭЙТ

к тебе относился. Мы скорбели о тебе, хоть и знали, что ты не покинул нас. Ты понимаешь, в каком смысле.

Уилл взглянул на открытую дверь. Время стремительно уходило. Он прекрасно понимал, что с каждой секундой все больше рискует жизнью. Теперь он знал, на что способны последователи «Врат Эдема». Знал, что не только Лонни желал Мэри Мэй смерти.

— А как же ты?

— Иоанн хочет сделать мне татуировку. Он хочет пометить меня и считает, что таким образом сможет контролировать.

Слова девушки были ясными и четкими, но Уилл все равно видел, что она находится под действием наркотика. Когда он поднимал ее на руки, ощущение было как от мертвого тела или мешка с камнями. Он в нерешительности переступил с ноги на ногу. Нужно было уходить. Раздумья заняли еще полсекунды, а затем он вытащил охотничий нож из-за пояса и положил на пол рядом с ногой Мэри Мэй.

— Не доверяй Иоанну, — предупредил он. — Не верь ни единому его слову. Возможно, тебе придется выбираться отсюда самостоятельно. Тогда нож пригодится. Я найду твоего брата, а потом что-нибудь придумаю. Я постараюсь вернуться за тобой. На дороге к северо-западу отсюда в машине ждет пастор Джером. Это сразу за границей территории «Врат Эдема». Может сложиться так, что тебе придется добираться туда самостоятельно. Понимаешь меня?

Мэри Мэй кивнула.

Последний раз взглянув на нее, Уилл поспешил прочь. Преодолев примерно половину коридора, он услышал звук открывающейся двери и тут же скрылся в той же нише,

в которой прятался до этого. Со своего места он мог видеть идущего по коридору Иоанна. Мужчина целенаправленно шел к комнате, в которой осталась Мэри Мэй. В одной руке он нес аптечку, а в другой — металлический медицинский поднос. Уилл легко догадался, что лежало на нем: тату-машинка и краска.

Мэри Мэй не шевельнулась, ни когда Уилл вышел, ни когда Иоанн зашел. Лишь одно она заметила — когда Иоанн уходил, он плотно прикрыл дверь, а теперь она осталась открытой.

Она внимательно следила за тем, как мужчина готовится. Он опустил аптечку на пол и поставил поднос рядом с ней. В его центре лежала тату-машинка и игла. В стороне стоял пузырек с черными чернилами. Иоанн выпрямился и обернулся к двери. Он как будто о чем-то раздумывал. Наконец он обратился к девушке:

— Ты же не будешь дергаться? Сохранишь спокойствие? Всем будет легче, если ты просто примешь происходящее. Примешь свой грех и то, что должно произойти.

— Я принимаю, — отозвалась Мэри Мэй.

Она вновь не двинулась с места, пока он говорил, то и дело поглядывая на дверь.

— Хорошо, — наконец заключил он. — Я не хочу просить кого-то держать тебя или же использовать веревку. Всегда лучше, когда грешник принимает свою судьбу добровольно. Это поможет мне. И поможет чернилам впитать твой грех.

Он подошел к двери и остановился спиной к девушке, а когда обернулся, добавил:

— И все же я не доверяю тебе.

УРБАН УЭЙТ

Он вышел буквально на пару секунд и вернулся, неся в руках металлический табурет с пневматическим механизмом, позволяющим менять высоту сидения. Он поставил его около девушки и перенес на него поднос, а затем принялся доставать спирт и ватные тампоны из аптечки, рассуждая вслух:

— Хотя ты и сказала, что не будешь дергаться, ситуация изменится, когда дело дойдет до иглы. Ты не выдержишь, а я не хочу, чтобы ты испортила мою работу.

Он остановился и вынул из кармана пакет с уже знакомым порошком, вытряхнул из него порцию и вновь распылил вокруг Мэри Мэй.

Ощущение было таким, будто волна накрыла берег. Девушку захлестнуло этим ощущением, она захлебнулась в нем и вырвалась, лишь когда волна вновь схлынула.

Уилл вышел из здания под яркое полуденное солнце. Он никак не мог избавиться от ощущения, что должен был остаться. Не стоило слушать Мэри Мэй. Он должен был забрать ее с собой, чтобы сейчас, под этим солнцем, они вместе спешили к утесу, где ждал Джером.

Охотник страшился того, что Мэри Мэй вообще не сможет выбраться из этого места. В любую минуту Иоанн мог просто убить ее. Например, задушить. Или серьезно ранить. Уилл почти повернул назад в попытке помешать такому развитию событий, но все же сдержался. Девушка была под действием наркотика, но как будто вполне контролировала себя. Она определенно понимала, что делает, и считала, что татуировка — малая жертва за свободу брата.

Только вот Уилл знал, что татуировка — лишь первый шаг. Он видел не только девушку, но и стены, завешанные

обрывками кожи. Было жутко уже от того, сколько же их там. В сотни раз больше, чем он мог подумать. «Врата Эдема» стали намного больше. И если он не знал всех этих людей, значит, и они не знали его. Любой мог его заподозрить, и это стало бы концом всего.

Он решил пойти мимо дорожек, которые вели к зданиям. Держась боковых и задних стен, охотник двигался быстро, пригнувшись, одной рукой придерживая шляпу, второй крепко сжимая винтовку.

Короткие перебежки от дома к дому, секунды ожидания и стремительные рывки через открытые пространства — достаточно скоро Уиллу удалось найти нужный дом, в котором, как он считал, должен находиться Дрю. Впрочем, полной уверенности не было. Многие дома во «Вратах Эдема» походили друг на друга. Он прокрался вдоль стены и аккуратно заглянул за угол. На подъездной дорожке торчали охранники, а дальше по направлению к церкви можно было заметить еще мужчин и женщин из «Врат Эдема». Уилл оперся ладонью на стену дома и тут же почувствовал свежую краску. Да, это именно здесь совсем недавно было написано «ГРЕШНИК». Уилл посмотрел на белые разводы на своих пальцах, а затем на собственные отпечатки, оставшиеся на стене.

Развернувшись, он двинулся в обратную сторону, по дороге вытирая руку об одежду. Пусть краска почти высохла, она все равно оставила след.

В задней части дома был черный ход, и Уилл направился к нему. Он внимательно прислушался, прежде чем браться за ручку, но затем все же повернул ее и аккуратно вошел внутрь, продолжая придерживать дверь, чтобы она не стукнулась о стену. Так он оказался в холле, из которого

УРБАН УЭЙТ

можно было попасть в ванную и в спальню. Впереди виднелись кухня и часть гостиной. К сожалению, как бы осторожно Уилл ни двигался, его выдавала тень. Единственный источник света в доме находился за его спиной, но с этим он ничего не мог поделать.

Дрю стоял у окна, спиной к Уиллу. Он не сводил глаз с большого дома, в котором хранились татуировки и в котором он оставил свою сестру.

— Привет, Дрю, — поздоровался Уилл, остановившись у входа в гостиную.

Парень обернулся. На его лице отразилось удивление.

— Когда ты только пришел к «Вратам Эдема», я должен был поговорить с тобой. Я должен был уделить тебе больше внимания, — продолжил охотник. — Пусть я ушел из города, твои родители всегда были мне небезразличны. Как и ты. Как и Мэри Мэй. — Он прошел в комнату, расслабленно держа винтовку в руке; наличие оружия ни капли не выделяло его, даже наоборот — ставило в один ряд с другими обитателями «Врат Эдема». — Я уже уяснил, что мне стоило держаться поблизости. Я должен был предотвратить то, что случилось с твоим отцом. Полагаю, это многое бы изменило.

Взгляд Дрю метнулся к небольшому кофейному столику в углу комнаты, на котором лежал хромированный револьвер, и это не укрылось от внимания Уилла.

— Ты пришел убить меня, Уилл? — спросил парень.

— Нет. Почему ты вообще об этом подумал?

— Из-за того, что я сделал.

— Ты пока еще не сделал ничего непоправимого, — возразил Уилл. — Я могу помочь тебе.

— Ты же дружил с ма и па.

— Да, это так. И от этого я только сильнее хочу помочь тебе. Я любил их. Твои родители были мне как семья. Я никогда бы не причинил вред ни тебе, ни Мэри Мэй. — Еще несколько шагов, и он вновь заметил взгляд, брошенный в сторону револьвера.

— Ты не знаешь, что я сделал, — мрачно повторил Дрю и двинулся в сторону столика с оружием.

Уилл врезался в него плечом, используя весь свой вес, чтобы оттолкнуть парня к стене, и хоть он был на полфута выше и почти на пятьдесят фунтов тяжелее, удар все равно отозвался в плече острой болью. Впрочем, Дрю все равно отлетел к стене и практически сполз по ней на пол, но ментально вскочил на ноги, пригнулся и теперь уже сам рванулся в атаку.

Они сшиблись и покатались по полу, врезавшись в стол. Уилл услышал, как револьвер свалился вниз и тяжело стукнулся о половицу. Его собственная винтовка отлетела в сторону в момент второго столкновения. Охотник попытался выгадать момент и найти ее или же револьвер, но резкая боль заставила выбросить эти мысли из головы.

Дрю со всей силы врезал ему кулаком точно под ребра. Он успел нанести еще два удара, прежде чем Уилл высвободился и откатился в сторону. Дрю попытался вновь достать его, и они некоторое время потратили на борьбу, в который каждый пытался занять более выгодную позицию. В итоге Уилл оперся рукой на диванчик и попытался подняться, но Дрю схватил его поперек туловища и дернул, выводя из равновесия. Охотник вновь рухнул на пол.

Впрочем, от усилия и сам Дрю оказался на полу, и Уилл воспользовался этим, чтобы разорвать дистанцию. Он перекатился и оказался около кофейного столика, в тот

УРБАН УЭЙТ

же момент обрушив его на парня, который как раз успел только подняться на одно колено. Тот успел выставить руку в защитном жесте, и вред в любом случае был бы незначительным, но Дрю потребовалось время, чтобы восстановиться.

Уилл решил не давать ему такого шанса. Он вскочил на ноги и навалился на противника сверху, как и в первый раз используя свое преимущество в весе. Они опять покатались по полу яростным клубком рук и ног. И вновь именно Дрю удалось нанести самый сильный удар.

На несколько мгновений Уилла оглушило, и Дрю воспользовался этим, чтобы добраться до оружия, но охотник лягнул его в голень, вновь заставляя упасть. Сам он смог как-то подняться на четвереньки и вцепился в чужую одежду.

Револьвер, как оказалось, лежал совсем недалеко. Дрю потянулся к нему, но его пальцы лишь мазнули по ковру, когда Уилл пресек эту попытку резким рывком. Парень попытался отмахнуться, но охотник увернулся и схватил его сзади, сдавливая предплечьем под подбородком и перекрывая кислород. Дрю все еще трепыхался в попытке добраться до оружия, но охотник в ответ лишь давил сильнее.

С ходу выбраться не удалось, и парень принялся за попытки ударить своего противника локтями в грудь или бока, но почти безуспешно. По мере того как хватка становилась сильнее, Дрю начал царапать удерживающую руку и даже пытался добраться до лица Уилла. Прошла целая минута, прежде чем он начал слабеть. А еще спустя секунд десять сопротивление окончательно прекратилось. Теперь охотник позволил Дрю рухнуть на пол, перешагнул через

тело и поднял револьвер, который тут же сунул за ремень штанов. Опустившись на четвереньки, он пошарил под диваном и вытащил винтовку.

И вот только теперь он позволил себе отдышаться. Хотя ему и удалось в драке защитить живот от ударов, во рту все равно ощущался привкус желчи и крови. Что-то внутри него рушилось, но у Уилла не было времени разбираться с этим.

Когда ему удалось совладать с пульсом и дыханием, он подошел к окну, около которого нашел Дрю. У церкви было видно нескольких прихожан, но, судя по всему, никто не обратил внимания на звуки борьбы.

Уилл вернулся к поверженному противнику. Дрю едва дышал, а его голова безвольно свесилась на сторону. Для начала Уилл подобрал свою шляпу и водрузил обратно на голову. Как бы он хотел, чтобы у них было больше времени, чтобы они смогли поговорить. Он хотел бы найти правильные слова. Тогда бы все могло сложиться по-другому. Но Дрю не дал ему такой возможности. Как бы Уилл ни надеялся, что они уйдут отсюда вместе, похоже, единственной возможностью вытащить Дрю за территорию «Врат Эдема» было донести на собственном плече.

Охотник сходил на кухню и нашел там нож, с помощью которого отрезал кусок провода. Вернувшись в гостиную, он связал Дрю ноги и руки. Затем он перекатил парня на бок, все тем же ножом вырезал кусок обивки дивана и сделал импровизированный кляп.

В этот момент Дрю как раз начал приходить в себя, так что Уилл использовал последний кусок провода, чтобы накрепко замотать ему рот. Работа была закончена как раз

УРБАН УЭЙТ

тогда, когда парень приоткрыл глаза. Ему потребовалось еще несколько мгновений, чтобы осознать происходящее, а затем он принялся за попытки высвободиться.

Уилл отошел в сторону. Конечно, он слышал, как Дрю возится на полу в попытках освободиться, как мычит и сопит, стремясь избавиться от пут, но не обращал на это внимания. Он ясно чувствовал на своем теле места, куда пришли удары кулаков. Царапины на предплечье и лице саднили, а щека в том месте, куда пришелся удар в челюсть, принялась опухать.

Пейзаж за окном практически не изменился, как и здание, в котором осталась Мэри Мэй. Уилл смотрел на далекие деревья и думал о том, что от Джерома его отделяет добрая миля. А еще о том, как там девушка и не зря ли он все-таки послушал ее.

Отступив от окна, он подошел к Дрю и, не тратя время на разговоры, поднял его с пола. Веса в нем было килограмм шестьдесят, так что уже первый шаг заставил Уилла задумать, а не зря ли он все это затеял. Но каждый следующий шаг казался уже легче предыдущего, так что ситуация выровнялась. Охотнику приходилось таскать на себе оленей практически такого же веса, но они были мертвы и не трепыхались, так что он намеренно пару раз приложил Дрю головой об косяк задней двери, дабы утихомирить, прежде чем вынести его на улицу.

— Не вздумай дурить, — шепотом предупредил Уилл. — Я пообещал Мэри Мэй, что вытащу тебя отсюда. И я свое обещание сдержу. Но сначала мы заберем твою сестру, потому что ты тяжелый и мне пригодится помощь.

Он успел пройти не больше пятидесяти футов, когда оглянулся и увидел Холли, стоящую на дорожке между домами.

Она была в ступоре от открывшегося зрелища, ее глаза округлились, а рот раскрылся, как будто она готова вот-вот закричать. Уилл не представлял, что можно подумать, увидев его со связанным Дрю на одном плече, с винтовкой на другом, и револьвером за поясом, с ссадинами на лице и руках. Краткое мгновение он хотел объяснить, что это не то, чем кажется, но на самом деле все именно так и было. И в тот момент, когда Холли двинулась с места, то ли чтобы подойти к нему, то ли чтобы позвать охрану, Уилл сорвался с места и побежал, так и продолжая тащить Дрю на плече.

Мэри Мэй потихоньку приходила в себя. Ее будто унесло далеко в море. Некоторое время ее голова оставалась над водой, но затем пучина поглотила ее всю, и очень-очень долго она словно бы дрейфовала в глубине, вовсе не чувствуя своего тела.

Затем пришло ощущение давления в области груди. И запах спирта, который Иоанн использовал для обработки. Легкая боль и вибрация, будто от электрического тока, в районе грудины. Иоанн убрал иглу и провел тряпичей по коже, а потом отстранился, осматривая результат своей работы.

Он выпрямился на табурете. Девушка заморгала, пытаясь избавиться от пелены перед глазами, но это оказалось не так просто, как будто пленка буквально затянула ее зрачки. Когда она опустила взгляд, то увидела, что татуировка наполовину закончена. Чернильные буквы выглядели припухшими, и вокруг них кожа покраснела.

— Я рад времени, что мы проводим вместе, — произнес Иоанн. — Мне нравится делить это время с каждым, кого я отмечаю.

УРБАН УЭЙТ

Он вновь наклонился и провел тканью по коже девушки. Сквозь чернила проступала кровь. Голова Мэри Мэй упала вниз, но через мгновение она вновь смогла ее выровнять.

Иоанн вновь принялся за работу. Игла двигалась по коже вниз, а затем вверх, вырисовывая букву «И».

— Иногда Блажь заставляет быть в сознании, — продолжил он. — Она делает с людьми странные вещи. Я видел, как к ним приходят видения. И как они растворяются в них. Зачастую они рассказывают мне о том, что пережили. Многие говорят, что смотрят вниз с высоты. Другие же, наоборот, будто оказываются в глубоком колодце. Многие признаются, что боятся не выбраться, ведь для этого надо проделать долгий путь. — Он вновь провел иглой вниз и вверх. — Ты справишься, Мэри Мэй. Я вижу, что справишься. Вижу, что с тобой все будет хорошо. Когда ты осознаешь свой грех, когда увидишь, как он проступает сквозь твою кожу, ты все поймешь, а затем придешь к нам и попросишь срезать его с твоего тела.

Он склонился и вновь пустил иглу в дело, начав трудиться над буквой «С». Боль стала острее. Мэри Мэй оглянулась, вспоминая, почему вообще здесь оказалась. Это подстроил ее брат Дрю. Она подумала о нем. И о Уилле. Интересно, где они были сейчас? Вернется ли Уилл за ней вновь?

Боль стала почти нестерпимой. Монотонная и безысходная, она растекалась от груди по всему телу, добираясь до самого мозга костей. Мэри Мэй вновь опустила взгляд. Слово почти обрело свою форму: «ЗАВИСТЬ». Красная припухшая кожа, черные буквы и капли крови, проступающие сквозь чернила.

— Почти все, — сообщил Иоанн. Он вновь отодвинулся, вытер татуировку тряпкой, а затем продолжил, тихо насвистывая от удовольствия от результатов своего труда. Ровные буквы в два дюйма высотой пересекали всю ее грудь.

Он сделал небольшую паузу, а затем, после краткой оценки, вновь одним движением провел иглой по всем буквам. В уголках глаз девушки выступили слезы, и потребовалось немалое усилие, чтобы не дернуться. Как же ей хотелось оказаться как можно дальше отсюда. Уилл предупредил, чтобы она не доверяла Иоанну, и сказал, что ей, возможно, придется выбираться самой. Но он обещал вернуться за ней, и Мэри Мэй перевела взгляд на дверь за спиной Иоанна. Она до сих пор была открыта. Если бы только в проеме сейчас появились Уилл и ее брат... Но их не было, а вместо этого вдруг раздалась сирена. Иоанн прервался и обернулся на звук, а затем встал и выглянул в коридор, но звук не прекращался, а будто бы становился только громче.

Мужчина вышел в коридор. Мэри Мэй вновь посмотрела на свою грудь. Татуированные буквы кровоточили. Она попыталась встать, но потеряла равновесие и оперлась на табурет. Только сейчас она вспомнила про нож, наклонилась и нащарила его на полу, почти не веря в реальность происходящего.

Она едва могла контролировать свое тело, но понимала, что должна. Она должна бежать. Должна найти Дрю. Одно было ясно точно: что бы Уилл ни попытался сделать — сбежать или найти ее брата, — он потерпел неудачу. Мэри Мэй с трудом выправилась. Иоанн исчез из поля зрения, а дверь так и осталась открытой. Она

УРБАН УЭЙТ

попыталась сделать хоть шаг, но ноги были совершенно ватными.

Пытаясь справиться с непослушным телом, она в итоге задела пузырек с порошком, который слетел на пол и откатился к стене. Мэри Мэй обратила на него внимание. Каждое движение отдавалось болью. Вся грудь вплоть до шеи была будто объята огнем. Но она заставила себя добраться до пузырька, ведь это мог быть ее единственный шанс на спасение.

Она врезалась в стену так неожиданно, будто поверхность должна была оказаться намного дальше, чем на самом деле. По ней она соскользнула на пол, но не для столь нужного отдыха, а чтобы нащупать пузырек. Он был заткнут резиновой пробкой, и она вытащила ее зубами.

Сирена надрывалась оглушительно, но Мэри Мэй все равно смогла расслышать приближающиеся шаги. Опираясь на стену, девушка выпрямилась и добралась до двери как раз, когда Иоанн вернулся.

— Что это ты делаешь? — Он улыбнулся, как будто девушка затеяла какую-то забавную игру.

Мэри Мэй запомнила вопли сирены и его усмешку, которая исчезла в тот миг, как только он заметил нож в ее руке. Это стало для него неожиданностью, и мужчина отступил на шаг. Девушка прыгнула вперед и врезалась в него, опрокидывая на пол. Нож оставался у нее в руке, и на мгновение искушение пустить его в ход было почти невыносимым. Но вместо этого она просто высыпала порошок на его лицо. Будто в замедленной съемке она видела, как белая пленка покрывает его нос и рот, как лопаются капилляры в его глазах, как зрачки расширяются и заполняют собой всю радужку.

Она поднялась и побрела к двери, тяжело переставляя онемевшие ноги.

Уилл успел только добраться до очередного здания и забросить Дрю внутрь, когда раздалась сирена. Этот звук напомнил о воздушных налетах. Он слышал подобные завывания, когда был ребенком.

Он прислонил парня к стене, да так и оставил сидеть со связанными ногами. Вокруг все было точно таким же. Охотник подошел к окну и, отодвинув занавеску, посмотрел, что происходит снаружи. Обитатели «Врат Эдема» были явно обеспокоены, но, к счастью, пока не поняли, в чем дело и откуда пришла угроза. Уилл сместился так, чтобы видеть ворота. Там осталось всего два охранника, а еще двое бежали по улице.

К тому же Уилл увидел Холли. Судя по всему, именно она включила тревогу. Охотнику пришлось признать, что женщина разглядела перемены в нем раньше, чем, вероятно, он осознал их сам. И вот теперь она указывала на место, где видела беглецов, а затем туда, куда они сбежали.

— Дерьмо, — выругался Уилл. Он отпустил занавеску и повернулся к Дрю. Ему показалось, что парень смеется над ним. — Я пока еще жив.

Он вытащил револьвер из-за пояса, проверил патроны и вернул его на прежнее место. В доме точно должны быть газовые баллоны. Уилл прошел на кухню, к плите, и повернул вентиль. Пламя окрасилось сначала в красный, а затем в синий.

Он затравленно оглянулся. Пришлось напомнить себе о необходимости сохранять спокойствие и держать себя в руках. Ничего еще не закончилось, они могли выбраться.

УРБАН УЭЙТ

Уилл оставил конфорку включенной и принялся осматривать полки и шкафчики. Он знал этих людей, знал, о чем они думают и что ценят.

Когда он нашел пачку свечей, то вытащил одну, а затем забрал и все остальные. Следующим приобретением стали банки ускорителя горения. Вскрыв первую попавшуюся, он оценил количество огнеопасной розовой жижи внутри, а затем, больше не мешкая, поджег свечу от конфорки и поднес пламя к ускорителю. Огонь стал практически фиолетовым. Он отнес банку в ванную.

По возвращении он обратил внимание, что настроение Дрю изменилось. Теперь тот наблюдал за происходящим с любопытством и подозрением. Охотник достал револьвер, снял с предохранителя и посмотрел на плиту. Надо было точно прикинуть время и то расстояние, на которое они успеют убраться. Впрочем, он сомневался, что они смогут не то что дойти до холма, но хотя бы выбраться из дома, не словив пулю.

Он вернулся к окну. На дороге охранники продолжали говорить с Холли, и она вновь указала в том же направлении. Наконец мужчины подняли оружие и побежали между домами. Уилл подошел к двери и запер замок, а затем вернулся на кухню и погасил огонь. Он наградил Дрю, который не сводил с него глаз, тяжелым взглядом, а затем вновь повернул газовый вентиль, прислушиваясь к раздававшемуся шипению, перед тем как огонь опять загорелся. Он попытался погасить его, но языки пламени лишь беспокойно танцевали, но не исчезали. Несколько попыток не увенчались успехом. Уилл оглянулся на заднюю дверь и тут же заметил силуэт охранника сквозь занавески. Такая же тень вырисовывалась

и в окне около парадной двери. Похоже, они проверяли дом за домом.

Уилл вернулся к огню. Язычки были мелкими и почти прозрачными, но полностью избавиться от них никак не получалось. В какую бы сторону он ни выкручивал вентиль, результат был один. В итоге, признавая, что так или иначе его дни уже сочтены, он выкрутил газ на полную, а затем взялся за плиту с двух сторон и потянул на себя. Раздался громкий звук. Им сопровождался каждый дюйм перемещения плиты. С таким же успехом можно было стрелять в воздух из ракетницы, обозначая свое местоположение.

Когда расстояние между плитой и стеной оказалось достаточным, Уилл обошел ее сзади, уперся ногой и толкнул со всей силы. Вот теперь звук получился просто оглушительным, но плита сдалась и рухнула на пол. По кухне разнесся запах газа. Его источником стал торчащий около пола шланг.

Уилл быстро обогнул угол и бросился к задней двери. Силуэт охранника все так же был виден сквозь занавеску, и охотник не мешкая распахнул дверь, за которой оказался мужчина с винтовкой AR-15. Уилл схватился за ее ствол ровно в тот момент, когда противник спустил курок, и очередь пуль прошла стену буквально в паре дюймов от цели. Металл под ладонями нагрелся от выстрелов. Уилл втащил врага внутрь дома и толкнул так, что тот споткнулся о связанные ноги Дрю и рухнул на пол. Выхватив револьвер из-за пояса, охотник со всей силы врезал прищельцу по голове рукояткой. Охранник захрипел и обмяк.

Со стороны парадного входа слышался шум — второй мужчина пытался выломать дверь. Уилл вскинул револьвер

УРБАН УЭЙТ

и выстрелил сквозь нее, целясь ему в голову. Охранник выругался и рухнул на дорожку, но едва ли причиной тому была пуля.

Времени снимать трофейное оружие не было. Вместо этого Уилл вздернул Дрю на ноги и поспешил покинуть дом через заднюю дверь. Ему казалось, что запах газа едва ощущался, но стоило выйти на свежий воздух, как он понял, что заблуждался.

Опять сунув револьвер за пояс, он поднял Дрю и побежал, обеими руками придерживая его за ноги под коленями. Парень болтался и стонал, лежа животом на его плече. На другом плече Уилл по-прежнему нес винтовку. Как и ранее, он передвигался короткими перебежками от одной стены до другой.

На улице сирена казалась еще громче. Уилл успел преодолеть почти половину пути к церкви, когда автоматная очередь прочертила землю рядом с его ногами. Он и не думал оборачиваться, чтобы выяснить, кто в него стрелял. Вместо этого мужчина нырнул в проход между домами и остановился у дальнего края стены.

Дрю все-таки был тяжелее, чем думал Уилл, так что он не мог передвигаться с той скоростью, на которую рассчитывал. Он выглянул, чтобы оценить паутину дорожек, по которым двигались бойцы «Врат Эдема». Он понимал, что сбежать не сможет, так что решил дождаться взрыва. Казалось, что прошла целая вечность. Он даже успел подумать, что, возможно, они нашли способ перекрыть газ, а может быть, обнаружили подожженное топливо. Из своего укрытия он наблюдал, как движутся тени трех вооруженных мужчин около того места, где он резко свернул. Светящее в спины солнце

четко очерчивало и их силуэты, и длинные стволы винтовок.

Недолгого наблюдения оказалось достаточно, чтобы понять, что на месте оставаться не стоит. И вот, вновь бросив взгляд на дорожку, Уилл сорвался с места и бросился бежать со всей возможной скоростью вверх по склону к церкви в надежде добраться до возвышенности и за счет этого получить преимущество. Засев в удачном месте с винтовкой, он смог бы дать отпор тем, кто прибыл на звуки сирены и выстрелов.

Уилл добрался до церкви как раз тогда, когда вооруженные преследователи вывернули из-за угла на дорогу. Не задумываясь, он швырнул Дрю на землю, едва рядом оказалось первое попавшееся укрытие. Охотник перехватил винтовку, снял с предохранителя, прижался к углу церкви, а затем сделал первый выстрел. Пуля попала одному из охранников в грудь под правой ключицей. Уилл заметил брызги крови, вырванной снарядом из тела. Не успел охранник рухнуть на дорожку, как охотник уже передернул затвор и вновь прицелился к прицелу.

Он слышал крик мужчины и то, как остальные зовут его, но пока никто больше не рискнул высунуться из укрытия, в котором они спрятались, когда Уилл открыл огонь. Охотник со своего места видел, что преследователей стало больше. Они скрывались между домами, так что об их передвижениях можно было судить только по теням. Уилл внимательно следил за происходящим в прицел и тут же заметил, когда отряд из пяти человек предпринял попытку перебраться от одного дома к другому. Охотник выстрелил, но взял слишком низко, так что пуля зарылась в землю. Церковники как по команде рухнули

УРБАН УЭЙТ

в грязь, а потом на четвереньках бросились обратно за угол.

Уилл сбросил гильзу и передернул затвор. Раненый мужчина на дороге кричал и просил о помощи. Он перекатился на живот и пытался ползти, подволакивая поврежденную руку. Гравий и земля под ним были все в крови. Уилл вновь выстрелил в его направлении и увидел, как мужчина замер. Пуля не причинила ему вреда, ведь охотник прицелился в добром футе от его головы. Но этого оказалось достаточно, чтобы мужчина оставил все попытки двигаться и теперь просто лежал на одном месте, скуля и призывая на помощь.

Уилл вновь передернул затвор. В тот момент, когда патрон лег в патронник, он заметил огромную тень около угла церкви, а затем и ее владельца. Охотник попытался развернуть «ремингтон», но оказалось уже слишком поздно. Здоровяк был рядом, схватился за ствол и развернул винтовку так, что она оказалась между ними, а затем надавил на горло Уилла.

Охотник попытался пнуть противника, но безуспешно. Тот был почти на полфута выше и фунтов на пятьдесят тяжелее. Сколько бы Уилл ни пытался бороться, ему казалось, что враг состоит исключительно из мускулов и жил. Он пустил все силы на то, чтобы освободить горло, но это было похоже на попытку жима веса в несколько сотен фунтов. Ему удалось отвоевать себе от силы полдюйма свободы, прежде чем здоровяк вновь надавил на винтовку.

Уилл начал отключаться. Перед глазами поплыли черные пятна, а мысли принялись путаться. На какой-то миг он вовсе перестал понимать, что происходит, но смог справиться с собой и вновь надавил на винтовку, заставляя

противника немного приподняться. Это дало буквально мгновение, чтобы глотнуть воздуха, но затем здоровяк вновь вжал винтовку в его горло. Уилл чувствовал его дыхание на своем лице, видел оскаленные от усилия зубы.

Мужчина на дороге по-прежнему звал на помощь, но его голос стал тише. Сложно было определить, причиной тому стала потеря крови или то, что сам Уилл вот-вот должен был попрощаться с жизнью, задушенный собственной винтовкой.

Внезапно здоровяк выгнулся и закричал. Его лицо исказила болезненная судорога. Уилл же смог только откатиться в сторону, и его скрутило приступом кашля по мере того, как легкие вновь наполнялись воздухом. Винтовка отлетела в сторону, когда здоровяк поднялся и повернулся, а Уилл с изумлением увидел собственный охотничий нож меж его лопаток. Лишь после этого он заметил Мэри Мэй, отступающую по мере того, как здоровяк шатался, пытаясь добраться до ножа.

Дважды его пальцы просто мазнули по рукояти, но на третий раз он смог схватиться за нее и вытащил нож, издав при этом звериный рык боли и ярости и ненависти, который Уиллу доводилось пару раз слышать, но только от животных. Мэри Мэй продолжала пятиться, а здоровяк наступал на нее с ножом в руке.

Уилл добрался до винтовки и выстрелил, пуля угодила здоровяку сзади под ребра и вышла в области сердца. Мужчина рухнул почти в тот же миг и больше не двигался. Сомнений, что он мертв, не было.

Мэри Мэй наклонилась и забрала нож из его руки, а затем подбежала к Уиллу. На ее лице и одежде виднелись многочисленные следы крови. Ворот был разорван

УРБАН УЭЙТ

и не скрывал обильно сочащейся из свежей татуировки сукровицы. Охотник закашлялся вновь, все еще не в силах восстановить дыхание. Им обоим изрядно досталось.

Мужчина на дороге перестал звать на помощь, но с той стороны раздались шаги. Кто-то двигался в их сторону. Уилл вытащил револьвер и, прильнув к углу церкви, дважды выстрелил, целясь в сторону подножия холма. Когда он рискнул выглянуть, то обнаружил, что преследователи вновь рассеялись и попрятались за укрытиями. Раненый исчез с дороги; должно быть, его успели утащить и теперь оказывают медицинскую помощь.

Уилл оглянулся на Мэри Мэй и увидел, что она стоит на коленях около брата. Охотник тяжело оперся на стену. Он все еще чувствовал слабость, но силы возвращались с каждым вздохом. Он подошел к девушке, поднял винтовку и перезарядил ее.

— Где Иоанн? — Это стало первым вопросом, с которым он обратился к девушке. Вероятно, стоило спросить, как она, но Уилл понимал, что на это просто нет времени. Мэри Мэй была жива, и охотник планировал любой ценой сделать, чтобы так все и оставалось.

— Под наркотой, — откликнулась она. — Но я слышала, что сюда идет подкрепление. Звук сирены на дороге даже громче, чем здесь.

Уилл посмотрел поверх нее на лес, окружающий поселение.

Он вспомнил о сотнях татуировок, скрытых в той комнате. Он видел тут много людей, но все же не сотни. Он вернулся к углу церкви и выстрелил в первую попавшуюся вещь — окно в доме на полпути вниз по

дороге разлетелось вдребезги. Затем он вернулся к Мэри Мэй и поднял с земли нож. Он вытер кровь с лезвия о собственную одежду и убрал оружие в чехол, затем протянул девушке револьвер.

— Осталось три патрона, — сообщил он, наблюдая, как она поднимается на ноги и делает один неуверенный шаг к нему.

— Джером все еще ждет нас? — Она покосилась на далекий утес.

— Ты едва на ногах держишься. Уверена?

— Я должна.

Уилл окинул ее взглядом. Взгляд Мэри Мэй до сих пор был немного расфокусированным. Ее всю покрывала собственная и чужая кровь.

— Ты справишься. — Уилл наклонился и вновь поднял Дрю с земли, заметив, что парень все это время не оставлял попыток избавиться от провода, спутывающего его ноги и удерживающего кляп. Охотник не стал обращать на это внимания. В его крови все еще было слишком много адреналина, так что силы его пока не оставили. Он наказал Мэри Мэй идти прямо и искать большой бурелом на обочине дороги.

— Там будет ждать Джером.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Потому что тебе придется найти его, а потом объяснить, как найти нас.

Уилл подошел к углу церкви и на мгновение высунулся, так и продолжая держать Дрю на плече. В тот же миг в его сторону сделали несколько выстрелов.

Охотник осторожно отступил к тому месту, где стояла девушка.

УРБАН УЭЙТ

— Иди, — поторопил он. — Они видели меня и твоего брата, но не знают, что ты тоже здесь, даже не догадываются, куда ты направилась. Скажи Джерому, чтобы подобрал нас на дороге, ведущей к федеральной трассе.

Взгляд Мэри Мэй ясно выразил, что она не считает эту затею удачной. Уилл в целом был с ней согласен. Но он также понимал, что это один из лучших выходов из сложившейся ситуации.

— Иди, — повторил он.

Мэри Мэй вновь осталась одна. Она обогнула церковь сзади и побежала к деревьям, в направлении, которое указал Уилл. Правда, она успела преодолеть только сотню ярдов — поселение было еще четко видно между стволами сосен, — когда услышала выстрелы и крики мужчин и женщин. Она оглянулась, цепляясь взглядом сначала за окраину поселения, а затем осматривая видимые дома. Она видела и саму церковь с высоким шпилем, вздымающимся в небеса, а также множество людей. Похоже, что там собрались практически все обитатели «Врат Эдема». Увидев их, Мэри Мэй спохватилась и рухнула в траву, густо растущую между деревьями.

Их разделяло больше сотни ярдов. Мэри Мэй не знала, откуда они все взялись, но их было очень-очень много. На пустых до этого местах теперь стояли пикапы. Из них выпрыгивали люди с винтовками и в бронежилетах. Они будто собирались на войну.

Девушка видела, что часть из них двинулась вдогонку за Уиллом. Вскоре раздались четкие пулеметные очереди и нестройные резкие ответные выстрелы из винтовки. Пять или шесть раз она порывалась броситься обратно,

и останавливало ее только понимание, что помощи от нее было бы немного.

В руке Мэри Мэй по-прежнему сжимала револьвер, в котором оставалось всего три патрона. Она прекрасно понимала, что, пусть даже Уилл и Дрю смогут прорваться к дороге, которая шла вдоль утеса, это будет иметь значение, только если она прежде доберется до Джерома. Если охотник выберется на дорогу, но машины там не будет или же ему придется ждать хоть минуту, бойцы «Врат Эдема» с легкостью окружают его. Как и в ее случае, преимущество Уилла заключалось только в движении. И если она не будет пошевеливаться — бежать и бежать прямо сейчас, — сама Мэри Мэй, Уилл, Джером и, вероятно, даже Дрю могут считаться покойниками.

И она побежала, удаляясь от озера в указанном направлении. Весь эффект наркотика уже сошел на нет — либо он покинул ее тело вместе с потом, либо уступил место адреналину. Она уже была среди густой поросли на подступах к холму, когда первая пуля выбила щепки из ствола дерева рядом. Оглянувшись на бегу, Мэри Мэй заметила, что ее преследует по крайней мере десяток мужчин. Без сомнения, они видели, что девушка стремится к утесу и дороге, которая должна стать ее путем к спасению.

К тому моменту, как Мэри Мэй добралась до подъема, пули из шести или семи винтовок то и дело взрывали землю вокруг, застревали в стволах деревьев и сбивали ветки. А затем в одночасье все вдруг стихло, как будто весь окружающий мир оказался в эпицентре бури, где звуки просто перестали существовать.

Сначала ее настигла вспышка, а потом уже грохот взрыва. Мэри Мэй оглянулась как раз в тот момент, когда

УРБАН УЭЙТ

над поселением поднялся пылевой гриб. Не теряя времени, она продолжила свое восхождение, цепляясь пальцами и зарываясь ступнями в землю. Вновь глянув через плечо, она заметила столб дыма, поднимающийся к небу, а когда забралась еще выше, смогла разглядеть и то, что осталось от дома, — просто черное пятно на зелено-коричневом фоне. Охотник не предупредил ее об этом, и девушка замешкалась чуть дольше, чем должна была, прикидывая, могли ли Уилл и Дрю находиться внутри этого дома.

Времени на раздумья не хватало. Пусть объяснения произошедшему не было, пусть ее терзали сомнения, она заставила себя поверить, что едва ли Уилл стал так далеко возвращаться и прятаться в доме. Ей на пятки наступали несколько преследователей. Пока они отвлеклись на произошедшее, Мэри Мэй преодолела склон с кошачьей грацией, и это позволило ей изрядно увеличить отрыв.

До заката было еще далеко, но солнце начало клониться к горизонту, и пришло время вечерней прохлады, которая особенно ощущалась в прорехе ее воротника, где воспаленная кожа была покрыта смесью пота, крови, чернил и грязи. Иногда Мэри Мэй шла, выпрямившись в полный рост, но чаще двигалась на четвереньках.

Улучив момент, чтобы оглянуться, Мэри Мэй поняла, что не видит преследователей. Только ветер качал ветки деревьев. Никакого шороха падающих из-под чужих ног камней. Никаких выстрелов. Никаких криков или даже разговоров. Все вокруг стало вдруг каким-то преувеличенно нормальным. И это спокойствие после царившего хаоса выглядело еще более пугающим. Бросив последний взгляд на пройденный путь, она вновь поспешила вверх по склону. Ей казалось, что, услышь она хоть один отдаленный

выстрел, ей стало бы намного легче и тревога за Уилла и брата отступила бы. Но вокруг стояла мертвая тишина, и это пугало намного больше, чем все, что было до этого.

Когда Мэри Мэй наконец преодолела подъем, вся ее одежда была мокрой от пота. Между деревьями девушка увидела дорогу и заставила себя перейти на бег. Впрочем, вскоре она увидела Джерома. Его машина стояла немного южнее условленного места, так что оказалась даже ближе.

Джером бросился ей навстречу, Мэри Мэй буквально рухнула ему на грудь, и пастор почти сразу же повел ее к старенькому «Олдсмобилю».

— Где Уилл? — спросил он, оглядываясь на лес, из которого вышла девушка. — Он не с тобой?

Они добрались до машины, и пастор открыл дверь и помог Мэри Мэй сесть. Она тяжело дышала, и пот на ее коже ощущался холодной липкой пленкой.

— Что с Уиллом? — повторил пастор. — Я слышал взрыв и поспешил на край утеса, но не смог увидеть ничего, кроме дыма над деревьями. С ним все в порядке?

Мэри Мэй было очень сложно ответить на этот вопрос. У нее не хватало времени задуматься об этом, и ее голова была заполнена простыми проблемами, связанными с побегом. Бежать. Карабкаться. Валить на хрен куда подальше. Теперь же, когда Джером ждал ответа, она не знала, что сказать. Ее взгляд обратился к лесу. Как бы она хотела, чтобы Уилл и ее брат сейчас показались из-за деревьев, ведь охотник спасался сам. Сам пытался добраться до места встречи. Но лес был пуст. Лишь ветер гулял между деревьями.

— Я не уверена, что Уилл выбрался, — наконец произнесла девушка.

УРБАН УЭЙТ

— Он мертв?

— Я не знаю. — Она перевела взгляд на Джерома, а затем на дорогу. — Мы должны спешить. Мы должны выбраться отсюда, пока еще есть возможность.

Пастор внимательно посмотрел на нее, а затем закрыл дверь. Он обошел машину, сел на водительское место, наклонился вперед и завел мотор.

— Я попросила Уилла забрать моего брата, — призналась Мэри Мэй. — Но мы не смогли выбраться все вместе. Уилл и Дрю пошли одним путем, а я другим. Он сказал, что мы встретимся дальше на дороге. Но я не уверена, что они смогут выбраться.

Она почувствовала, как ее голос задрожал. Впервые за много дней, сейчас, в машине Джерома, Мэри Мэй смогла просто оценить собственное положение. Она со всей ясностью поняла, насколько опасными стали «Врата Эдема».

Джером надавил на газ, и машина выехала на дорогу. Мэри Мэй посмотрела в лобовое стекло, а затем обернулась, чтобы увидеть то место, где выбралась из леса. Как же ей хотелось знать, где ее брат и Уилл и живы ли они вовсе...

Уилл отправил девушку прочь и проводил взглядом, пока она не скрылась за деревьями. С того момента он больше ее не видел.

Уже одного веса Дрю, которого он так и держал на плече, было достаточно, чтобы заставить Уилла упасть на колени. Но он не мог позволить себе сдаться.

Уилл перешел на бег, тяжело переставляя ноги, которые то и дело скользили по грязи, пока он срезал путь через холмистую местность около озера. Охотник спустился

с возвышенности, на которой стояла церковь, и двинулся через низину, где тысячи лет назад оставил свой след ледник, а нынче все заросло папоротниками и деревьями. Впереди за редкими деревьями начинался подъем, который в итоге должен был привести к утесу и дороге, проложенной по его вершине. Одно плечо оттягивала винтовка, другое — живой груз. Впрочем, никто не стрелял в них и никто не преследовал. Уилл даже оглянулся на бегу, теряясь в догадках, что же произошло.

Звук едущих автомобилей заставил его замереть на месте. Теперь уже он полностью обернулся, чтобы видеть, что происходит в поселении. Пять пикапов проехали сквозь ворота, оставляя за собой облако пыли, и Уилл понял, что все, что ему до этого довелось пережить, лишь детские игры по сравнению с тем, что началось сейчас.

Пикапы продолжали ехать между деревьями. Уилл успел отдалиться от церкви на пару сотен ярдов. Вокруг расстилалась лесистая местность, начинавшаяся от самого озера, и охотник наблюдал за происходящим из-за сосен, но деревья все еще стояли недостаточно плотно, чтобы остановить пикапы, если на них бросятся в погоню.

Чтобы добраться до утеса и укрыться, Уиллу требовалось преодолеть еще около четверти мили. Здесь не было никакой защиты, и он почувствовал себя одиноким и беспомощным. Это чувство было с ним с того момента, как он двинулся от церкви в этом направлении и преодолел ограждение, но теперь оно стало почти всеобъемлющим.

Не тратя времени даром, Уилл сбросил Дрю с плеча, поднял винтовку и посмотрел в прицел. Он видел, что пикапы

УРБАН УЭЙТ

были уже практически около церкви. Там их ждали обитатели «Врат Эдема». Уилл увидел Холли и еще нескольких знакомых людей. Все они указывали в одном направлении — на то место, где он сейчас стоял и откуда смотрел на них.

Уилл вновь забросил винтовку на плечо, а затем поднял Дрю. Парень попытался сопротивляться, но охотник не отреагировал на это и поспешил через низину. Первая пуля просвистела в паре футов над его головой. Следующая впилась в ствол сосны слева. Уилл пригнулся и принялся петлять, стараясь, чтобы между ним и стрелками было как можно больше деревьев.

Оглянувшись, он увидел, что все пять пикапов остановились около церкви. Из них высыпали вооруженные мужчины. Он видел вспышки и слышал звуки выстрелов. Пули взрезали воздух то справа, то слева. Уилл знал, что среди преследователей были и те, кто нес с собой охотничьи винтовки с прицелами, так что лишь вопросом времени было, когда очередной выстрел попадет в цель.

Он побежал, выбрав в качестве дороги прогалину между двумя невысокими холмами; некогда здесь протекал ручей, а теперь осталось лишь пересохшее русло. Добравшись до подъема на другой стороне, Уилл оглянулся. Около церкви остались только два пикапа. Не было никаких сомнений, что остальные три гонятся за ним.

Уилл начал подниматься, и почти тут же очередная пуля впилась в землю около его ноги; фонтанчик грязи взлетел высоко вверх. Уиллу подумалось, что его спасло только чудо. Стрелки целились все лучше. Он забрался наверх и приостановился, прежде чем спускаться с другой стороны холма. Тут же в воздухе свистнула пуля, и охотник

рухнул на землю. Дрю сдавленно заорал сквозь кляп и скатился вниз по склону, все еще пытаясь справиться с проводом на запястьях и лодыжках.

Уилл слышал, что пикапы приближаются. Между деревьями и по поверхности озера разносился шорох гравия под колесами. Охотник внимательно осмотрел местность. Здесь у него было хорошее укрытие, но он прекрасно понимал, что долго не продержится. Его просто окружают и выкурят отсюда. Рев двигателей изменился — пикапы начали преодолевать подъем. А еще через мгновение Уилл вдруг увидел их. Пикапы неслись сквозь лес с максимальной возможной скоростью, притормаживая лишь, чтобы маневрировать между деревьями.

Буквально через секунду три пикапа вырвались на открытое место, стремительно пересекая прогалину. Уилл наблюдал за ними с возвышения, иногда теряя машины из вида среди сосен и подлеска. Водители старались выбрать более удобную дорогу по пересеченной местности, а моторы ревели, преодолевая препятствия. На холме, где стояла церковь, сверкнула еще одна вспышка, и очередная пуля врезалась в землю прямо перед Уиллом.

Времени не оставалось. Внутренности сжало ледяной хваткой предчувствия близкой смерти. Следующая пуля осыпала его земляной крошкой. В кузове одного из оставшихся около церкви пикапов стоял мужчина. Он держал винтовку, опираясь на крышу кабины. Уилл видел отблеск заходящего солнца в линзе прицела.

Он подтянул винтовку. От стрелка его отделяло почти четверть мили. Охотник сквозь прицел посмотрел на траву, на стволы деревьев и церковь. Он оценил расстояние и ветер. Уилл даже позволил себе краткую молитву,

УРБАН УЭЙТ

а потом приник к прицелу. Ему оставалось только молиться.

Винтовка вздрогнула, и Уилл вновь прижался к прицелу, как раз чтобы заметить, как мужчина на пикапе завалился назад и исчез из вида.

Теперь главной проблемой вновь стали пикапы. Уилл перевел прицел на них. В каждом сидели водитель и пассажир. Сейчас до них было метров триста, и это расстояние стремительно сокращалось. Один из мужчин даже высунулся в окно, размахивая штурмовой винтовкой.

Уилл передернул затвор. Прицелился, выбирая место между стволами сосен. Нажал на спусковой крючок. Вновь передернул затвор. Он продолжил вести огонь, пользуясь преимуществом своего местоположения. Пули высекали искры и оставляли царапины на капотах и кузовах. Ветровое стекло одного из пикапов пошло трещинами. Он стрелял, пока патроны не закончились, а земля вокруг не оказалась усеяна гильзами.

Пикапы забуксовали на подъеме, прорываясь через подлесок. Уилл запустил руку в свою сумку и вытащил последние обоймы. Несколько патронов выскользнуло и потерялось в траве среди уже отстрелянных гильз. Он перезарядил оружие и вновь начал стрелять, действуя почти на пределе скорострельности винтовки.

Он сбил зеркало с одного из пикапов, а следом прострелил колесо. Водитель еще некоторое время боролся с управлением, но затем пикап завалился набок, перевернулся и съехал вниз по склону. Уилл продолжил стрелять. Пуля пробила двигатель еще одного пикапа, и тот остановился. Водитель и пассажир бросились врассыпную в поисках

укрытия. У охотника почти не осталось патронов, а до последнего пикапа было уже не больше сотни ярдов. Видя свое единственное преимущество в мобильности, Уилл вскочил и вновь побежал.

Благодаря бушующему в крови адреналину он добрался до Дрю, подхватил его и потащил вверх по склону. Ноги горели практически нестерпимо, но он не останавливался. И вот в этот момент, когда пикап почти настиг их, сзади грянул взрыв. Лес ослепило вспышкой, а затем раздался грохот.

Уилл оглянулся. Он-то думал, что этого уже не произойдет. Газ мог просто прогореть. Но маленький домик исчез, а на его месте распустился цветок огня и дыма, что стало для него самого не меньшим потрясением, чем для тех, кто остался в поселении или преследовал его в последнем пикапе.

Пикап резко вильнул в сторону. Его водитель вытаращился в направлении поселения так, будто за ним сейчас должен был прилететь огненный шар. Через мгновение до Уилла дошло, что у него снова появился шанс добраться до утеса и более густого леса.

Он опять бросился бежать, несмотря на то что собственные ноги казались чугунными, а сердце в груди будто перекачивало по венам не кровь, а настоящий яд. Раньше он двигался по прямой, теперь же вновь выбрал дорогу вдоль лощины между двумя холмами, скрываясь от преследователей. Этот путь должен был привести его прямо к утесу.

Он добрался туда ровно к тому моменту, когда пикап с ревом выскочил на возвышенность. Механизмы протестующе завизжали, когда водитель вывернул руль. Колеса

УРБАН УЭЙТ

взрывали землю в том месте, где еще совсем недавно стоял Уилл, теперь уже достигший мелкого, но густого подлеска.

Стрелок на пассажирском сиденье высунулся в окно и принялся строчить из пулемета. Пули уродовали деревья. Уилл поскользнулся, но тут же восстановил равновесие. Одной рукой он крепко держал ноги Дрю, другой цеплялся за склон холма. Он попытался подняться вертикально вверх, но рухнул под весом своей ноши и своим собственным и съехал обратно вниз почти на пять футов, прежде чем смог зарыться ступнями в землю и остановиться, а следом ухватить и Дрю, который тоже начал сползать вниз.

Охотник оглянулся и вновь поднял винтовку. Пикап внизу стоял боком к склону, и стрелок на пассажирском сиденье не двигался. Уилл поймал его в прицел и выстрелил. Пуля пробила мужчине правую руку. Он дернулся от удара, а потом вывалился из кабины, пытаясь найти укрытие.

И водитель, и пассажир были в бронежилетах. Уилл проследил, как они оба укрылись за кузовом пикапа. У него осталась всего одна обойма, и он вставил ее в винтовку. На склоне холма он был как на ладони. Зарывшись ногами в землю и сухую хвою, Уилл прислонился спиной к Дрю и замер.

Сначала показался пулемет. Стрелок вслепую поливал огнем деревья и кустарники. Уилл дождался, пока мужчина не покажется из-за укрытия. Стоило тому вылезти и попытаться взбежать на холм, охотник выстрелил. Пуля вошла мужчине в грудь точно между пластинами брони. Он рухнул как подкошенный, и его оружие отлетело в сторону. В прицел Уилл увидел остекленевший взгляд мертвых глаз.

Это была последняя пуля. Уилл в последний раз бросил взгляд на пикап и водителя, а затем вернулся к Дрю,

который кулем лежал рядом. Охотник слишком ослабел, чтобы просто поднять его, так что использовал склон, чтобы упереться плечом в живот парня и снова взвалить его на себя. Мускулы разрывались от усталости, Уилл упорно тащился вверх, надеясь лишь на то, что Мэри Мэй удалось добраться до Джерома.

Он почти добрался до вершины, когда взглянул назад и увидел водителя последнего пикапа, который карабкался за ним между деревьями. Он тоже был в бронежилете, а на плече нес дробовик. На боку при каждом шаге подпрыгивал пистолет.

У Уилла же не оставалось ничего. Он посмотрел вперед сквозь деревья. Низкая гряда камней шла по краю утеса и исчезала за ним. Среди камней виднелись островки кустарников и гравия. Возможно, это уже была дорога. Уилл заставил себя идти, слыша теперь лишь удары собственного сердца и тяжелый скрип подошв по земле. Все резервы были исчерпаны, и он прекрасно понимал это. Даже пот больше не струился по лицу, а внутри все ссохлось от жажды. Каждый шаг казался последним.

Охотник добрался до вершины. Внизу, в небольшом овраге глубиной не больше пятидесяти футов, вилась дорога. Уилл оглянулся. Преследователь пропал из вида. Одна мысль о том, чтобы тащить Дрю вниз, была сравнима с перспективой подняться на Эверест без веревки или кислорода.

Уилл тяжело рухнул на колени. Он скинул Дрю с себя и выпрямился. Усилие, потребовавшееся, чтобы дотащить парня сюда, как будто превратило позвоночник Уилла в один окаменевший столб. Не испытывая больше ни малейшего желания поднимать эту ношу, охотник

УРБАН УЭЙТ

поймал вопросительный взгляд Дрю, а потом просто столкнул его вниз, позволяя под собственной тяжестью скатиться в овражек, где в дождливый сезон вполне мог течь ручей.

Охотник обернулся ровно в тот момент, когда водитель выбрался из-под деревьев в паре сотен ярдов позади. Не раздумывая, Уилл съехал по склону, увлекая за собой мелкие камешки и щебенку. Внизу он снял с плеча винтовку и, опираясь на нее, вернулся немного назад и выше, к тому месту, где из-под земли торчали корни деревьев, и залег среди них, стараясь стать как можно незаметнее. Без патронов винтовка стала бесполезна, так что он вынул охотничий нож и замер, неотрывно смотря на то место, где остался Дрю.

Со своего места он слышал, как водитель пробирается меж деревьями. Он слышал, как изменился звук шагов человека при переходе с травы на камень. Подвинувшись немного, Уилл увидел, что мужчина осторожно движется вдоль скалы, держа дробовик в руках. Вот он заметил лежащего Дрю и направился к нему, тоже спускаясь вниз.

Уилл ждал как можно дольше. Теперь его отделяло от водителя не больше десяти футов. В одной руке охотник держал нож, в другой — горсть земли. Бесшумно он поднялся из своего укрытия. Глаза Дрю расширились. Но когда преследователь понял, что происходит, и обернулся, Уилл как раз швырнул ему в лицо грязь, ослепляя, и тут же ударил, целясь ножом в незащищенное горло.

Они вместе рухнули на землю. Водитель сдавленно захрипел, издав тот самый звук, который Уилл слышал впервые, когда ему было всего двадцать и он находился на другом конце света. Из горла мужчины хлынула кровь,

а хлюпанье указывало на тщетные попытки наполнить легкие воздухом. Уилл слышал такое, и убивая врагов, и прощаясь с друзьями, умиравшими на его руках. И тогда это было столь же отвратительно, как сейчас.

Сделанного за этот день было уже не изменить. Его накрыло ощущением беспомощности. Люди умирали из-за него и от его руки. Пусть даже ситуация была такова, что либо он, либо — его, он все равно не мог с этим смириться. Он так надеялся, что все это уже в прошлом.

На него тяжким грузом обрушилось осознание того, кем он был на войне и кем остался, вернувшись с нее. Кем он стал сейчас... В кого его превратили время и сожаления. Смерть жены и дочери осталась незаживающей раной. Человек, которым он стал благодаря им, роль, сыгранная им во всем этом... Он больше не мог закрывать глаза, не мог прятаться и думать, что все решится само. Уилл понимал, что должен что-то предпринять, и надеялся, что этого будет достаточно для искупления, что этого хватит, чтобы заслужить прощение Господа или того, кто бы там ни определял повороты его судьбы. Он, Уилл, принес так много боли и сделал столь мало, чтобы быть спасенным, и все же надеялся, что его усилий достаточно.

Почувствовав на себе взгляд, он посмотрел на Дрю. Парень стал невольным свидетелем его страданий. Горькие мысли наполняли голову Уилла, проникая в самые дальние уголки его разума и растекаясь по ним, словно масло. Он подумал, что будет, если он потеряет сейчас сознание. Он так устал. И вместе с усталостью приближался очередной приступ. Его скрутил кашель, а когда он прошел, на земле остался кровавый ошметок размером с шар для гольфа. Не было сомнений, что язва грызет его желудок — словно

УРБАН УЭЙТ

физическое воплощение страхов и сомнений в отношении «Врат Эдема».

Уилл вновь посмотрел на Дрю. На лице парня было написано отвращение. Охотник понимал, что остается в сознании лишь благодаря силе воли. Лишь силе воли... и звуку подъезжающей машины. Урчание мотора доносилось из-за поворота дороги. Уилл подтянул к себе дробовик покойника и устроился рядом, опираясь прямо на грудь трупа. Он совершенно не хотел двигаться и поэтому просто ждал, когда машина появится в поле зрения. Он был полностью уверен, что будет драться, если придется, и что использует все патроны до последнего.

IV

Я есть истинный пророк среди людей. И я дарую слово свое каждому, кто внимает и кто не верит слепо назиданиям ложных богов, кои именуются правительством. Я есть посланник, и я протягиваю руку дружбы — каждому, кто внемлет, — каждому, кто возжелает стать частью нашей семьи, впустить нас в свое сердце и самолично войти в наше. И быть им тоже нашими посланниками. И нести нашу любовь. И так будем мы едины. Куда бы мы ни пошли, мы будем служить «Вратам Эдема». На всем жизненном пути, в любом обществе, в каждом доме, будь то поле, лес или город, мы найдем братьев и сестер по духу. И будем едины.

— Отец, «Врата Эдема»
Округ Хоуп, Монтана

Когда Уилл пришел в себя, небо было бледно-голубым, каким оно бывает лишь в редкие ночи полнолуния. Он уснул, прижавшись виском к задней пассажирской двери «Олдсмобила». Теперь же он выпрямился, но каждая мышца тела ощущалась словно старый потрепанный механизм, долгие годы не видевший света. Он заметил, что и Мэри Мэй дремала на переднем сиденье. Джек-рома не было. Собственно, как и Дрю.

Уилл посмотрел себе под ноги и увидел бронежилет и дробовик, принадлежавшие погибшему мужчине. Их тоже положили в машину. Его винтовка была впереди у Мэри Мэй. Он наклонился, чтобы посмотреть внимательнее. Его пронзило жуткое предположение, что Джером и Дрю не зря исчезли, а Мэри Мэй в ее недвижимом положении на самом деле уже мертва.

Уилл осторожно коснулся шеи девушки. К счастью, ее кожа была теплой, а под пальцами безошибочно чувствовалось биение пульса. Он вернулся в прежнее положение и посмотрел в синеву ночи. Вокруг расстилались поля.

УРБАН УЭЙТ

Тут и там виднелись фермы. Некоторые были погружены во мрак, но окна других горели неярким гостеприимным светом.

Он открыл дверь машины и выбрался из нее, предусмотрительно захватив с собой дробовик. Теперь он стоял в траве на обочине. Джером припарковал машину на насыпи. В ярком свете луны можно было легко рассмотреть поля по обе стороны от дороги.

С края насыпи Уилл видел поток, несущий свои воды у нижней кромки склона. В нем отражался свет луны и звезд. В сотне футов вверх по течению стоял Джером, а рядом с ним в траве сидел Дрю.

Со своего места Уилл не слышал, о чем они разговаривают, но оба смотрели за реку, туда, где на лугу паслись четыре лошади. Уилл направился к ним, бросил последний взгляд на «Олдсмобиль» и принялся спускаться по склону. Его заметили, когда пройти оставалось около пяти футов.

— Прекрасные создания, — произнес Джером, вновь переводя взгляд на коней.

Животные стояли рядом вдоль проволочной изгороди. Они то и дело грациозно опускали головы, кусая пучки травы, которая около реки вырастала до гигантских размеров.

Уилл тоже посмотрел на лошадей, а затем на Джерома. Наконец он склонился к Дрю, обратив внимание на то, что руки парня были по-прежнему связаны, а вот кляп исчез.

— Вы рискуете там, где не стоит этого делать.

— Он некогда был моим прихожанином. Я не могу об этом забыть.

— Угу, надеюсь, ваши воспоминания совпадают, — хмыкнул Уилл и потер ладонью щеку, на которой до сих

пор ощущались следы ногтей Дрю. — Вам и правда стоит быть осторожнее.

Вместо ответа Джером продемонстрировал револьвер, который держал в левой руке:

— Несложно забыть, с кем мы имеем дело. Хотя речь их выдает.

— Он цитировал Евангелие?

— Как и все они, — ответил пастор. — Такое ощущение, будто они не читают других книг и не слышат других голосов, кроме их Отца и его так называемой библии. Все они прячутся за этим, даже Дрю.

— А вы?

— Я?

— Ваша вера чем-то отличается?

— Я никому ее не навязываю, — пожал плечами Джером. — Я лишь трактую. Но порой даже для меня Библия остается непознанной. Я — не истина в последней инстанции. Ни я, ни сам Бог. Каждый делает то, что должно, с Богом или без него. Я не ищу оправданий.

— Звучит так, будто у вас тут была настоящая дискуссия.

— Я бы так не называл.

— А как бы назвали?

— Я бы сказал, что мы зашли в тупик.

Уилл смерил Дрю взглядом. Парень делал вид, что всецело поглощен лошадьми, но охотник не сомневался, что он слушает.

— Что он сказал? — спросил Уилл.

— Что нет места, где бы «Врата Эдема» нас не нашли. И что, кто бы ни решился помочь нам, они подпишут себе приговор. Говорит, что Иоанн сровняет все с землей.

УРБАН УЭЙТ

— Иоанн такое любит, да?

Джером тоже посмотрел на лошадей, а затем обратился к Уиллу гораздо серьезнее:

— Мы не можем отвести его и Мэри Мэй в мою церковь или в бар. Это слишком очевидно.

— Знаю, — согласился охотник. — Не думаю, что мой дом в горах будет лучше в этом отношении. Возвращаться в город тоже опасно. Слишком много глаз.

— Мэри Мэй нужна медицинская помощь. Мы должны найти место, где она сможет помыться и избавиться от татуировки Иоанна. — Взгляд пастора стал внимательным. — И тебе тоже нужен врач. Дрю сказал, что ты болен. Что нам не стоит на тебя рассчитывать и что ты — ходячий мертвец. Он сказал, что ты кашлял кровью и чуть не отдал концы прямо перед ним. Это правда?

— Я буду в порядке.

— Меня такой ответ не устраивает, — отрезал Джером.

— Я сам себе врач. Просто нужно время и тихое место. Нам нужно выбираться отсюда и как можно скорее.

— Я не знаю, что делать. По словам Дрю, «Врата Эдема» следят за всем. И у меня нет причин сомневаться в этом.

— Как и у меня.

Уилл обвел взглядом темное поле. Он бы не удивился, окажись, что прямо сейчас за ними следят. Охотник подошел к реке и присел в траве, зачерпывая воду, чтобы вымыть лицо, шею и руки до локтей. Жидкость приятно холодила поврежденную кожу.

Его все еще мучила жажда, но он знал, что не стоило перебарщивать. Выпрямившись, он шагнул к Дрю. Что-то во всем этом было неправильным. Он вспомнил о Лонни, о его уверенности в своей правоте, вплоть до

того момента на краю обрыва. Уилл взял дробовик и на-
правил его в грудь парня:

— Ты ведь знаешь что-то, чего не знаем мы?

— Они уничтожат тебя, Уилл. Выпотрошат и свяжут твоими собственными гнилыми кишками. А затем поджарят.

— Какой ж ты идиот, Дрю.

Парень попытался плюнуть в него, но промахнулся.

— Идиот, — повторил Уилл как нечто само собой разумеющееся. — Что ж ты не заметил, что, когда они палили по мне, они по сути стреляли и в тебя? Подумай об этом.

— Иоанн тебя найдет, — посулил Дрю. — И он не будет любезничать. Ты один из нас, Уилл. Ты всегда будешь одним из нас. И тебя ждет кара как того, кто принял Отца, а затем отвернулся от него.

— Вот уж не сомневаюсь, — согласился охотник. — Но нам надо кое-что прояснить, пока мы не вляпались в очередное дерьмо, которое ты нам предрекаешь.

Он надавил стволом дробовика на грудь Дрю, и тот опрокинулся на спину. Передав оружие пастору, Уилл принялся обшаривать пленника.

Он обыскал обе ноги парня, его руки, грудь, спину и все, до чего только додумался. Закончив проверку, он выпрямился и покачал головой.

— Возможно, он просто слетел с катушек. — Он вновь забрал дробовик.

— Что ты надеялся найти?

— Жучок. Иоанн использовал такие в горах. По его словам, Иаков, их старший брат, применяет их при охоте на волков. Мне дорого обошлось понимание, что таким же образом они выслеживают и людей.

УРБАН УЭЙТ

— Но ты ничего не нашел?

— Нет. Хотя по тому, как он говорил, было похоже.

— Значит, все не так плохо? — уточнил Джером.

— Типа того. Но наших проблем это не решает.

— Куда направиться?

— Да.

— Никаких идей?

— Есть одна, — медленно проговорил Уилл. — Там есть немного еды и медикаменты. Место — не предел мечтаний. И я давненько там не был. Но, вероятно, это наш лучший вариант.

Мэри Мэй проснулась, когда они остановились перед воротами, и с любопытством осмотрелась. Дорожка поднималась по склону холма еще на сотню ярдов и там упиралась в низкий дом, слепо смотрящий на гостей темными окнами.

— Я помню это место, — проговорила она.

Уилл наклонился вперед с заднего сиденья:

— Твой отец пару раз привозил вас с Дрю сюда, когда вы были совсем детьми, а ваша мама работала в баре. Мы жарили барбекю, а Дрю носился по холмам. Это было очень давно... Лет двадцать назад, а то и больше.

Мэри Мэй видела, что охотник не так спокоен, как хотел казаться. Она понимала, почему он не желал возвращаться сюда. Но ему пришлось. Для него это место было не просто старым заброшенным домом.

— Здесь безопасно? — спросила она.

Мужчина глянул сквозь окно машины. Ей показалось, что его глаза блестели, когда он смотрел на дом на холме, на дорогу и на расстилающиеся внизу заплатки ферм.

— Это хорошее место, — наконец ответил он. — Сама увидишь. Дом стоит на обрыве, так что подобраться можно только с одной стороны. — Его взгляд вернулся к воротам и скрепляющей их цепи. — Хорошо получится. Если за нами придут, мы увидим гостей задолго до того, как они появятся на пороге.

Джером оглянулся через плечо:

— У тебя есть ключ?

Уилл отрицательно покачал головой:

— У меня давно уже нет никаких прав на это место. Но ключ не потребуется. И я думаю, мы и так уже злоупотребили вашей помощью, — добавил он. — Мы не можем просить о большем. Никто не знает, что вы помогаете нам. Так что для вас будет лучше, чтобы все так и оставалось.

— Ты просишь меня бросить вас здесь?

— Я прошу позаботиться о себе.

— Нет, — отказался пастор. — Так дела не делаются. На ближайшее время нам понадобится еда, вода, припасы. Все необходимые вещи. Я могу этим заняться. Мы будем вести себя тише воды, ниже травы, а когда все уляжется, я выведу вас троих отсюда, и мы найдем помощь.

Мэри Мэй вопросительно посмотрела на него:

— Помощь какого рода?

— Начнем с шерифа.

— Нет, — тряхнула головой девушка. — Он и так все знает. Я была у него буквально несколько дней назад. Я просила о помощи. Я предупреждала, что собираются предпринять, говорила, что поеду во «Врата Эдема» за Дрю. Я говорила об этом только ему и никому больше. Понимаете, к чему я клоню?

УРБАН УЭЙТ

— Кажется понимаю, — мрачно отозвался Уилл.

Мэри Мэй посмотрела на него, а затем на брата.

— Иоанн поджидал меня. Он словно знал, что я приеду. Он даже сказал, что знает зачем. Может быть, и не шериф, но кто-то точно предупредил его. Я не могу точно утверждать, кто именно.

Дрю неловко пожал плечами, а затем отвернулся к окну. Мэри Мэй хотела сказать что-то еще, но передумала, решив, что ничего хорошего из этого не получится.

Мотор под капотом заурчал чуть громче, и Джером развернул машину и съехал с дороги в небольшую рощу в стороне от ворот.

— Я останусь с вами, — сообщил он, глуша мотор и вынимая ключ из зажигания. — Когда все закончится, мы покинем округ и обратимся к федералам. Я достаточно видел, чтобы отбросить все сомнения в необходимости их вмешательства.

Охотничьим ножом Уилл срезал достаточно веток, чтобы накрыть ими «Олдсмобиль» целиком. Отступив, он осмотрел свою работу, а затем повернулся к Джерому:

— Лучше маскировка вряд ли получится.

— Чтобы найти машину, надо точно знать, где искать, — успокоил его пастор.

Он оглянулся на Мэри Мэй, как будто предлагая ей тоже высказаться, но девушка уже смотрела на ворота.

— В доме найдется болторез?

Уилл проследил за ее взглядом и вот уже в сотый раз всмотрелся в дом, как будто каждый раз боялся, что тот просто исчезнет.

— Я не могу точно сказать, что там осталось. Посмотрим. Там должны быть запасы на черный день, но прошло много времени. Я честно не знаю, что мы там найдем. Я поищу болторез и вернусь. Тогда мы сможем перегнать машину выше по дороге.

— Отстрели его, и дело с концом, — вдруг подал голос Дрю.

Уилл обернулся к нему. Он практически успел позабыть о том, что парень вообще с ними. После того как его вытащили из машины и посадили на землю, он ничем не напоминал о себе. Охотник отрицательно покачал головой:

— Так мы верно приведем сюда твоих приятелей.

— Они и твои приятели тоже, — возразил Дрю.

Уилл пропустил это замечание мимо ушей. Он наклонился и поднял с земли свой рюкзак с водой, силками, ловушками и оставшимися обоями для винтовки. Прикинув высоту, он перебросил его через ворота, а затем протолкнул винтовку между прутьями.

Теперь оставалось только перелезть. Оставляя машину, он взял с собой и бронежилет с дробовиком. Джером посадил Мэри Мэй, и она перебралась через ворота. Оба старших мужчины заметили, как тяжело ей это далось. Каждое движение рук, каждое усилие причиняли девушке боль, и это отражалось на ее лице. Оба догадывались о причинах, поскольку видели татуировку. Неровные буквы выглядели так, будто были процарапаны до кости.

Затем Уилл поднял Дрю и перекинул через ворота. Сам охотник перебрался последним. Он вновь посмотрел на дом. Сюда вел долгий путь, и он знал, что здесь же все началось много лет назад.

УРБАН УЭЙТ

Пусть Уилл всеми силами пытался скрыть, насколько для него важно возвращение сюда, он так или иначе предполагал, что спутники обо всем догадываются. Он поднял винтовку и рюкзак, а затем поторопил свой небольшой отряд. По двое они потянулись вверх по склону холма. Хотя Уилл надеялся найти здесь спасение, на самом деле он не знал, что ждет его.

Долгие годы он считал, что выбросил это место из головы, но теперь сомневался, что забывал о нем хоть на минуту.

Когда они поднялись на вершину, Уилл заметил, что веревочные качели по-прежнему висели на ветке одинокого дерева. Так же все и было, когда он продал участок. Он остановился, не в силах отвести взгляд от веревок с закрепленной между ними дощечкой, и почувствовал, что, без сомнения, вернулся сюда не просто так. Просто он не понимал, почему решающим фактором стал страх смерти. Спутники обогнали его, а он так и стоял, не в силах отвести взгляда от качелей. Они совершенно магическим образом заворожили его, и, когда оцепенение удалось сбросить, Уилл осознал, что Мэри Мэй, Джером и даже Дрю уже стоят около крыльца и выжидающе смотрят на него.

— Вспомнилось тут всякое, — неловко пояснил мужчина.

Он пытался свести все к шутке, но никто не улыбнулся. Спутники просто молча смотрели, пока он подходил. Старый дом практически не изменился. Разве что краска облупилась да участок вокруг весь зарос. Сорняки торчали из всех щелей, но это все еще был его дом, несмотря ни на что.

Здесь он растил свою дочь Кали. И те качели он сделал для нее своими руками, чтобы веселить, когда она была совсем маленькой, и дать место для игр, когда стала постарше. Он вырвал часть своей души, когда продал участок церкви. Как же глупо было думать, что такое проходит бесследно.

Ключ по-прежнему лежал под камнем около двери. Замок надсадно щелкнул, и ему пришлось подтолкнуть дверь плечом, чтобы открыть. Скрип дерева и петель показался в тишине совершенно оглушительным. Внутри все было объято тенями, а в лицо неожиданным гостям пахло теплым дыханием запустения. Застоявшийся воздух был пропитан запахами пыли, грязи и плесени.

Уилл перешагнул порог, окинул комнату взглядом и двинулся дальше, через пару шагов споткнувшись о старую пивную бутылку. В темноте можно было лишь по звуку понять, куда она покатилась, но затем он заметил, как она пересекла квадрат лунного света на полу около окна.

— Похоже, тут кто-то уже скрывался, — заметил Джером. Он тоже вошел внутрь, ведя за собой Дрю. Замыкала маленькую процессию Мэри Мэй. Она прикрыла за собой дверь, и беглецы принялись осматриваться.

Уилл не считал свое пьянство чем-то плохим ровно до того момента, как потерял семью. Сейчас же, оглядываясь по сторонам, он понимал, что на самом деле все было еще хуже. Повсюду валялись пустые бутылки. Часть из них появились здесь еще до смерти его жены и дочери, но большинство — конечно, после. Он выливал в себя алкоголь и швырял бутылки об стену. В углу гостиной громоздилась целая гора осколков. Над ними на старой краске

УРБАН УЭЙТ

было выцарапано «УБИЙЦА». Уилл понимал, что спутники считают это делом чьих-то чужих рук, но он-то знал, что сделал это сам.

Как бы он хотел умереть вместо них. Как бы хотел утопить себя в алкоголе, как и пытался сделать дни и ночи напролет после их гибели. И что было самым болезненным, он хотел бы, чтобы они не любили его столь сильно. Ведь тогда, как он думал, они не оказались бы на дороге той ночью. И все же в глубине души он понимал, что это ничего бы не изменило. Если кто и должен был стать другим, так это он.

— На кухне должны быть керосиновые лампы, — сообщил Уилл. Он посмотрел на спутников, отмечая, с каким вниманием они изучают окружение. Они выглядели так, будто непрошеными гостями вломились в темницу памяти, коей было это место. — Верхняя полка справа. Там же должны быть и спички. Запасное топливо хранилось под мойкой. По крайней мере раньше было.

Они разбрелись по комнатам, и вскоре раздался шум, сопровождающий поиски. И вот один за другим начали загораться теплые огни, а затем послышался разговор. В шкафу нашлись консервы, а на одной из полок обнаружилась упаковка воды.

Когда Уилл зашел в кухню, найденные припасы уже разобрали, и эта простая добыча заметно всех приободрила. Он повернул кран, но ничего не произошло. Покрутил вентили плиты, но и здесь его постигла неудача. Это заставило его задуматься о том, что можно сделать.

После пяти минут поисков Уилл вытащил на кухню двухконфорочную походную печку, которой пользовался

в молодости, когда только вернулся с войны. Найти топливо тоже не составило труда.

Заправив агрегат, он повернул вентиль и удовлетворенно услышал шипение газа, который поджег спичкой. Танцующие огоньки показались самым настоящим чудом.

К тому моменту, как Уилл нашел еще и аптечку, его спутники уже принялись разогревать фасоль и кукурузу прямо в банках, а на второй конфорке соорудили некое подобие супа из нарезанной кубиками консервированной ветчины и томатной пасты.

— Пахнет просто божественно, — озвучила общие мысли Мэри Мэй. Когда Уилл протянул ей аптечку, она благодарно приняла ее. — Спасибо. Я знаю, как тебе было сложно вернуться сюда.

— Двенадцать лет — долгий срок, — ответил охотник. — Я в норме.

— Нет, — мягко возразила девушка. — Мы все это видим. Но в этом нет ничего страшного.

Уилл хотел посмотреть на нее, но в то же время страшился ее взгляда. Мэри Мэй потеряла обоих родителей и почти лишилась брата всего за какие-то три недели. И все же она оставалась сильной. Он знал это. Он видел это так же ясно, как и она, судя по всему, видела его боль.

— Мой брат, — продолжила Мэри Мэй, повернувшись в ту сторону, где сидел, прислонившись к кухонной стене и вытянув ноги, Дрю. — Я хочу развязать его. У него кончики пальцев посинели. Ему больно.

Она отвернулась, и Уилл задумался о ее просьбе, а потом подошел к Дрю и присел рядом с ним на корточки.

УРБАН УЭЙТ

— Твоя сестра говорит, что ты слишком крепко связан. Это так?

— Сам посмотри, — огрызнулся Дрю, но все же подвинулся, скосив взгляд, как будто сам мог увидеть собственные стянутые за спиной руки. — Ниже кистей ничего не чувствую.

Уилл посмотрел на руки парня и своими глазами убедился, что Мэри Мэй говорила правду. В тусклом свете пальцы Дрю выглядели почти серыми. Охотник нагнулся, чтобы посмотреть внимательнее, а затем посмотрел на Мэри Мэй и Джерома.

Пастор стоял около плитки и помешивал томатный суп. Когда взгляд Уилла коснулся его, мужчина кратко, но однозначно отрицательно качнул головой, демонстрируя свое молчаливое несогласие давать свободу человеку, который мог погубить их всех.

Уилл поднялся и ушел в глубину дома, чтобы вскоре вернуться с мотком веревки, пачкой стяжек и женской рубашкой. Он выложил свою добычу на стол рядом с печкой. Джером наблюдал за его действиями, все еще не говоря ни слова.

Охотник вытащил одно из кресел в центр комнаты и снова посмотрел на Мэри Мэй.

— Я знаю, что ты любишь его. Знаю, что хочешь ему помочь. И я разделяю это стремление. Именно поэтому он здесь, а не валяется мертвым на территории «Врат Эдема». Но я должен сказать и то, что ему нельзя доверять. Пусть он из твоей семьи, пусть он — все, что у тебя осталось, но в сложившейся ситуации мы не можем рисковать.

Девушка глянула на брата, а потом подняла взгляд на Уилла.

— И как же быть?

Уилл подошел к раковине, на краю которой стояла вторая керосинка. Он взял ее и протянул девушке вместе с бутылкой воды.

— Я развяжу твоего брата. Но я хочу, чтобы ты взяла рубашку и все необходимое, а затем пошла в ванную и занялась татуировкой, которую сделал Иоанн. Я пересажу Дрю в кресло, привяжу к нему и свяжу ему ноги, а только затем освобожу руки.

— И ты не хочешь, чтобы я помогла? — уточнила Мэри Мэй.

— Нет, — подтвердил Уилл. — Не хочу, потому что, если Дрю выкинет какую-нибудь глупость, ты можешь попытаться остановить меня или Джерома. Мы хотим уберечь его, но мы ему не доверяем. Понимаешь?

— Я на вашей стороне. — Девушка вновь бросила взгляд на брата. — Я могу помочь.

Уилл тоже обернулся, заметив, что Дрю внимательно наблюдает за их переговорами.

— Я знаю, — кивнул мужчина. — Но все меняется. Именно поэтому Иоанн отослал Дрю, когда принялся за твою татуировку. И именно поэтому я прошу тебя уйти сейчас. Родная кровь толкает людей на странные поступки. Вот и все.

Мэри Мэй обвела всех троих взглядом, а потом кивнула. Собрав вещи, она отправилась по коридору в ванную. Отсвет лампы на стенах — вот и все, что отмечало ее присутствие. Послышался звук открываемой двери, а затем исчез и свет.

Решив этот вопрос, охотник поднял Дрю на ноги и подвел к креслу, усаживая в него. Джером взял дробовик

УРБАН УЭЙТ

и встал так, чтобы в случае чего выстрел был точным. Уилл принялся обматывать пленника веревкой, закрепив ее на деревянной планке. Он связал руки Дрю выше локтей, проложил несколько витков через грудь и стянул все узлом сзади. Затем он привязал каждую лодыжку к ножкам кресла. И лишь после этого перерезал провод, скрепляющий запястья Дрю. Веревка была достаточно свободной, чтобы парень смог подтянуть руки вперед и положить себе на колени.

Уилл проверил каждый узел и лишь после этого кивнул Джерому, показывая, что можно убрать оружие.

Дрю увлеченно сжимал и разжимал кулаки, восстанавливая кровообращение, а затем посмотрел прямо на Уилла и ухмыльнулся:

— Видишь, ты можешь мне доверять.

Охотник пропустил это мимо ушей. Используя тонкие одеяла и гвозди, он закрыл окна, чтобы свет от ламп и печки не был виден с улицы.

Уже заканчивая с последним, он позволил себе выглянуть на улицу, где ночной ветерок лениво раскачивал качели под деревом.

Перед глазами стремительно пронеслись видения и воспоминания прошлого, а в горле встал ком. И он едва слышно прошептал:

— Надеюсь, где бы вы ни были, вы делаете этот мир лучше, чем мне не дано. — Выждав пару мгновений, он выпрямился и вбил в раму последний гвоздь.

В аптечке нашлись вата и спирт, ножницы, обычный и эластичный бинты, а также маленькие металлические крепления для фиксации повязки. Мэри Мэй разложила

все это на краю ванны. В неверном свете лампы обнаруженные предметы и даже сама аптечка бросали на стены неровные гротескные тени.

Она прислушалась, но в доме стояла тишина. Ни криков, ни звуков борьбы. Из этого она заключила, что все в порядке. Возможно, что, уже сейчас ее брат сидел в кресле, а его руки были свободны. Мэри Мэй ни на секунду не винила Уилла за то, как он с ней говорил. Он был совершенно прав. Ради родных люди готовы на странные вещи.

«Например, разбить пикап и сбежать на пару дней в горы», — словно говорило ей отражение в тусклом зеркале.

— Иоанн пытался тебя предостеречь, — возразила она сама себе. — Он говорил, что не стоит ехать в горы. Но ты поступила по-своему и последствия будешь расхлебывать всю оставшуюся жизнь.

Она аккуратно спустила рубашку с одного, а затем с другого плеча. Местами из-за крови и пота ткань плотно присохла к коже. Даже татуировку было видно с трудом. Но, несмотря на пыль и грязь, Мэри Мэй все равно ощущала себя словно шут, которого облили дегтем и извалили в перьях.

Мэри Мэй взяла ножницы и разрежала ткань, позволяя обрывкам свободно упасть на пол. Она вскрыла бутылочку с водой, смочила клочок ваты и принялась счищать слой грязи с груди. Пока она касалась лишь контуров татуировки, а не ее самой, и все равно кожа выглядела красной и опухшей.

Закончив, она взяла еще один импровизированный тампон и смочила его уже спиртом. Теперь она

УРБАН УЭЙТ

принялась за самую татуировку, вздыхая и даже приглушенно вскрикивая от боли. И вновь, когда дело было сделано, она осмотрела открывшуюся картину в зеркало. Татуировка темной вязью выделялась на коже. Она видела места, где Иоанн провел иглой несколько раз, а где действовал более деликатно. Из-за этого надпись выглядела неравномерной и напоминала детский рисунок.

ЗАВИСТЬ. Мэри Мэй прикрыла глаза в глупой надежде, что надпись исчезнет, когда она поднимет ресницы. Но этого, конечно, не случилось. Надпись по-прежнему тянулась под ее ключицами через центр груди. Ее метка. Она вспомнила, что Иоанн говорил, нанося этот грех ей на кожу. Она прекрасно понимала, что действительно не сможет этого забыть, но в то же время знала, что ее восприятие этой надписи и значение, которое в нее вкладывал Иоанн, — совершенно разные вещи. Да, она не забудет, но, если именно Иоанн убил ее отца, Мэри Мэй рано или поздно придет по его душу.

Спустив с плеч бретельки бюстгалтера, девушка принялась накладывать чистый бинт поверх опухшей кожи. Если бы у нее был какой-то крем или мазь, она бы несомненно воспользовалась этим, но то, что стояло на полках, очевидно, было слишком старым. Поверх обычного бинта она наложила эластичный и закрепила крючками. Выглядело неплохо, пусть и заметно, что делал не профессионал.

Девушка привела себя в порядок и взяла кофточку, которую принес Уилл. Подумав, она поднесла мягкую сложенную ткань к лицу. Одежда пахла пылью, запустением, плесенью и чужими духами. Когда-то она принадлежала

жене Уилла, но Мэри Мэй и так это поняла, как только увидела. И вот теперь она держала в руках серую блузку на пуговичках. Она прикрывала татуировку, но в то же время не раздражала кожу. Девушка оделась и повернулась к зеркалу. Можно было подумать, что в отражении сейчас она видела кого-то другого. Что ничего этого не было вовсе, но никакая одежда не могла заставить ее забыть о татуировке. Прячь не прячь, а эта метка теперь навсегда останется с ней.

Она вышла из ванной с лампой в руке. С кухни доносились ароматы пищи, раздавался звон посуды и приглушенные мужские голоса. Она направилась туда, но вдруг остановилась. Все окна в гостиной были завешены одеялами, но сквозь самое тонкое из них пробивалось странное красное зарево, словно рассеянный свет сквозь толщу воды. Но Мэри Мэй точно знала, что здесь не может быть ничего подобного.

К тому моменту, как она оказалась около окна, она уже не сомневалась в том, что что-то горит. В воздухе плыл явный запах дыма, которого не было прежде, с примесью горелой резины и краски. Она подцепила угол одеяла и выглянула на улицу. Пламя окрашивало ночь в алые цвета. Дым клубами поднимался к небу. Костер бушевал, выбрасывая багряные языки на двадцать — тридцать футов в высоту. Стихия бушевала внизу у границы участка. Кто-то устроил поджог около ворот, и огонь уже распространился на ближайшие деревья.

Горела машина пастора. Уилл в прицел смотрел на то, как пламя охватывает деревья. Часть веток превратились в настоящие факелы, другие же скручивались и трещали

УРБАН УЭЙТ

от нестерпимого жара. В этом была особая жуткая красота, как будто вся роща билась в агонии.

Охотник опустил винтовку и отошел от окна. Он смог разглядеть лишь горящий корпус машины. Вокруг не было ни души, но то, что он никого не видел, не значило, что никого нет. Наоборот, они точно там были. И если вспоминать количество виденных татуировок, Иоанн привел с собой очень многих.

Когда Уилл обернулся, его встретили вопросительные взгляды. Мэри Мэй стояла рядом, Джером держался в центре комнаты, и даже Дрю склонился в сторону на своем месте на кухне.

— Собирайте барахло, — рыкнул он.

На их лицах он видел отражение собственной растерянности. Они считали себя в безопасности. Они думали, что могут вздохнуть свободно, но это оказалось обманом. Они постоянно находились под прицелом, и именно Дрю все это время был прав. «Врата Эдема» в любом случае пришли бы за ними. Спрятаться было просто невозможно.

— Ну же, — поторопил он. — Мы должны бежать. Времени нет.

Подавая пример, он поспешил к своей сумке, вытащил коробку с патронами и распахнул их по карманам. Затем он вернулся к окну и вновь вгляделся в ночь, пытаясь скрыть за этим действием то, какое усилие ему требовалось, чтобы овладеть собой.

Сквозь ночь по направлению к дому шли двадцать или тридцать человек. Все они были вооружены и направлялись вверх по склону, растянувшись цепью. Впереди шел Иоанн. Темные силуэты на фоне зарева делали их

похожими на порождения дьявола, вырвавшиеся из другого мира.

Уилл заметил, что Мэри Мэй наблюдает за процессией через другое окно. Она прижимала к груди револьвер. Они одновременно отошли от окон и, встретившись в центре комнаты, отправились на поиски Джерома. Пастор нашелся на кухне. Он стоял рядом с Дрю, держа в руке нож.

— Что делать? — спросил он. — Отпустить его? Мы должны бежать. Возможно, ловушка уже захлопнулась.

Уилл посмотрел на него, на нож, на зарево за окном, которое было таким сильным, будто уже весь участок объяло пламенем.

— Мы отпустим его, — наконец решил он. — Придется. Отсюда можно выбраться, но мы не можем больше тащить его. И не можем рассчитывать на то, что он не будет специально нас замедлять.

Он обернулся к товарищам. На лице каждого был написан страх, словно из всех только он все еще верил, что они смогут выпутаться.

— Я не брошу его, — ответила Мэри Мэй.

Уилл резко повернулся к девушке. Впрочем, едва ли он мог сказать ей хоть что-то, чего уже не сказал раньше. Ради семьи люди готовы на странные вещи. Пусть он всей душой считал, что она совершает ошибку, он также и понимал причины такого поступка. Он сам был бы готов пройти через ад, если бы это позволило спасти жену и дочь.

— Хорошо, — тяжело ответил он.

Спорить было бесполезно. Он быстро пересек комнату, взял бронежилет и дробовик и передал их пастору,

УРБАН УЭЙТ

наказав пошевеливаться. Джером посмотрел на него как на ненормального, но нож опустил, вместо этого собирая вещи. Правда, бронежилет он в итоге протянул Мэри Мэй:

— Возьми. Тебе пригодится.

— Нет, — качнула головой девушка. — Вам нужнее. Если они решат убить меня, то так и сделают. Жилет их не остановит.

Уилл замер на полсекунды, наплевав на то, что любое промедление приближает их к неизбежному. Он обратился к Мэри Мэй:

— На столе стяжки. Свяжи ему руки, а лишь потом режь веревку. Из дома выводи первым. Держи его все время между собой и Иоанном. Не жди их внутри. Чем больше людей тебя увидят, тем лучше. Иоанн мог убить тебя во «Вратах Эдема», но не стал. Возможно, это что-то да значит.

Времени на прощание не было, так что они в спешке покинули дом через заднюю дверь. Уилл шел первым, и Джером следовал за ним по пятам. С этой стороны царила ночь, и даже было удивительно, что их не встретили последователи «Врат Эдема».

Здесь росло мало травы, а само место постоянно скрывалось в тени дома и скалы, до которой было футов двадцать. Весь участок раскинулся на склоне холма и спускался от дома к дороге. Уилл все здесь знал. Ему был знаком каждый дюйм, и даже спустя столько лет отсутствия он безошибочно нашел дорогу.

Они спешно пересекли участок голой земли по направлению к скале. Джером так и нес бронежилет и дробовик. Догнав Уилла, он оглянулся на дом, за которым

небо расцветало красным, но вовсе не из-за поднимающегося солнца. Это пылала в ночи его собственная машина.

— Мы не должны были бросать ее.

Уилл сосредоточенно обшаривал камень, пытаясь припомнить путь, которым не пользовался долгие годы.

— Я и не бросаю ее, — ответил он наконец, нашарив первый зацеп. — Я заберусь на верхушку скалы. Если она послушается и выведет Дрю, я смогу подстрелить любого, кто рискнет ей навредить.

Джером задрал голову.

— Моя дочь нашла это место, когда ей было всего восемь, — продолжил Уилл. — На первые десять футов сделаны опоры для рук и ног, а потом дорога становится проще.

— Ты не позволишь им навредить Мэри Мэй?

— Если до этого дойдет, я пушу в ход каждый патрон. — Уилл сверху вниз посмотрел на пастора; Джером тоже прошел войну, но сейчас выглядел совершенно мирным человеком. — Дайте мне дробовик и наденьте брошежилет.

Джером протянул оружие вверх. Уилл прицепил его к рюкзаку и принялся карабкаться дальше. Пастор быстро затянул ремни и двинулся следом.

— Тебе не обязательно так поступать, — сказал Дрю.

Он все еще сидел в кресле. Мэри Мэй вытянула его руки вперед, в то время как все остальное тело брата было все еще опутано веревкой. Она затянула запястья стяжкой, а затем, как и было сказано, перерезала веревки. Дрю поднялся, и она навела на него дуло револьвера:

УРБАН УЭЙТ

— Я пытаюсь спасти твою жизнь. Разве ты не видишь?

Дрю улыбнулся и ответил:

— А я пытаюсь спасти твою.

Мэри Мэй не знала, что на это ответить. Ей вспомнился юный пастух, которого она встретила в горах, и то, что он тогда сказал: «Надеюсь, ты значишь для него столько же, сколько он для тебя». Девушка больше не была в этом уверена. Но она так хотела верить.

Она прошла через гостиную к парадной двери, оставив нож на столике, который чуть ранее использовался для приготовления пищи, и теперь держала револьвер представленным к спине брата.

Дрю связанными руками взялся за ручку двери и медленно ее повернул.

— Как только мы выйдем, отступить будет некуда, — предупредил он.

— Мне давно уже некуда отступить, — горько заметила его сестра. — Мы прошли точку невозврата, когда отец погиб, пытаюсь вернуть тебя.

Она глянула на улицу. Иоанн стоял и спокойно ждал. Пришельцы одолели уже почти весь подъем и теперь остановились в пятидесяти футах от дома. Их было как минимум человек двадцать. Все они выжидали, будто точно знали, что она выйдет.

Мэри Мэй подтолкнула брата револьвером и приказала ему медленно открыть дверь. Так они и вышли на крыльцо, а затем спустились — Дрю впереди, а она следом, держа оружие в руке.

Стоило покинуть дом, как девушка тут же почувствовала себя беззащитной. На ее коже выступил пот, а в груди зародилось отвратительное ощущение разрастающегося

всепоглощающего ужаса. Ряд вооруженных мужчин и женщин рассыпался полукругом, который начал сжиматься, стремясь превратиться в кольцо, по мере того как она шла вперед.

Мэри Мэй огляделась. Примерно половину этих людей она знала. Или думала, что знала. Здесь был один из ее школьных учителей. Пара фермеров, которые некогда частенько заглядывали в ее бар. Владелец ранчо, чьих коров периодически пас отец. Многих она знала по именам и еще больше — в лицо. Встретив любого на улице в погожий денек, она непременно поздоровалась бы. В происходящее сейчас было чертовски трудно поверить. Дрю оказался прав. «Врата Эдема» были повсюду. Словно вирус, они заражали каждого и вызвали эпидемию, а лекарство еще не было найдено. Она посмотрела на Иоанна, поджидающего, пока они с Дрю подойдут.

— Что ты задумала? — обратился к ней мужчина.

Он просто стоял, совершенно не двигаясь с места, и выглядел абсолютно спокойным. А вот нервы Мэри Мэй были натянуты как струна.

— Мы уходим отсюда, — проговорила она, всеми силами стремясь сохранить хотя бы видимость спокойствия, в то время как люди подходили все ближе.

Мэри Мэй остановилась, понимая, что в людском кольце не осталось прорех. Она подумала, что могла бы заставить их расступиться, продемонстрировав револьвер. Тогда они с Дрю смогли бы пойти дальше. Но пока она стояла на месте, чувствуя взгляды всех этих людей. Она оглянулась.

— Вы знаете меня. Вы знали моих родителей. Мою семью. Вы должны понимать, что это неправильно.

УРБАН УЭЙТ

Ответом ей была абсолютная тишина. Мэри Мэй вновь повернулась, поднимая револьвер чуть выше. Это не вызвало совершенно никакого эффекта. Лица людей были бесстрастными, будто высеченными из камня.

— Осторожнее, — подал голос Иоанн. — Мы не убийцы, коими ты нас считаешь. Мы фермеры, лавочники, лесорубы, мельники, курьеры, матери, отцы, братья и сестры. Мы такие же как ты. Все мы. Мы не убийцы, как ты думаешь. Так что не размахивай оружием. Ты можешь кого-нибудь напугать. Что же мы тогда будем делать?

Мэри Мэй крепко взяла брата за плечо, даже не думая убирать револьвер:

— Как ты нашел нас?

— Чтобы вас найти, надо было сначала вас потерять, — пожал плечами Иоанн, а затем обвел людей вокруг выразительным взглядом.

Мэри Мэй поняла, что оказалась отрезана от дома, а каждый человек рядом держал какое-то оружие — от бейсбольных бит и мачете до дробовиков и штурмовых винтовок. На ее памяти ни один фермер или лесоруб так не вооружался.

— Мы всегда наблюдаем, — продолжил Иоанн. — Мы везде. Наша вера объединяет нас, и наша верность друг другу не знает границ. Если кто-то нападает, мы наносим ответный удар.

Девушка вновь повернулась к нему. Она не могла верить ни единому слову и боялась, что ей ударят в спину.

— Я не нападала на вас, — возразила она. — Вы сами меня тронули.

— Тебе был показан путь во «Врата Эдема». Тебя встретили с тем же гостеприимством, как и всех прочих.

Ты считаешь себя особенной, но это не так. — Иоанн обвел взглядом своих соратников, как будто пытаюсь найти того, кто отличался бы от остальных. — Где Уилл? — вдруг спросил он. — Полагаю, он где-то в засаде. Он выжидает и, возможно, сейчас смотрит на меня сквозь прицел, пока я говорю. — Его взгляд скользнул по дому и окружающим просторам. — Думаешь, мы здесь из-за тебя, так ведь? Но ты уже отмечена, Мэри Мэй. Ты уже была благословлена чернилами на своем теле. Тебе осталось лишь принять это. — Иоанн вновь повернулся к девушке. — Мы здесь не из-за тебя, Мэри Мэй. Мы пришли за Уиллом. Он предал нашу веру. Он отвернулся от нас. От своих братьев, сестер и Отца. Мы здесь не из-за тебя. Мы здесь из-за него.

Кратким движением руки Иоанн отправил две группы по три человека на поиски. Одна из них отправилась к дому, другая — по склону через луг.

— Больше всего мы ценим верность, — подытожил Иоанн. — Думаю, я ясно дал это понять. Мы живем по особым правилам. Мы слушаем, учимся и внимаем нашему Отцу. Мы относимся к этому крайне серьезно. И каждый, кто пойдет против нашей веры и учения Отца, узнает, что мы такого не забываем и не прощаем.

Уилл передернул затвор винтовки и зарядил новую обойму. Он лежал на вершине скалы. Отсюда крыша дома и площадь вокруг него просматривались как на ладони. Владельцы многих татуировок из той комнаты были сейчас здесь. Многих он узнавал, но большинство видел впервые. Они могли оказаться как из их округа, так и из мест далеко за его пределами. «Врата Эдема» проникли всюду.

УРБАН УЭЙТ

Словно болезнь, которая развивается незаметно, чтобы затем ударить сразу по всем фронтам, отравляя кровь в жилах и воздух в легких.

Все еще тяжело дыша после подъема, Уилл забрался на вершину, и Джером последовал сразу за ним. Оба мужчины старались двигаться как можно быстрее и тише. Оба понимали, что любой неосторожный шаг может привести к падению, а любой неосторожно сбитый камешек — к их обнаружению. Впрочем, возможно, так все стало бы проще.

И вот теперь он лежал на плоском камне, пытаясь унять дыхание, и рассматривал открывшуюся картину в прицел винтовки. Он видел Мэри Мэй и то, что она вела Дрю перед собой. Чуть дальше стоял Иоанн. С такого расстояния пристрелить его было проще простого. Уилл не знал, о чем они говорят, но все же держал палец на спуске давно снятой с предохранителя винтовки. Он был готов выстрелить в любой момент. В последующей за этим суматохе охотник видел единственный шанс Мэри Мэй на спасение. И все же он колебался, удерживая себя от последнего движения. Это стало бы обычным убийством. А он не хотел быть убийцей. Он не был хладнокровным и не стремился таковым стать. В прицел он внимательно следил за каждым движением стоящих в круге людей. В них он видел отражение самого себя и собственных недавних желаний.

Три человека отделились от группы и направились к дому. Еще трое удалились в темноту прочь от дома. Уилл проводил их движением винтовки. Пламя до сих пор бушевало в полную силу, разбрасывая по земле странные тени.

Охотник проследил за небольшим отрядом до дальних деревьев, а затем быстро вернулся к Иоанну и Мэри Мэй. Через плечо он сообщил Джерому:

— Та троица пройдет сквозь рощу и выйдет к нам с другой стороны через несколько минут. Держи дробовик наготове. Если нас обнаружат, придется бежать. Лучше уж это, чем перестрелка на скале.

Мэри Мэй по-прежнему держала револьвер в одной руке, а второй крепко сжимала плечо брата. Но смотрела она теперь только на Иоанна.

— Говоришь, вы не убийцы? — переспросила она. — Но мой отец отправился в горы и не вернулся. Он погиб, пытаясь вернуть Дрю. И теперь я продолжаю его дело. Этого хотел па, и я не отступлюсь.

— Вот, значит, как? — удивился Иоанн. — И потому ты держишь брата перед собой, будто заложника? Поэтому его руки связаны, словно у пленника? Так ты поступаешь с родным человеком? Ну-ка задай себе простой вопрос: почему ни ты, ни Уилл, ни Джером не освободили его.

Мэри Мэй вновь оглянулась. Люди вокруг словно ждали ее ответа, но ни один не поднял оружия и не попытался угрожать.

— Он один из вас, — ответила девушка. — Отец или кто-то еще запудрили ему мозги. Он стал совершенно другим. Это больше не тот брат, которого я знаю с детства.

— Нет, — согласился Иоанн. — Он стал намного лучше. Его разум открыт. Его глаза открыты. Он изменился. В этом ты права.

— Ты говоришь так, будто то, что он пошел против своей семьи, это хорошо.

УРБАН УЭЙТ

Мужчина рассмеялся. Его взгляд скользнул по лицам свидетелей этой встречи:

— Ты так и не поняла? Дело вовсе не во «Вратах Эдема». Церковь тут вообще ни при чем. Отец лишь слушает. Он поддерживает. Он делает то, на что оказался не способен ваш собственный отец. Ваш отец и все ваше общество давным-давно отвернулись от Дрю. Отец занял их место и показал, как все должно быть. Мы не вбиваем клинья между отцами и детьми. Дело не в церкви. Дело в семье.

— Но ты убил его!

— Мы приветствовали Гэри. Мы знали о том, что произошло с его женой, твоей матерью. Мы сочувствовали ему. Но мы, — Иоанн широким жестом поднял руки, — мы не убивали его. И Отец не убивал его. Я не убивал его. То, что твой отец хотел от Дрю, не было нашим делом. Только сам Дрю мог дать ответ. И его ответ был отрицательным.

Рука Мэри Мэй соскользнула с плеча брата. Да, она, безусловно, догадывалась. Это знание было превыше понимания. Словно в разгар яркого солнечного дня произошло нечто столь ужасное, что все воспоминания об этом были окрашены исключительно черным. Знание незримое, нежеланное и отвергаемое. Дрю обернулся к сестре. Его взгляд был холодным и безразличным, словно вместо глаз у него были два бесстрастных куска стекла.

— Па гордился бы тобой, — проговорил он. — Он все отдавал тебе, словно это было твое право. И мне ничего не оставалось. Когда мы были детьми, когда стали подростками, когда выросли вместе, он все отдавал тебе, а обо мне

вообще не думал. Он отдал тебе бар, себя, маму. Пусть для меня там оставалось место, оно никогда не было в полной мере моим.

Мэри Мэй отрицательно затрясла головой. Она не могла поверить в то, что слышала. Не могла признать, что их отношение к проведенной вместе жизни было столь различным.

— Нет, — с трудом произнесла она. — Я просто была старше.

— Старше. Умнее. Веселее. Сильнее. Лучше меня во всех отношениях. Как бы я из кожи вон ни лез в детстве или когда вырос, этого всегда было мало.

— Нет, это неправда.

— Правда, — отрезал Дрю. — Если бы меня хоть раз кто-то выслушал. Они никогда не пытались меня понять. Я не был им нужен. Ты хоть можешь себе такое представить? Жизнь в доме и в семье, который ты не нужен? — Он отрывисто засмеялся. — Конечно не можешь.

— Они любили тебя, — беспомощно откликнулась девушка.

Это единственное, что пришло ей на ум. Это была правда. Ему нужно было лишь услышать. И в то же время она боялась даже смотреть на брата. Ненависть, которую она видела в его лице, то, как он выпрямился, будто черпая силы в словах о смерти их родителей, — это заставляло ее содрогаться.

— Па любил тебя, — повторила она в отчаянии.

— Нет, Иоанн прав. Па никогда меня не слушал. Никогда не понимал. В отличие от Отца. Во «Вратах Эдема» меня поняли. Они подарили мне новую жизнь, когда отметили меня и когда крестили. Они подарили мне новую

УРБАН УЭЙТ

жизнь, которую я всегда заслуживал. Стали для меня настоящей семьей. — Он обвел благодарным взглядом стоящих вокруг людей. — Я ценил эту новую жизнь, и, когда па приехал, я совершенно не хотел возвращаться. И я сказал ему об этом. Но ничего не изменилось. Он, как и прежде, не слушал. Он был уверен в своей правоте и в том, что я ошибаюсь. Он поднял на меня руку, но я уже не был беззащитным мальчишкой. Я вырос. Я стал умнее. И у него больше не было надо мной власти.

— Это же была просто авария... — слабо возразила Мэри Мэй, чувствуя, как земля просто уходит у нее из-под ног.

Дрю посмотрел на нее как на пустое место. Как на полную идиотку.

— Ты же знаешь, что это не так, — жестко ответил он. — Ты внушила это себе. Но не желаешь видеть правды. Ты просто не можешь представить, как все случилось. — Дрю протянул к ней руки, до сих пор связанные стяжкой, ладонями вверх. — Представь, как он приехал ко мне и попытался вырвать меня из жизни, которая меня устраивала. Представь, как он поднял на меня руку, решив добиться своего силой. А теперь представь, что я оказался сильнее, быстрее и ловчее его. Представь все это, и поймешь, что произошедшее не было несчастным случаем. Он сам подтолкнул меня, и он заплатил за все то зло, что мне причинил. — Он наклонился вперед, и его голос стал тише: — Убить его было несложно. Все равно что ударить ножом труп.

Мэри Мэй нажала на спусковой крючок. Пуля вошла в голову Дрю под подбородком и вышла из черепа сзади около линии волос. Девушка отстраненно смотрела, как он

падает. Ей казалось, что все вокруг исчезло. Не было этой ночи. Не было этих людей. Весь тот груз, что обрушили на нее сказанные слова, — все вышло в одном кратком движении пальца. И все исчезло — на ту секунду, пока тело не коснулось земли.

Из горла девушки вырвалось рыдание. Револьвер выпал из ее руки, и она рухнула на колени, подтягивая к себе безжизненное тело. Его вес, понимание содеянного, осознание ситуации — ее затопило этим ужасом. Она попыталась убедить себя, что брат сам ее вынудил, но сразу поняла, что это бесполезно. Она ясно понимала, что сама нажала на курок. Именно она. И никто другой.

Она испуганно оглянулась по сторонам. Люди смотрели на нее и отступали, когда на них останавливался ее взгляд. Вскоре Мэри Мэй слышала, как они перемещаются. Она продолжала обнимать брата. Она пыталась поддержать его голову, устроить поудобнее, хотя понимала, что уже едва ли что-то сможет для него сделать. Ведь это она в него выстрелила, да? Ей казалось, что этого не могло быть. Как будто это была не она. Ситуация менялась. Ярость и гнев обрушились на нее, словно удар молнии, и это казалось совершенно естественным.

— Твой отец научил тебя гордыне, — нарушил молчание Иоанн. Он все еще стоял на том же месте, но люди вокруг него начали расходиться и спускаться обратно по склону холма. — Я дал тебе грех зависти. Но теперь я вижу, что дело не в гордыне, полученной от отца, и не в зависти, которую увидел я. Теперь я понимаю, что должен был отметить тебя гневом. Однажды, когда наступит время и ты будешь готова принять, что должно, я буду ждать тебя.

УРБАН УЭЙТ

Она подняла на него взгляд. Перед глазами все плыло от слез, которые стекали по ее щекам.

— Ты пришел не за Уиллом, — выдохнула она. — Ты пришел сказать мне о Дрю. Пришел увидеть, что я сделаю. Это не я нажала на курок. Ты вынудил меня.

Она попыталась справиться со слезами, но практически не видела ничего вокруг.

— Дрю пошел против нашей воли, убив своего отца. Мы не могли забыть об этом или простить его за этот грех, ведь он говорил, что избавился от своей зависти. Мы ошиблись, поверив, что он разделил с нами истинный путь, указанный Отцом.

Мэри Мэй мелко заморгала. Она пыталась осознать, что произошло. Ее брат был мертв. Его тело лежало на ее руках. Иоанн стоял рядом и объяснял, что Дрю сам навлек на себя эту долю, что он получил ровно то, что заслужил.

— Ты это сделал, — упрямо повторила она. — Только ты и никто другой. Ты и твой Отец убили его.

Иоанн окинул ее снисходительным взглядом, словно она была его творением.

— Твой отец научил тебя гордыне. Он заставил тебя увериться в собственной непогрешимости. Но это не так. И мы тому свидетели. — Он вновь обвел рукой всех людей вокруг, показывая, что имеет в виду всех членов «Врат Эдема», которые проходили мимо. — Мы засвидетельствовали то, что ты сделала с братом. Что твоя семья с ним сделала. Не мы это сделали, а ты. И это знание останется с нами навсегда. Мы получили власть над тобой. Очень важно, чтобы ты поняла это, Мэри Мэй. Ты с самого начала ошибалась, а теперь на тебе грех, который даже я не видел.

Ты отдалась гневу. Я всегда буду о тебе помнить и буду готов помочь, потому что я тоже ошибся. Я ошибся в тебе, Мэри Мэй. Ты — гнев. И именно я однажды заберу этот твой грех.

Уилл не мог поверить своим глазам. Мир сквозь прицел всегда выглядел как немое кино, герои которого на таком расстоянии не издавали ни звука. Лишь их движения отражали то, что происходит. И в то же время все казалось ненастоящим. Звук выстрела сделал все реальным.

Расстояние исказило его, словно вода. Уилл видел, как Дрю упал. Видел, как Мэри Мэй кинулась к нему. И затем как Иоанн вновь начал говорить с ней, а мир опять погрузился в тишину.

Охотник отстранился от прицела. Он проморгался и вытер пот со лба. Мэри Мэй внизу, и Иоанна над ней было видно и невооруженным глазом. Остальные прихожане «Врат Эдема» начали потихоньку возвращаться к подножию холма, как будто все это было устроено ради смерти Дрю. Как будто они пришли сюда именно за этим и все засвидетельствовали произошедшее.

— Это была она? — спросил Джером, стоя рядом с Уиллом; пастор с дробовиком и в бронежилете выглядел так, словно божественное воинство начало нисходить на Землю.

— Думаю, да, — ответил Уилл. — Думаю, она застрелила брата. И, кажется, даже знаю почему.

— И что все это значит? Для Мэри Мэй и для «Врат Эдема»?

Уилл устало потер глаза. Кожа была влажной от пота. Его мысли разбредались, но, когда он вновь приник

УРБАН УЭЙТ

к прицелу, он опять увидел Иоанна. Сказав последние слова, мужчина тоже пошел прочь вместе с последними своими товарищами. Его затылок ничем не отличался от всех остальных.

— Это значит, что теперь в их руках есть козырь против нее. Даже если она решит бороться, то ни я, ни вы, ни она сама ничего не смогут с этим поделать. Чем раньше мы это поймем, тем лучше.

— Я не приму этого, — отказался Джером. — Каждый заслуживает помощи. И ты, и я, и Мэри Мэй.

Уилл промолчал. Они вляпались по самые уши. Это было самое настоящее дерьмо, и он не представлял, как из него выбраться. Но понимал, что они точно должны попытаться.

Каждый из нас должен помнить, сколь одинок
он был, предаваясь греху и живя без веры, что
удерживает дьявола вдали от нас.

— Отец, «Врата Эдема»
Округ Хоуп, Монтана

Уилл вспомнил время, когда он только вернулся с войны. Ощущения были такими же. То же чувство незавершенности. Хотя сейчас он думал, что дело, пожалуй, было не в победе, а просто в выживании. Главное состояло в том, чтобы вернуться живым оттуда, откуда возвращались немногие. В этом заключалась конечная цель. И именно это двигало им, когда он шел по краю поля тонконога в то место, которое называл домом последние двенадцать лет. В хижину, которую выделили ему «Врата Эдема».

Холли и трое мужчин из «Врат Эдема» ждали. Насколько Уилл мог судить, они провели здесь уже несколько дней. Из-под сени деревьев он наблюдал за ними. За тем, как они выносят предметы нехитрой обстановки и сжигают в ночи: различные деревяшки, тюфяк, на котором он спал, одежду, единственное кресло и стол. Холли часто подходила к обрыву, с которого он наблюдал за медведем. И он точно знал, что она выискивает взглядом не гризли,

УРБАН УЭЙТ

а его самого, как будто он представлял такую же угрозу. Как будто он был зверем, который рыскал по пустошам в поисках следующей жертвы.

Но Уилл перестал быть таким. Он стал просто выжившим. Он вернулся, но теперь ясно видел, что это больше не его дом. Все изменилось. Во всем округе Хоуп все стало по-другому.

Но охотник все еще осторожничал. Он наблюдал за ними день и ночь. Он следил за тем, как мужчины уходят справить малую нужду, и подбирался так близко, чтобы слышать, как они это делают и как удовлетворенно вздыхают, закончив. Он наблюдал, как они подходят к бочке с водой и моют руки с помощью тех же черпаков, которые он сам использовал долгие годы. Он видел, как они едят его пищу и как разбирают запасы.

Когда он ушел спустя сутки, все оставалось как раньше. Это место больше не было его домом, и Уилл понимал, что на самом деле так было давно. Четверть дня он шел вдоль реки и часто останавливался, чтобы осмотреть местность. Он не понимал, что именно ищет, но точно знал, что в любом месте ему будет хорошо. Он мог жить вдали от цивилизации сколько потребуется, мог стать дикарем, мог использовать знания, дошедшие до него через поколения. У него были силки и ловушки, патроны и винтовка, одежда — все необходимое для жизни и пропитания.

Ему нужно было залечь на дно. Охотник планировал уйти в глубь лесов, в горные расселины и пещеры, найти себе место среди деревьев и скал. Он думал о том, что все это было предопределено. Он расплачивался за содеянное. Возможно, Отец и «Врата Эдема» всегда были

правы на его счет: внутри него жил демон, который не позволял забыть о грехах в отношении и врагов, и любимых людей. Уилл надеялся, что помощь Мэри Мэй позволит ему найти утешение, но теперь уже не был в этом уверен.

Он думал обо всем, что осталось позади. В его душе было так много вопросов, но пока ни одного ответа. Уилл пересек реку вброд и двинулся дальше на север. Скалы вокруг него поднимались все выше, а ощущение, что за ним следят, становилось все сильнее. Ему казалось, что нечто невидимое движется рядом с ним, таясь в тенях и зарослях.

Это ощущение постепенно превращалось в навязчивую идею, и он часто останавливался и даже прятался за грядками камней, подолгу наблюдая из засады, напрягая слух в попытке услышать любой посторонний звук в журчании воды и шуме ветра. Он думал о «Вратах Эдема». Думал о мужчинах, поджидавших его в хижине. О призраках, которые могли его преследовать.

В некотором роде Уилл, конечно, спас Мэри Мэй, но это было вовсе не то спасение, на которое они могли бы рассчитывать. Когда мужчины спустились со скалы, Мэри Мэй по-прежнему обнимала брата. Уилл задумался о том, изменила ли смерть Дрю хоть что-нибудь. Был ли он вообще когда-то тем братом, каким его так отчаянно хотела видеть Мэри Мэй? Это чувство тоже было знакомо Уиллу. Он знал: то, что следует за ним под деревьями и вдоль реки, нельзя потрогать или удержать. К нему пришло осознание того, что он бросил дорогих ему людей. Это была вина и надежда. Воспоминания о жизни, которая вовсе могла не принадлежать ему. Он

УРБАН УЭЙТ

хорошо помнил это чувство. И теперь оно стало знакомо и Мэри Мэй. Он знал, как заблуждения в прошлом способны изменить будущее, и не мог винить девушку. Люди тысячелетия подряд совершали такие ошибки. Надежда для всех была одинаковой. Она толкала к переменам. Люди веками отвергали свое прошлое и очертя голову бросались в будущее.

На краю поляны протяженностью с четверть мили Уилл опустил свою сумку на землю. Со всех сторон это место было огорожено белоснежными березами и густым подлеском предгорий. Он подошел к реке и погрузил фляжку в поток, следя за тем, как пузырьки воздуха поднимаются к поверхности, а затем напился от души. Студеная вода бежала по его подбородку и клочковатой бороде. Пожалуй, он уже наполовину превратился в дикаря, хотя скорее всего был таковым, и когда Лонни пришел к нему с просьбой выследить медведя.

Прежде чем уйти из дома, в котором жил с женой и дочерью, Уилл забрал оттуда кое-какие припасы, и вот теперь он вскрыл банку фасоли открывалкой, позаимствованной там же. Он пробыл там ровно столько, сколько потребовалось, чтобы заполнить сумку, и ушел, не оглянувшись на прощание. Он понимал, что отбросить воспоминания все равно не получится. А вот Мэри Мэй еще только предстояло научиться с этим жить.

Солнце стояло высоко. Уилл сел, прижавшись спиной к рюкзаку и надвинув шляпу на глаза. Он доставал фасоль из банки голыми руками и забрасывал в рот, в то время как его взгляд постоянно следил за пространством в тени деревьев, берегом реки и грядой камней. Кто-то наблюдал за ним из леса. И это был не призрак.

Не делая резких движений, Уилл опустил консервную банку и подтянул винтовку к себе. Он был уверен: то, что охотится за ним, скрывается в кустарнике. Он заметил, как ветки дернулись, как будто там что-то пошевелилось. Охотник поднялся и подошел ближе, двигаясь как можно осторожнее. Он был готов бежать прочь или стрелять, в зависимости от того, что произойдет.

Сначала он заметил бурое пятно. Кустарник вновь шевельнулся, и теперь стал виден мех. Это был гризли, но Уилл не мог определить его размер, зато теперь точно знал, что не один. Ему вспомнился тот огромный медведь, которого он встретил сначала в грозу, а затем на берегу реки.

Возможно, зверь решил продолжить охоту. Охотник понимал, что он никуда не исчез, как не исчезали призраки или воспоминания.

Кустарник вновь зашуршал. Теперь Уилл слышал сопение. Это огромные легкие работали, словно меха, перекачивая воздух. Сбоку треснула ветка, и охотник едва не подпрыгнул, дернув винтовкой на звук. Он не знал, что там. Уилл многих убил в своей жизни — и тех, кто ходил на двух ногах, и тех, у кого их было четыре. Он знал, что всему есть цена. Он был грешником. Он лишь забирал, а отдавал обратно недостаточно.

Он подумал о своей семье, лежащей на городском кладбище. О Мэри Мэй и Джероме. Обо всем округе Хоуп. Он знал, что все, что произошло, было лишь началом, и понимал, что то, что таится во тьме, — будь то гризли или что-то еще — будет терпеливо ждать, пока ему не надоест отводить взгляд. Он сделал еще несколько шагов, протянул руку и отвел ветку в сторону. Впереди

УРБАН УЭЙТ

ждала тьма. Непостижимая бездна гостеприимно распахнула объятия, предлагая самому посмотреть, что же следовало за ним часы и дни напролет, а быть может, и всю его жизнь.

Могилу для Дрю вырыли в дальней части кладбища рядом с могилами родителей. За минувшие дни Мэри Мэй не раз приходила туда и подолгу стояла над тремя надгробными камнями. Могила матери была самой старой. Затем шла могила отца. И теперь вот брата. Все они были одинаково грязного цвета. Мэри Мэй и Джемом оба одинаково перепачкались землей, когда вдвоем среди ночи рыли яму глубиной в шесть футов. Все в городе знали, что происходит, но никто не сказал и слова, не попытался их остановить и не выглядел удивленным.

Лишь шериф почтил их своим присутствием. Он подошел, глянул на яму, которую они рыли, и приветственно слегка приподнял шляпу пальцем. Дождавшись ответного внимания Мэри Мэй, он сказал:

— Судя по всему, ты все-таки нашла брата.

— Да, нашла. — Девушка как раз присела отдохнуть в тени рядом с пастором. Они работали всю ночь и большую часть утра, хотя сейчас половина церквушки еще была погружена в тень.

— От чего он умер?

— Сердце не выдержало.

— Вот как? — вяло удивился шериф.

— Да.

— И где тело?

— У окружного коронера. С ма и па было так же.

Девушка выдержала изучающий взгляд. Шериф отвернулся и посмотрел на остальные могилы.

— Если я схожу туда и спрошу о причине смерти, мне тоже скажут про сердце?

— С чего бы должно быть по-другому? — удивилась Мэри Мэй. — По крайней мере, когда умер отец, коронер не колебался. Просто несчастный случай.

— Они так называют разные вещи.

— Разве есть причины что-то менять?

— Нет, насколько мне известно. Но в данном случае обстоятельства располагают к подозрительности.

— Какого рода обстоятельства?

— Три человека из одной семьи умерли почти в одно время. Такое сложно упустить из вида.

Мэри Мэй посмотрела прямо на него:

— Как ты сам и говорил.

— Я знаю, что я говорил, — хмыкнул мужчина и вновь заглянул в могилу. — Значит, если я схожу к коронеру и спрошу, что случилось, он подтвердит твою версию?

— Он ведь до сих пор носит бороду? — уточнила девушка.

— Носил, когда мы виделись в последний раз.

— Хорошо. Тогда я уверена, что ты услышишь то же, что и в тот раз, когда погиб мой отец.

Шериф перевел взгляд на пастора, сидящего чуть в отдалении. Жара и тяжелая работа заставили Джерома избавиться от воротничка и закатать рукава рубашки до локтей.

— А вы что скажете?

— Вера способна горы свернуть, — откликнулся пастор.

УРБАН УЭЙТ

Она тщательно вымыла и вытерла стакан, затем поставила его на барную стойку и взяла следующий. Прошло минут пять, как она открыла заведение, и к его дверям подъехал пикап с прицепленным трейлером для перевозки лошадей. Внутри сидели четверо мужчин. Раздался скрип тормозов, а в витринах отразились огоньки стоп-сигналов.

На полке стойки с внутренней стороны лежала бейсбольная бита. Она достала ее и прислонила рядом с собой так, чтобы посетители видели рукоятку. Огни погасли, и послышалось хлопанье дверей. Мэри Мэй продолжила заниматься стаканами. Сквозь дымное стекло она видела худую фигуру, а потом дверь открылась.

— Доброго дня, — поздоровалась девушка.

— Вы открыты? — спросил парнишка-пастух. На его лице до сих пор еще были заметны синяки, но они потихоньку заживали и как минимум точно не мешали улыбаться.

— Уже полчаса как.

Пастушок зашел и осмотрелся, а затем взял табуретку и сел, как будто бывал здесь уже тысячи раз.

— Судя по всему, ты нашла своего брата.

— Нашла.

— И он оказался таким, как ты помнила?

— Это был мой брат, но он стал другим.

— Мне жаль. — Он вновь осмотрелся; в пустом баре стулья были перевернуты на столах. — Позволишь помочь?

— Помочь?

— Ну да, я могу снять стулья. Сколько тебе было, когда ты начала работать здесь?

— А сколько тебе сейчас?

— Пятнадцать.

— Я была ненамного старше. Это место принадлежало моим родителям. — Она проследила взглядом за тем, как он принялся снимать стулья.

— Значит, это твое наследство?

— Да.

— И ты его не бросишь?

— Нет.

Пастушок снял уже третий стул, и Мэри Мэй жестом попросила его остановиться.

Она налила стакан воды и поставила его на стол рядом.

— Я выросла здесь. В этом самом баре, — с улыбкой сказала она. — Здесь же, например, меня впервые поцеловал какой-то ковбой. Прямо у задней двери. Нас едва не застучал па. Черт, он любил это место. Настолько любил, что не замечал, как мир вокруг меняется. Я же теперь ясно это вижу. Яснее просто некуда.

— Значит, они тебя не запугали?

— Нет, не запугали. Они отняли у меня мать и брата. Па сделал все, что мог, но этого оказалось недостаточно.

— Значит, ты осталась совсем одна?

— Я не одна, — качнула головой девушка. — Есть и другие, кто видит, как меняется мир. И кто хочет что-то с этим сделать.

— И ты планируешь заняться этим здесь?

— Сложно найти место лучше.

Они обменялись долгими взглядами, и мальчик поднялся, собираясь уходить.

— Я скажу там об этом месте. Я скажу им о тебе.

УРБАН УЭЙТ

— Там — это где?

— *Там* — это не здесь, — улыбнулся мальчик. — И неважно где. Мой отец решил увезти меня и еще нескольких человек отсюда. Я найду тех, кому не все равно. И расскажу им об этом месте.

— Думаешь, это что-то изменит?

Паренек потрянул головой:

— Я не знаю. Но то, что я видел в горах, определенно изменило меня. — Он оглянулся на пикап у дверей. — Ты же этим собираешься заниматься здесь. Ты же будешь пытаться? Думаю, каждый из нас должен так или иначе попытаться что-то сделать, разве нет?

— Да, — ответила Мэри Мэй. — Мы должны.

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга не появилась бы без поддержки многочисленных фанатов серии Far Cry. Спасибо вам за веру в сюжеты, истории и персонажей, ведь именно вера вдыхает в них жизнь.

Для меня видеоигры всегда были способом убежать из реального мира. Но чем больше развивались игры, тем ближе они становились к реальности. Грань начала стираться, и теперь игры — это не просто возможность побега, это нечто более глобальное и могущественное. Зачастую они требуют от игроков не только желания участвовать в разворачивающихся событиях, но и различных знаний или понимания того, что значит быть человеком. Они заставляют взглянуть на события с самых разных ракурсов и попытаться понять различные точки зрения. Короче говоря, видеоигры стали для меня просто другим миром, в котором я нашел свое спасение, — миром сюжетов.

Я хочу поблагодарить компанию Ubisoft за то, что они создают лучшие видеоигры. За то, что с каждым новым выпуском все сильнее развивают миры, все дальше

УРБАН УЭЙТ

раздвигают границы. Хочу сказать спасибо своей команде со стороны Ubisoft — Кэролайн Ламах, Энтони Маркантонио и Виктории Линель — за то, что прочитали мои предыдущие книги и подарили мне такой шанс. Я давно мечтал о подобном. Спасибо за то, что приближали меня к этой мечте с каждой новой версией.

Из всех сотрудников Ubisoft Montreal, людей, которые находятся в авангарде индустрии, я хочу отдельно поблагодарить Дэна Хэя, Дэвида Бедара, Жана-Себастьяна Декана, Нэлли Конг, Мануэля Флерана и Эндрю Холмса за ответы на все мои вопросы и возможность заглянуть за кулисы разработки. Я безгранично впечатлен тем, сколько труда и энергии вложено не просто в создание Far Cry, но в построение вселенной этой игры.

Мне хочется верить, что за последние восемь лет я стал старше и мудрее, но правда состоит в том, что я все еще учусь. Хотя это уже четвертая моя книга, работа над каждой из них была совершенно разной. Каждый раз путь проходил по неизведанным землям, и я не смог бы преодолеть его без людей, которые постоянно поддерживали меня и которые дали мне возможность писать.

Нат, ты была рядом все это время. С тех самых пор, когда ты прочитала мой первый рассказ в том журнале, спасибо за беспримерную поддержку.

Спасибо художественной школе «Минерал» и ее основателю Джейн Ходжес за предоставленное место, где и были написаны большинство книг. Спасибо Деборе Ди Доменико, ты неизменно присутствуешь во всех моих благодарностях. Спасибо за поддержку и за то, что познакомила с парнями из Даррингтона. Том Хэй, твоя хижина стала прообразом хижины в этой книге. Джим Хэни, Рик Найт,

FAR CRY. ПРОЩЕНИЕ

Дэвид Гронберг, спасибо за то, что вы сделали в Даррингтоне, за то, что показали мне это место, и за неизменное гостеприимство. Спасибо.

Мэри Пэркинс и Эрни Сиверс, вы предоставили мне чудесную студию, где я пропадал дни напролет. Среди ежедневной суматохи это место стало моей тихой гаванью. Спасибо.

К слову о суматохе: ничего этого не было бы без моей супруги Карен, которая как-то мирится с моим фактическим отсутствием и витанием в облаках, когда я работаю над книгой. Ты всегда рядом со мной, и я никогда не смогу выразить свою благодарность тебе в полной мере. Тебе, а также твоим и моим родителям, которые помогают растить наших детей. Ти-Ти и Поппи, Гонг-Гонг и По-По, благодаря вам все это стало возможным. И благодаря вам оно остается таковым. Спасибо.

ОБ АВТОРЕ

Урбан Уэйт — хороший парень, пишущий о плохих вещах (или наоборот). На его счету книги *The Terror of Living*, *The Carrion Birds* и *Sometimes the Wolf*. Все они появлялись в разных списках лучших книг года, например *Esquire*, *The Boston Globe*, *The Sun Sentinel*, *LitReactor* и *Booklist*. Его рассказы были включены в антологию *Best of the West*, печатались в *Southern Review*, *AGNI*, *Gulf Coast* и других журналах. Были выкуплены права на экранизацию всех книг. Они были переведены на девять языков и продаются в более чем двадцати странах мира.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Уэйт Урбан

FAR CRY

ПРОЩЕНИЕ

Директор редакции *Е. Капьев*
Ответственный редактор *В. Обручев*
Младший редактор *Е. Минина*
Художественный редактор *А. Гусев*

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Tauap belgici: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно
законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 07.02.2018.

Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44.

Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-04-091403-6

9 785040 914036 >

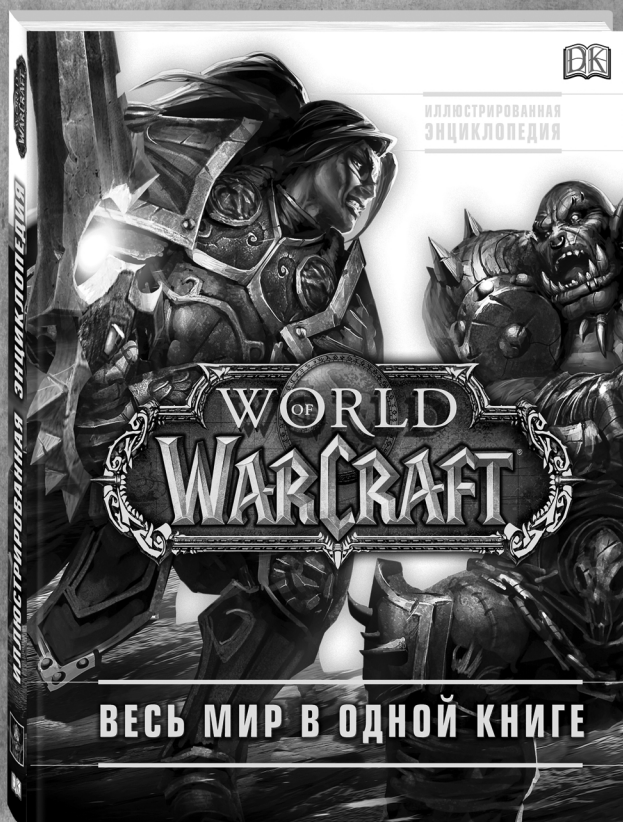

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
один клик до книги

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АЗЕРОТ!

Мир, за который стоит сражаться.
Мир, который стотит защищать.

Округ Хоуп, штат Монтана. Родина не только свободолюбивых и отважных людей, но и прибежище фанатиков культа Судного дня. Они называют себя церковью «Врата Эдема», и за минувшие годы их влияние распространилось на все области жизни обитателей окрестных земель.

Мэри Мэй Фэйргрейв, владелица местного бара, лишилась практически всего, что было ей дорого в жизни. Ее родители умерли при загадочных обстоятельствах, а брат исчез, привлеченный словами харизматичного лидера культа. Власти не собираются расследовать эти события, и девушка решает самостоятельно во всем разобраться.

Охотник Уильям Бойд много лет назад, отчаянно нуждаясь в помощи, нашел спасение во «Вратах Эдема». Но когда его путь пересекается с судьбой Мэри Мэй, дочерью его давнего друга, Уилл понимает, что происходящее в округе изрядно отличается от того, во что он верил все эти годы.

Против умелого и опасного противника у Мэри Мэй практически нет шансов. Но неожиданное вмешательство Уильяма Бойда изменит все.

БОМБОРА

Бомбора — это новое название Эксмо Non-fiction, лидера на рынке полезных и вдохновляющих книг. Мы любим книги и создаем их, чтобы вы могли творить, открывать мир, пробовать новое, расти. Быть счастливыми. Быть на волне.

   [bomborabooks](https://www.bombora.ru)
www.bombora.ru

ISBN 978-5-04-091403-6

9 785040 914036 >